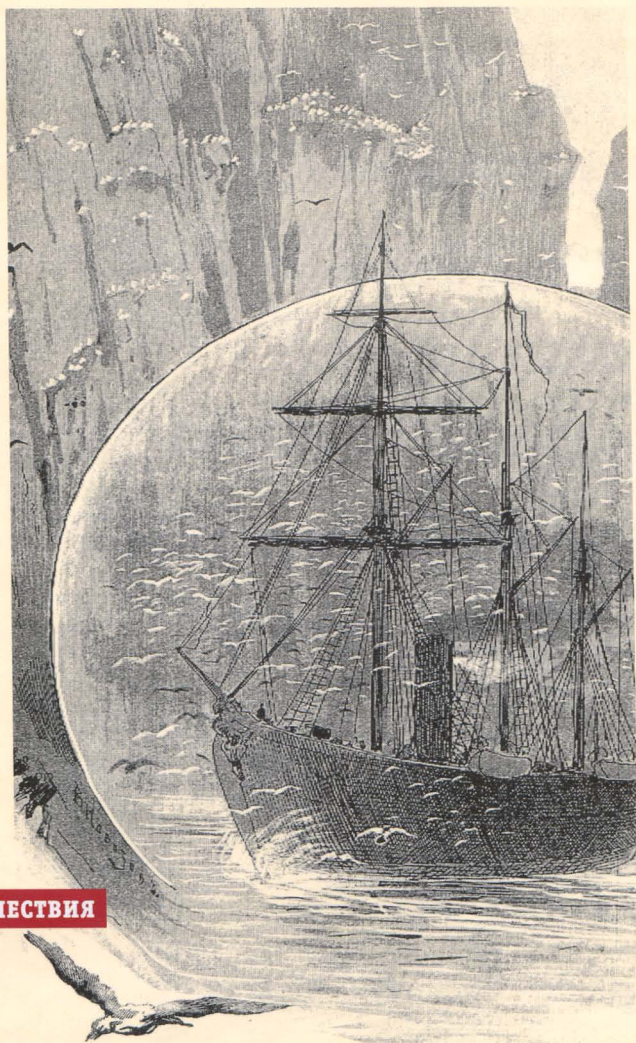

А. П. Энгельгардт

**РУССКИЙ СЕВЕР:
ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ**

ПУТЕШЕСТВИЯ

А. П. Энгельгардт

РУССКИЙ СЕВЕР: ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ

О Г И
М О С К В А
2 0 0 9

УДК 94(47)
ББК 26.89
Э62

Энгельгардт А. П.

Э62 Русский Север: Путевые записки / А. П. Энгельгардт. — М.: ОГИ, 2009. — 256 с.

ISBN 978-5-94282-558-4

В 1893—1901 гг. выдающийся государственный деятель и ученый-практик А. П. Энгельгардт был архангельским губернатором. Почетный гражданин Архангельска, он очень много сделал для развития города и всего северного региона. По следам своих многочисленных поездок по губернии он написал книгу путевых записок, в которой изложил свое видение возможностей развития Севера России.

УДК 94(47)
ББК 26.89

ISBN 978-5-94282-558-4 © С. В. Шабалов, предисловие, 2009
© ОГИ, оформление, 2009

Подписано в печать 16.09.2009. Гарнитура Петербург.

Формат 84×108¹/32. Объем 8 печ. л.

Бумага LUX CREAM. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Заказ № 0912280.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Оглавление

<i>С. Шабалов. Энциклопедия Русского Севера.</i>	<i>7</i>
Общий обзор экономической и промышленной жизни Русского Севера	13
Путешествие в Кемский и Кольский уезды . . .	26
Корела, или Корелия	40
Поморье	48
Лапландия	65
Мурман	89
Новая Земля	140
Печорский край	190

Энциклопедия Русского Севера

Александр Платонович Энгельгардт (1845—1903) — один из тех государственных мужей, которые, наряду с «великим русским Пахарем», составляли подлинное богатство прежней России в последний период ее существования, накануне великой исторической катастрофы. Имя Энгельгардта должно стоять в одном ряду с именами Витте и Столыпина, а также с именами менее известных, но не менее самоотверженных хранителей и созидателей страны.

Энгельгардт — потомок старинного дворянского рода — родился в селе Климово Смоленской губернии, а умер в Швейцарии (откуда с XIII—XIV веков ведется его родословная). Прожив менее шести десяти лет, Энгельгардт успел сделать поразительно много — особенно для Русского Севера. Вначале приведем краткий послужной список этого замечательного человека. В 1864 г. он закончил юридический факультет Московского университета. Вернувшись в Смоленск, он работает следователем палаты уголовного и гражданского суда, затем избирается почетным мировым судьей нескольких судебных округов, секретарем дворянского собрания, уездным и губернским гласным, членом земской управы. С 1877 по 1890 гг. он был городским головой Смоленска. С 1890 по 1893 гг. — вице-губернатором Казани. С 1893 по 1901 гг. — архангельский губернатор. С 1901 по 1903 гг. — губернатором Саратова (на этом посту его сменил П. А. Столыпин). В последний год своей жизни, будучи уже тайным советником и гофмейстером двора Его Императорского Величества, Энгельгардт был назначен товарищем (заместителем) министра земледелия и государственных имуществ. Он был награжден как российскими (до Владимира второй степени включительно), так и многими иностранными орденами и знаками отличия.

Энгельгардт — не только крупный государственный чиновник, но и ученый-практик.

Он был президентом Смоленского общества сельского хозяйства, состоял почетным членом Петербургского и Московского обществ естествознания, антропологии и этнографии, Северного общества ветеринаров, Общества архангельских врачей и Общества судоходства, Саратовского санитарного общества и Общества естествоиспытателей, был действительным членом Императорского географического общества и корреспондентом Главной физической обсерватории. Кроме того, он был попечителем многих учебных и просветительных заведений, принимал деятельное участие в работе местных отделений Красного Креста и различных благотворительных учреждений (см. *Скрипцын В. А.* Воистину человек. Из воспоминаний об Александре Платоновиче Энгельгардте. СПб., 1903). Энгельгардт — автор книг «Очерк крестьянского хозяйства в Казанской и других средневолжских губерниях», «Русский Север. Путевые записки» и «Черноземная Россия».

В Архангельске его деятельность как ученого-практика проявилась особенно ярко. Он обеспечил представительство Архангельской губернии на Всемирной выставке, которая состоялась в Париже в 1900 г. Он оснастил экспонатами архангельский публичный музей (многие из этих экспонатов он привозил из собственных поездок по губернии). Он поддерживал гидрографические работы по трассе будущего Северного морского пути. Он участвовал в строительстве первого отечественного ледокола «Ермак» и в строительстве Мурманской биологической станции. «Во время губернаторствования Александра Платоновича значительно усиливается исследовательская деятельность. Был собран богатый материал по географии, статистике и административному делению края. Причем в 1895—1896 гг. на реке Усе было открыто существование более тридцати ранее неизвестных и потому не принадлежавших ни одной волости населенных пунктов... В сельском хозяйстве самым знаменитым шагом Энгельгардта стало вливание свежей крови в холмогорскую породу коров. Чтобы укрепить поголовье, крестьянам Холмогорского и Архангельского уездов раздавались племенные голландские быки. Судя по тому, что „холмогорка“ и сейчас остается одной из лучших в России пород, быки пришлись нашим буренкам весьма по сердцу» (*Тараканов К.* Однажды Архангельску повезло с губернатором //

Независимое обозрение. — Архангельск, 2003. 20 ноября. № 35).
Энгельгардт финансировал больницы и церковно-приходские школы, открывал бесплатные читальни, успешно боролся с эпидемией холеры в 1894 году...

Энгельгардт повсюду был созидателем. Так, в Смоленске при нем были построены водопровод и здание городской думы, появились библиотека и историко-археологический музей, были воздвигнуты памятник М. И. Глинке и мост через Днепр, открылись три новые начальные школы, три училища, Мариинская женская гимназия, было введено бесплатное пользование губернской земской больницей. «За долголетнюю деятельность на пользу города» Энгельгардту было присвоено звание почетного гражданина Смоленска, а позднее — Архангельска и Саратова.

В Архангельск Энгельгардт прибыл необычным путем — на пароходе через Норвегию, где он знакомился со скандинавским опытом освоения Севера (скандинавы были главными промысловыми конкурентами России в Западной Арктике). Уже на приеме в честь своего вступления в должность губернатора Энгельгардт поставил задачу «устроить и улучшить пути сообщения, которые связали бы нас с остальной Россией, привлекли бы к нам новые силы и капиталы и дали бы возможность вызвать на свет, на пользу края, на пользу всей России его несметные богатства». «Все мои заботы, вся моя деятельность, — писал он впоследствии, — были направлены к тому, чтобы всеми мерами содействовать успешному и скорейшему осуществлению намеченных мероприятий по устройству в губернии рельсовых путей, пароходных сообщений, телеграфов и порта на Мурмане...»

Слова губернатора не расходились с делом. При Энгельгардте велось строительство дорог, связавших Архангельскую губернию с остальной Россией, — в первую очередь железных дорог из Вологды в Архангельск и из Котласа в Пермь. Он был руководителем строительства Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. Много было сделано и для появления местной дороги в каждом уезде. Обычным делом стали пароходные рейсы в такие непроходимые ранее места, как Югорский Шар, Печора, остров Колгуев. Вместе с дорожной уделялось большое внимание и почтовой связи. В Архангельской губернии было открыто более тридцати почтовых и почтово-телеграфных учреждений (см. Там же). В частности, был обустроен почтовый тракт Мезень —

Печора — Усть-Цильма — Пустозерск, проложены телеграфные линии на Печору и на Мурман. Энгельгардт писал об этом так: «Рядом с постройкою рельсовых путей и с расширением пароходных сообщений приступлено к сооружению телеграфных линий, с одной стороны, на северо-запад к Мурманскому берегу до Норвегии, а с другой — на восток к Печоре. Несмотря на все трудности, которые приходилось преодолевать при постройке телеграфа по необитаемой местности, по тундрам и скалам Кольского полуострова, по непроходимым Печорским лесам, телеграфная линия на протяжении с лишком 1500 верст была построена в один год, и в настоящее время отдаленнейшие поселения на Севере: г. Кола, Екатерининская гавань, Печенгский монастырь и проч. на Мурмане, Усть-Цильма на Печоре, пользуются удобствами телеграфного и телефонного сообщений». Многие из этих работ Энгельгардт курировал лично. Первая телеграмма из Колы и Александровска (город, строительством которого он руководил) была отправлена архангельскому губернатору в 1896 г.

Энгельгардт мыслил в масштабах всей страны и рассматривал свою деятельность с точки зрения долгосрочных исторических перспектив. Например, он писал, что с устройством коммерческого порта на Мурмане, в Екатерининской гавани, «Россия сделается действительною обладательницею Белого моря, Северного океана и их неисчерпаемых богатств». Но прежде всего Энгельгардт думал о насущных нуждах местного населения: «...Без телеграфа на Мурмане, — писал он, — все усилия к упорядочению и развитию рыбных промыслов и колонизации Мурманского берега не могут иметь успеха». Телеграф же послужит «к благосостоянию поморского населения Кемского, Онежского и частью Архангельского уездов, для которого мурманские промыслы составляют главный источник заработка».

Вступив в губернаторскую должность и наметив программу преобразований, он предпринял ряд путешествий в самые отдаленные местности губернии. В сущности, Энгельгардт проводил небывалую по масштабам рекогносцировку Русского Севера, целью которой была подготовка намеченного им грандиозного строительства. Как он пишет, у многих возникали сомнения в осуществимости его проектов, поскольку природные условия здесь исключительно неблагоприятные. Энгельгардт решил «лично ознакомиться с положением дел». Он проехал «по Кемскому уезду и через Коль-

ский полуостров на Мурман до границы Норвегии; в Печорский край, как сухим путем через Мезенский уезд, так и морем к устьям реки Печоры»; при этом на Новую Землю и на Мурманский берег он ездил несколько раз. Результатом этих путешествий стали путевые записки, которые печатались в петербургском журнале «Русское судоходство» за 1895—1896 гг. Собранные вместе и дополненные, эти записки и составили данную книгу, вышедшую в 1897 г. Весьма характерно для Энгельгардта, что доход от издания книги он жертвует «на снабжение учебными пособиями мореходного класса и класса рыболовства, каковые, я надеюсь, будут учреждены при училище в будущем Екатерининском порте на Мурмане».

Книга, скромно названная «путевыми записками», на самом деле представляет собой настоящую энциклопедию Русского Севера. Она исключительно богата историческим, географическим и этнографическим материалом, который иллюстрируется множеством фотографий. Ценность этого материала состоит в том, что он собран не простым путешественником и не кабинетным ученым, а губернатором, который обладал наблюдательностью путешественника, эрудицией ученого и к тому же прекрасно владел пером. Временами его рассказ превращается в увлекательное повествование. Но главная задача, которую ставит перед собой Энгельгардт, сугубо практическая: на основе собранного им материала обосновать необходимость строительства в губернии телеграфных линий, дорог и почтовых станций. Более того, он сам проектирует это строительство, выполняя работу инженера, геодезиста, картографа. Его книга — подробный путеводитель и справочник, в котором содержатся исчерпывающие сведения о рельефе местности, о состоянии дорог, об озерах и реках, о флоре и фауне Русского Севера.

В то же время он как губернатор отдает распоряжение привести в порядок почтовую станцию, мимо которой ему случилось проезжать, и освобождает встреченного им крестьянина от несправедливого штрафа за порубку леса. Он указывает, что на Севере лес для крестьян, как и олени для скотоводов, является, без всякого преувеличения, источником жизни.

И в любом своем качестве Энгельгардт выступает как профессионал. Карельскую избу или одежду лопаря он описывает как настоящий этнограф, а прошлое «великой Биармии» — как профессиональный историк. При этом он ссылается на русские лето-

писи, на скандинавские саги и на данные археологии. Особенный интерес представляют характеристики, которые Энгельгардт дает различным народностям, населяющим Архангельскую губернию: русским поморам, карелам, лопарям, зырянам (коми), самоедам (ненцам). Энгельгардт делает обстоятельное и всестороннее описание каждого племени — с исторической справкой, географией и статистикой. Не забывает описать верования и обычаи, занятия и внешний вид, жилище и одежду, отношения с соседями и национальный характер. Любопытно, многое ли изменилось за прошедшие сто с лишним лет?

Специалист и просто заинтересованный читатель найдет в книге Энгельгардта всестороннее описание жизни народов Русского Севера, какой она была в конце XIX века. Массу интересных сведений сообщает Энгельгардт и о русских поморах. Например, он пишет: «...помор пойдет скорее в работники-покрученники, чем станет ловить треску тем способом, каким ловят финляндские и норвежские колонисты (на уду и небольшими ярусами), — способом хотя и более верным и обеспечивающим известный улов, но кропотливым и медлительным; нет, он забрасывает в океане за десятки верст от берега ярус в несколько верст длины с тысячами крючков, болтается в своей шняке по целым суткам в море, терпит непогоду; ему хочется вычерпать чуть не все море, разом обогатиться, наловить тысячи пудов».

Да, «однажды Архангельску повезло с губернатором» — и не только потому, что этот губернатор «смог вытянуть наш край из провинциального захолустья в ряд самых динамично развивающихся территорий России» (*Тараканов К. Указ. соч.*), но и потому, что Энгельгардт оставил удивительную книгу, которую можно с полным правом назвать энциклопедией Русского Севера.

Сергей Шабалов

Общий обзор экономической и промышленной жизни Русского Севера

При первом, даже поверхностном, знакомстве с местными условиями и нуждами Русского Севера, составляющего Архангельскую губернию и обнимающего огромное пространство от границ Норвегии до Тобольской губернии вдоль берегов Северного океана и Белого моря, нельзя не заметить, что экономическая и промышленная жизнь этого обширного края находится в полном застое и как бы в летаргическом сне.

Между тем по своему географическому положению и своим естественным богатствам край этот обладает всеми данными, чтобы не только развить и упрочить благосостояние местного населения, но и служить на пользу всего государства.

Северный океан у берегов Мурмана и Белое море представляют богатую местность для рыбной промышленности: уловы трески на Мурмане, сельдей в Белом море, наваги в Мезенском заливе и проч. столь обильны, что могли бы снабжать всю среднюю и восточную часть России и обе столицы превосходною дешевою рыбою; между тем русские потребители уплачивают ежегодно иностранцам несколько миллионов рублей за рыбу, которая привозится в порты Балтийского моря. Печорский край, острова Колгуев, Вайгач и Новая Земля изобилуют пушными зверями, окружающие же эти острова Ледовитый океан и Карское море кишат тюленями всяких пород и прочими морскими животными. Огромные минеральные богатства края — нефть, соляные источники, серебро-свинцовые, медные и железные

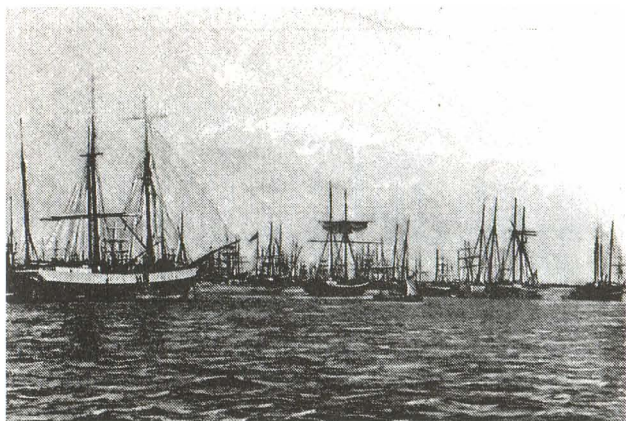

Архангельск. Соборная пристань

руды, еще не тронуты, а эксплуатация обширных казенных лесов, занимающих площадь в несколько десятков миллионов десятин, может быть значительно расширена и должна составить крупную, постоянную статью государственного дохода и русской отпускной торговли. Обилие поемных лугов по Северной Двине, Мезени, Печоре и другим рекам представляет все условия для развития здесь в широких размерах скотоводства. В то же время Архангельский порт по природным удобствам находится в редких благоприятных условиях: Северная Двина у г. Архангельска представляет отличную гавань, а произведенные в недавнее время работы по углублению фарватера сделали его доступным для самых больших судов.

Наконец, нельзя упускать из виду, что из всех морей, омывающих русские берега, только в Белом море и в Северном океане Россия может считать себя полным хозяином и что только из незамерзающих вод Мурмана с его прекрасными гаванями, окруженными неприступными гранитными скалами, русский флот во всякое время может иметь свободный выход на простор открытого океана и во все страны мира.

Значение Севера для России было оценено еще Петром Великим. Он три раза посетил Архангельск, и принятые им меры имели последствием быстрое развитие торговли, промыслов и судоходства. Край ожил, и население стало поль-

Архангельск. Поморские суда на Северной Двине

зоваться благосостоянием; на Белом море постепенно образовался значительный торговый флот; благодаря военному порту в Архангельске, местное население научилось строить прочные, правильно оснащенные суда, а мореходные школы дали знающих моряков. Таким образом местными поморами был создан довольно большой торговый флот, и в наше время поморы на своих судах ведут торговлю с Норвегией, плавают даже в Англию и Санкт-Петербург. Их флот, с развитием отпускной торговли из Архангельского порта, мог бы до некоторой степени устранить господство иностранцев в перевозке грузов, конкурировать с их флотом и вообще служить интересам русской торговли. По сведениям, собранным по поручению комитета для помощи поморам Русского Севера А. Г. Слезкинским, поморский флот состоит в настоящее время из 414 парусных судов, вместимостью 20 250 тонн и стоимостью около 750 000 рублей¹.

Беломорская торговля и промышленная деятельность Севера процветали и развивались, пока пути сообщения внутри России находились в более или менее одинаковых первобытных условиях; произведения восточной части Рос-

¹ Беломорский парусный флот в 1896 году. — СПб., 1896. — Приложение к журналу «Русское судоходство торговое и промысловое на реках, озерах и морях». 1896. № 170/171.

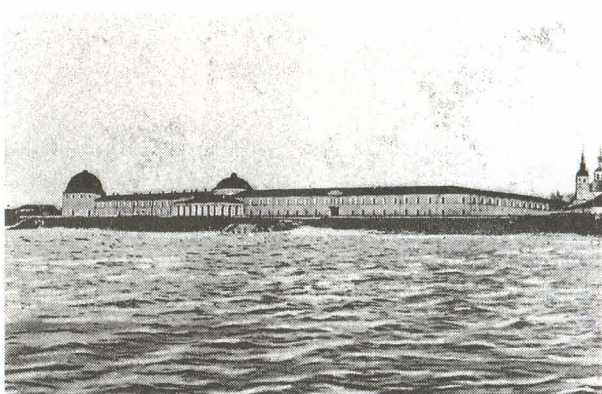

Архангельск. Присутственные места. Дом губернатора.
Памятник М. В. Ломоносову

сии — хлеб, лен и проч. — направлялись к ближайшему естественному своему порту в Архангельск, а обратно шли продукты рыбного и звериного промыслов. Но, по мере распространения улучшенных путей в остальной России, кроме Севера, удешевления провозной платы и ускорения подвоза произведений поволжских губерний к портам Балтийского и Черного морей Север России стал терять свое значение.

Стоит только взглянуть па карту, чтобы убедиться, что все железные дороги, все искусственные водяные пути сообщения направлены от Волги к Балтийскому и Черному морям и к западной границе: Север же остался без путей сообщения и совершенно обособленным. Вместе с развитием рельсовых путей от Волги к Западу капиталы отшатнулись от Белого моря, торговля и промыслы начали падать, а жители Севера, несмотря на окружающие их богатства, стали испытывать постоянную нужду.

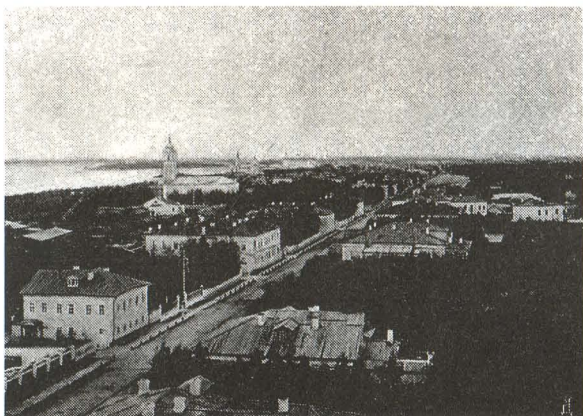
Географическое положение и климатические условия Севера таковы, что земледелием население заниматься не может, но оно имеет полную возможность жить и пользоваться даже благосостоянием, занимаясь рыбными, звериными, лесотехническими и горно-заводскими промыслами, судостроением и торговлею, — конечно, при том условии, чтобы продуктам этих промыслов был предоставлен более или менее верный, обеспеченный и скорый сбыт.

Архангельск. Таможня

В Архангельской губернии труд земледельца окупается еще кое-как в Шенкурском уезде и в южной части Архангельского и Холмогорского уездов. На севере Печорского, Мезенского, Архангельского и Кемского уездов и во всем Кольском уезде зерновые хлеба вовсе не произрастают; в остальных частях губернии хлебопашество составляет лишь незначительное подспорье к остальным промыслам.

Для годового продовольствия наличного населения Архангельской губернии необходимо $3\frac{1}{2}$ миллиона пудов хлеба, местный же урожай в хороший год дает не более $1\frac{1}{2}$ миллиона пудов; следовательно, в урожайные годы требуется привозного хлеба около 2 миллионов пудов, а в неурожайные — до 3 миллионов пудов. Соседние Олонецкая и Вологодская губернии не могут снабдить хлебом Архангельскую губернию, потому что сами нуждаются нередко в привозном хлебе; поэтому недостающий хлеб ввозится частью из Вятской губернии гужом и по притокам Северной Двины, частью с приволжских пристаней от Ярославля по Вологодской железной дороге и по реке Сухоне. Мелководье Сухоны и других притоков Двины, опасность плаванья и разные задержки представляют для хлебной торговли значительный риск и требуют затраты больших капиталов, притом по меньшей мере за год вперед. Такие условия хлебной торговли дают широкий простор хлебной монополии и ставят насе-

Архангельск. Немецкая слобода

Архангельск. Смоляной буйан

ление в зависимость от немногих хлебных торговцев. Вследствие дороговизны провоза и риска цены на хлеб нередко очень высоки. Правда, в видах возможного удержания цен на хлеб от непомерного повышения и ограждения населения от недостатка хлеба правительством устроены запасные и торговые хлебные магазины, но содержание этих магазинов и условия развозки хлеба по магазинам вызывает значительные расходы и возвышает стоимость хлеба.

Крестьянка села Кегострова Архангельского уезда

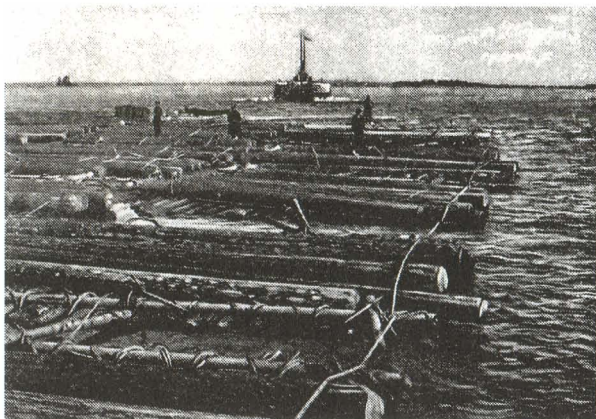
Дороговизна хлеба вынуждает промышленников Севера затрачивать бóльшую часть заработка на покупку хлеба и, отправляясь на промысел, запастись хлебом нередко в долг, по цене еще более высокой.

Таким образом, развитие торговли, развитие и усовершенствование промыслов с одной стороны и удешевление хлеба с другой — вот самые существенные потребности Севера. Все мероприятия правительства, направленные

Крестьянка посада Непоксы Архангельского уезда

для достижения этой цели, не имели до сего времени желательных результатов и оказывали населению лишь временную помощь. При новых условиях торговли и промыслов, в связи с огромными расстояниями между промысловыми пунктами и при краткости времени для производства промыслов и для производительного труда вообще на Севере, только сооружение усовершенствованных путей сообщения и быстрота сношений, т. е. устройство железных дорог, рас-

Архангельск. Буксировка леса

ширение пароходных сообщений и устройство телеграфов, могут возродить благосостояние и промышленную деятельность края и вызвать к жизни его естественные богатства.

Живой интерес к Северу и милостивое внимание к его нуждам в бозе почившего императора Александра III и императора Николая Александровича ускорили приведение в исполнение целого ряда мер, направленных к экономическому развитию и возрождению Севера: в 1895 году приступлено к сооружению железной дороги от Вологды до Архангельска², а в 1896 году — от Перми на Вятку и Котлас. Эти дороги соединят между собою бассейны рек Камы, Волги

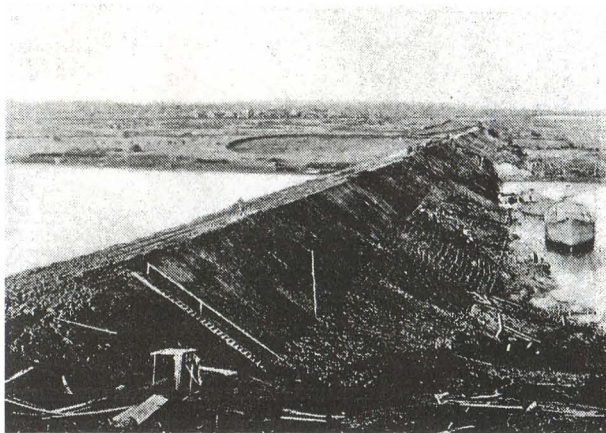
² Рельсовый путь от Вологды до Архангельска имеет протяжение 600 верст. Возвращаясь в декабре 1896 г. из С.-Петербурга в Архангельск, я отправился по линии железной дороги и проехал в вагоне по рельсам 300 верст и на лошадях 240 верст. По ходу работ на пространстве, где еще не уложен рельсовый путь, нужно думать, что весь путь будет открыт для всеобщего пользования к концу 1897 г., несмотря на все трудности, которые пришлось преодолеть при проведении дороги по необитаемой местности, по дебрям, куда ранее не вступала человеческая нога, по тундрам и глубоким болотам, и с которыми, по-видимому, инженеры справились вполне успешно.

Холмогорская корова

и Двины; Север России будет обеспечен дешевым хлебом, а продукты его промыслов найдут себе сбыт на внутренних рынках; усилится эксплуатация природных богатств края и его колонизация; с другой стороны, произведениям земледельческой промышленности северо-восточных при-волжских губерний и западных губерний Сибири откроются новые рынки как на самом Севере, так и за границею через ближайший Архангельский порт; вместе с тем возродится упавшая в последнее время торговая деятельность Архангельска, на Белом море усилится кораблестроение, и существующий уже поморский торговый флот получит еще большее развитие.

Естественным продолжением рельсовых путей являются пароходные сообщения по Белому морю и Северному океану; в этом отношении в последние два года сделано очень много. Деятельность товарищества Архангельско-Мурманского пароходства расширена в значительной мере при участии правительства; в 1896 году товарищество приобрело шесть новых превосходных пароходов, построенных в Англии, так что все прибрежные поселения Белого моря и Северного океана связаны в настоящее время пароходными сообщениями. В то же время открыто впервые пароходство от Архангельска к устьям реки Печоры и вверх по Печоре на протяжении около 1000 верст.

Железнодорожная насыпь через реку Исакогорку, приток
Северной Двины, близ Архангельска

Рядом с постройкой рельсовых путей и с расширением пароходных сообщений приступлено к сооружению телеграфных линий, с одной стороны на северо-запад к Мурманскому берегу до Норвегии, а с другой — на восток к Печоре. Несмотря на все трудности, которые приходилось преодолевать при постройке телеграфа по необитаемой местности, по тундрам и скалам Кольского полуострова, по непроходимым Печорским лесам, телеграфная линия на протяжении с лишком 1500 верст была построена в один год, и в настоящее время отдаленнейшие поселения на Севере: г. Кола, Екатерининская гавань, Печенгский монастырь и проч. на Мурмане, Усть-Цыльма на Печоре — пользуются удобствами телеграфного и телефонного сообщений.

Наконец, в одной из лучших незамерзающих бухт на Мурмане, в Екатерининской гавани, приступлено к сооружению коммерческого порта. С устройством этого порта, в связи с развитием пароходства и промышленной деятельности на Севере, Россия делается действительною обладательницею Белого моря, Северного океана и их неисчерпаемых богатств.

Само собою разумеется, что все мои заботы, вся моя деятельность были направлены к тому, чтобы всеми мерами содействовать успешному и скорейшему осуществлению

Вид тундры и временная дорога

Американская землекопательная машина

намеченных мероприятий по устройству в губернии рельсовых путей, пароводных сообщений, телеграфов и порта на Мурмане; все прочее явится само собою и не потребует уже особого напряжения энергии, сил и капиталов. Исключительные местные условия вызвали во многих сомнения в возможности осуществить сказанные предположения, ввиду природных, непреодолимых будто бы, препятствий. Чтобы лично ознакомиться с положением дела, я предпри-

Узкоколейная железная дорога системы Деконвиля

нял целый ряд путешествий в самые отдаленные местности губернии, как, например: по Кемскому уезду и через Кольский полуостров на Мурман до границы Норвегии; в Печорский край, как сухим путем через Мезенский уезд, так и морем к устьям р. Печоры; при этом на Новую Землю и на Мурман морем я ездил несколько раз. Свои путевые записки я посылал в журнал «Русское судоходство», орган санкт-петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству, которое принимало всегда самое живое участие в интересах нашего Севера и в последние годы оказало существенную поддержку поморскому населению, собрав по добровольной подписке значительный капитал для оказания помощи семействам поморов, погибших при кораблекрушениях. Записки эти печатались в журнале «Русское судоходство» за 1895 и 1896 годы, в настоящем же издании они соединены вместе и пополнены некоторыми позднейшими данными.

Доход, который может получиться от этого издания, я предоставляю в распоряжение Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству на снабжение учебными пособиями мореходного класса и класса рыболовства, каковые, я надеюсь, будут учреждены при училище в будущем Екатерининском порте на Мурмане.

Путешествие в Кемский и Кольский уезды

Цель этого путешествия. — Значение для Севера посещения Архангельска и Мурмана министром финансов С. Ю. Витте в 1894 г. — Значение телеграфа на Мурмане. — Условия его устройства. — Соловецкий монастырь. — Остров Попов и его значение при проведении железной дороги в Кемь. — Город Кемь. — Река Кемь и Подужемский водопад.

В 1894 году Архангельск и Мурманское побережье посетил министр финансов С. Ю. Витте. Это путешествие имело огромное значение для Севера. С. Ю. Витте лично убедился в государственном и экономическом значении Мурмана, и, благодаря его участию и содействию, многие мероприятия, намеченные в интересах экономического развития края и северных промыслов, получили быстрое и благоприятное движение. Между прочим, С. Ю. Витте была признана и неотложность постройки телеграфной линии на Мурман, о сооружении которой я вошел с представлением к министру внутренних дел тотчас по прибытии моем в Архангельск. Вопрос о постройке телеграфа был вскоре решен, и на 1895 г. были уже ассигнованы потребные для этого суммы. Необходимость сооружения телеграфа на Мурман вызывалась следующими соображениями: одним из главных тормозов для усиления колонизации Мурманского берега и для развития и усовершенствования рыбных промыслов является отсутствие возможно быстрых сношений как между отдельными промысловыми пунктами, так и с главными центрами сбыта предметов промысла.

С Мурманским берегом Кольского уезда прекращаются всякие сношения по меньшей мере в течение четырех месяцев: в октябре, ноябре и с половины марта до половины мая. Зимой восстанавливается почтовое сообщение между Колою и Архангельском, по земскому почтовому тракту на Кемь; но этот почтовый путь если и имеет некоторое значение в адми-

нистративном отношении, то в торгово-промышленном деле никакой роли не играет. Затем правильное и более или менее удовлетворительное сообщение с Мурманским берегом открывается лишь в конце мая — с того времени, когда пароходы товарищества Архангельско-Мурманского пароходства имеют возможность выйти из Белого моря, — и продолжается до половины сентября, т. е. до прекращения пароходных рейсов.

Устройство телеграфной линии между главными колониями и становищами по Мурманскому берегу представляется необходимым потому, что рыба приплывает к берегам не всегда к одним и тем же местам, не в одинаковом количестве и не в одно и то же время. Случается, что в одних становищах, за отсутствием хода рыбы, промышленники сидят без дела, тогда как в других, соседних, такое изобилие рыбы, что местные промышленники не в состоянии наловить ее в том количестве, в каком это было бы возможно при бóльших силах.

В Норвегии, где все главные места лова соединены между собою телеграфом, как только рыба появляется в таком количестве, что местные средства оказываются недостаточными, тотчас об этом дается знать другим промышленникам; немедленно являются пароходы, которые подвозят снасти, лодки, бочки, соль, людей и пр. Таким образом, улов получается более обильный, а прибыль от промысла распределяется более правильно между большим числом промышленников. В этих случаях необходима поспешность еще и потому, что рыба не ждет на одном месте, а через некоторое время исчезает.

Огромное значение в рыбном промысле играет еще наживка, т. е. мелкая рыба мойва, которая идет на наживление крючков для приманки крупной рыбы. Если нет наживки, то сколько бы ни появлялось крупной рыбы, лов ее невозможен. Между тем и с наживкою бывает то же самое, что и с крупной рыбою: она появляется то в одном, то в другом месте; поэтому для промышленников весьма важно иметь сведения, где в данное время есть наживка.

Необходимость соединения береговой мурманской линии с общею телеграфною сетью ясна сама собою: самый удачный лов трески бывает обыкновенно раннею весною,

в то время, когда Белое море покрыто еще льдами и сношения с Архангельском невозможны. Между тем в самом Архангельске и при посредстве архангельских торговцев совершаются с С.-Петербургом, Либавою, Гамбургом и другими рынками торговые и кредитные сделки, зависящие, с одной стороны, от требований рынка, а с другой — от количества улова. От того или другого количества улова зависит также необходимость зафрахтования судов для нагрузки и перевозки рыбы, заготовление соли и проч. В настоящее время искание рыбы и наживки и вообще все дело промысла ведется наудачу, ощупью, на авось. Многие промышленники при неудаче разоряются, а новые появляются на их смену не вдруг, отчего промыслы падают, принимают случайный характер азартной игры и не могут получить должного прочного развития. Поэтому без телеграфа на Мурмане все усилия к упорядочению и развитию рыбных промыслов и колонизации Мурманского берега не могут иметь успеха. Без телеграфа нет никакой возможности вести правильно, с успехом, самый промысел; в то же время нельзя ожидать, чтобы и торговля на Мурмане упрочилась, получив надлежащее направление, пока на Мурмане не будут получаться своевременно сведения о требованиях рынка, а в торговых центрах не будут знать об успехах улова. Устройство же телеграфной линии вдоль Мурманского побережья и от Колы до Кеми, в соединении с общою телеграфною сетью Империи, совершенно изменит характер рыбных промыслов на Мурмане, послужит к развитию и упрочению этих промыслов, к развитию колонизации по Мурманскому берегу и к благосостоянию поморского населения Кемского, Онежского и частью Архангельского уездов, для которых мурманские промыслы составляют главный источник заработка.

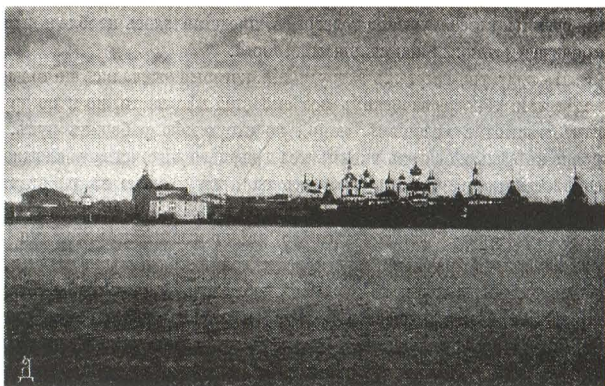
Между тем возник ряд вопросов о разных технических затруднениях, на которые предполагалось натолкнуться при сооружении этой линии. Обыкновенно телеграф проводится вдоль существующих уже дорог, по местностям более или менее населенным, более или менее известным и исследованным, тогда как телеграфную линию от г. Кеми на с. Кандалакшу, далее через Кольский полуостров на Колу и вдоль Мурманского берега предстояло проложить при исключи-

тельных условиях. Грунтовых дорог в указанной местности нет никаких; сообщения производятся летом вдоль морского берега на пароходах и лодках, а внутри Кольского и Кемского уездов, покрытых почти сплошь озерами, болотами, тундрами, горными хребтами, — частью пешком, частью на лодках по озерам и рекам; зимою же путь пролегает по целой цепи озер и по болотам. Поэтому, прежде чем приступить к сооружению телеграфа, представлялось необходимым произвести точные изыскания местности.

Ввиду упомянутых затруднений, которые ожидалось не только вследствие топографических особенностей местности, но и по другим местным условиям, например по отсутствию рабочих рук, а равно с целью оказать чинам телеграфного ведомства возможное содействие привлечением местных сил к участию в работах, не требовавших особых технических знаний, — я нашел необходимым лично ознакомиться со всеми местными условиями и вместе с телеграфными инженерами, командированными главным управлением почт и телеграфов, объехать сперва от г. Кеми побережье Кандалакшского залива, а затем пройти весь путь через Кольский полуостров от с. Кандалакши до г. Колы и далее — до Екатерининской гавани и вдоль Мурманского побережья.

Немудрено было бы, конечно, пройти этот путь в составе небольшого числа лиц, в качестве туристов и охотников, к услугам которых всегда нашлись бы проводники и перевозочные средства по речкам и озерам, но, имея некоторые данные предполагать, что намеченный путь не представляет вообще особых, непреодолимых препятствий, и желая выяснить, насколько он проходим даже летом для более значительных партий, я решился взять с собою, по соглашению с военным начальством, охотничью команду Архангелогородского резервного батальона в составе 15 человек, под командою подполковника Чарковского. К тому же эта команда, состоявшая исключительно из уроженцев Архангельской губернии, Мезенского и Печорского уездов, с малолетства сжившихся с морем, лесами и тундрами, могла быть полезна инженерам при рекогносцировке местности.

12 июня 1895 года на пароходе «Чижов» я отбыл из Архангельска в сопровождении инспектора телеграфов,

Соловецкий монастырь. Общий вид монастыря при входе в гавань

действ. ст. советника Кормилева, телеграфных инженеров Новицкого и Менделеева, чиновника особых поручений Янушковского и фотографа Лейцингера.

После 16 часов довольно бурного плавания мы подошли к Соловецким островам и остановились у пристани Соловецкого монастыря, где нас ожидал радушный прием, которым всегда отличалась эта гостеприимная обитель.

Основателями и покровителями Соловецкой обители считаются преподобные Зосима и Савватий. Первыми перебираются на Соловецкие острова в начале XV века два валаамских инок Савватий и Герман. После кончины Савватия прибыли на остров инок Зосима и другие искатели пустынной жизни и поставили общими силами первую церковь во имя Преображения Господня. По ходатайству Зосимы, бояре и выборные новгородские уступили остров в пользу вновь образовавшейся Соловецкой обители. При самом ее основании было введено правильное общежитие, и обитель с самого начала приняла характер хозяйственной общины на началах нераздельности труда и имущества. Иоанн III, после занятия Новгорода, подтвердил жалованные грамоты, данные обители. Но главным устроителем Соловецкого монастыря был друг детства царя Иоанна Грозного — боярский сын Федор Колычев, впоследствии игумен Соловецкий и, наконец, митрополит Московский, святитель Филипп. В его

Соловецкий монастырь. Святые Ворота

игуменство проведены по острову прекрасные шоссейные дороги, которые существуют и поныне, озера соединены каналами, а вода проведена в самый монастырь, построены каменные храмы и разные монастырские здания.

Кроме митрополита Филиппа, из иноков Соловецкого монастыря вышли известные Феодорит Кольский и патриарх Никон.

Свой первоначальный характер самостоятельной хозяйственной общины Соловецкий монастырь сохранил под сенью святых Зосимы и Савватия до сих пор. Хотя Соловецкие острова причислены к Кемскому уезду, но в пределах монастырских владений нет никакой светской власти. Несмотря на тысячи прибывающих летом богомольцев, монастырское управление умеет сохранить всегда полный порядок. Строгий порядок и хозяйственность видны во всем; все, что нужно монастырю, у него свое; монастырь владеет подворьями в Архангельске, Онеге и Сумском посаде; для перевозки богомольцев у него есть отличные пароходы со всеми новейшими приспособлениями; близ монастыря устроен прекрасный сухой док, единственный на всем Белом море. Этим доком нередко пользуются пароходы товарищества Архангельско-Мурманского пароходства и другие частные пароходы, плавающие в Белом море. При монастыре

Соловецкий монастырь. Казенная башня

имеются гостиницы, всевозможные мастерские, лесопильный завод, мукомольная мельница, а погреба, ледники, кладовые, кухни и пекарни устроены образцово.

Даже огородничество и скотоводство находятся в таком состоянии, что могут снабжать монастырь в достаточной мере всякими овощами и молочными продуктами, и это у полярного круга, под 66° северной широты. Само собою разумеется, что ловля рыбы, семги и трески организована как нельзя лучше.

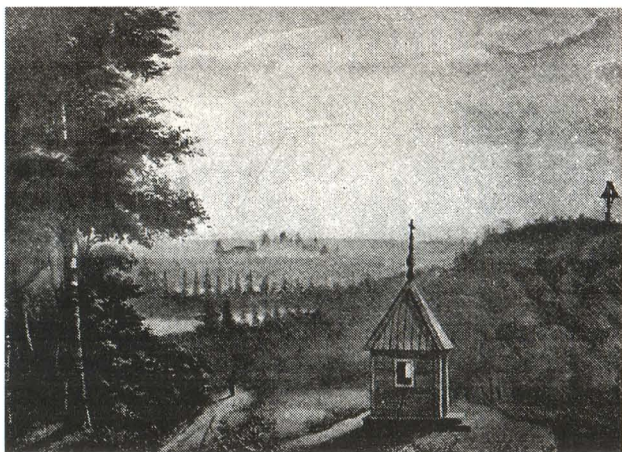
Я не буду далее останавливаться на описании монастыря и Соловецких островов; благодаря существующим многочисленным описаниям, все подробности о монастыре более или менее известны всем.

На другой день, напутствуемые настоятелем, мы отправились в дальнейший путь, в г. Кемь. Пройдя остров Рымбаки, мимо лоцманской станции, устроенной товариществом Кемских лесопильных заводов, пароход прошел по отлично обставленному тем же товариществом фарватеру и остановился у острова Попова, на котором расположен завод товарищества. Навстречу нам выехал на пароходе один из хозяев завода, В. В. Гувелякен, вместе с управляющим заводом, г-ном Геллерманом, и пригласил нас осмотреть завод.

Соловецкий монастырь. Сухой док

Остров Попов получит, вероятно, в недалеком будущем выдающееся значение. Нужно думать, что недалеко то время, когда будет приступлено к сооружению железной дороги от С.-Петербурга на Петрозаводск и Кемь. Произведенные в 1895 году изыскания по этому направлению показали, что проведение здесь рельсового пути возможно и не представляет каких-либо непреодолимых препятствий. Проходя частью по густонаселенной местности между С.-Петербургом и Петрозаводском, по местности, богатой железною рудою, алебастром и проч., и соединяя Белое море с Балтийским, эта линия откроет широкий сбыт рыбному богатству Белого моря, даст толчок железоделательному производству, эксплуатации местного мрамора и гипса и послужит к развитию и совершенствованию местных промыслов и с тем вместе к экономическому благосостоянию края. Все эти данные дают право рассчитывать на то, что и в финансовом отношении эта дорога окажется вполне состоятельной, тем более что рано или поздно представится неизбежным соединить г. Кемь рельсовым путем с Северным океаном, через г. Колу и строящийся ныне Екатерининский порт. В случае проведения железной дороги до Кемь, ее необходимо будет продолжить до острова Попова на протяжении около 10 верст, так как между этим островом и сосед-

Соловецкий монастырь. Макариевская пустынь

ним Як-островом существует удобная, естественная, защищенная от ветра гавань. Океанские пароходы с осадкою до 26 футов подходят к самой пристани острова, далее же от Попова острова до города Кеми можно ехать только на пароходах с незначительною осадкою.

Я объехал на лодке весь остров и отделяющий его от материка пролив и убедился, что при отливе этот пролив совсем осыхает и может быть засыпан, так что железную дорогу можно будет без особых затруднений довести до самой пристани на острове. Это представляется тем более важным, что по всему побережью Белого моря от г. Онеги до г. Кеми нет ни одной более или менее сносной гавани. Ввиду отмелых берегов, пароходы вынуждены останавливаться, например в таких многолюдных поселениях, как Сумский посад и с. Сорока, за 10 верст на рейде, причем нередко, в случае бурной погоды, не представляется даже возможности съехать на берег в шлюпках, так как все эти гавани не защищены от северных ветров.

Обходя остров, я вспугивал многочисленные стада гаг и нашел несколько гагачьих гнезд. Гага водится на всех островах Поморья, но, к сожалению, местные жители преследуют эту птицу из-за вкусного мяса и хищнически разоряют ее гнезда из-за драгоценного пуха и замечательно вкус-

Соловецкий монастырь. Секирная гора

ных яиц. Там, где гагу не преследуют и не разоряют ее гнезд, как, например, в Норвегии, она делается почти ручной, и гагачий пух, выбранный из гнезд в то время, когда это не вредит выводу птенцов, составляет предмет довольно значительного промысла. У берегов острова водятся самые разнообразные сорта рыб: семга, сельдь, треска, навага, камбала, зубатка, сиги, кярчи и проч. Заметив неподалеку от берега заброшенную сеть и вынув ее из воды, мы вытащили из нее целую кучу разной рыбы: десятка два-три сига, камбал и особенно много кярчи и пинагора. Местные жители не

Город Кемь

едят кярча и пинагора, а сушат эти рыбы в громадном количестве на солнце и затем кормят ими зимою рогатый скот.

Ознакомившись с положением острова Попова и Як-острова, я поехал на паровой шлюпке, предоставленной в мое распоряжение г. Гувелякеном, в г. Кемь. В этом городке в настоящее время числится жителей: мужчин — 960, женщин — 1170, всего 2130 человек. Окружающая местность состоит из сплошных камней, весь город построен на сплошном граните. Река Кемь, пробираясь между камнями, образует множество порогов и водопадов, а под самым городом она с шумом падает с порога в довольно обширный бассейн. Неумолкаемый шум стоит в городе от порога и несколько ослабевает во время морского прилива, когда вода наполняет бассейн до самых краев; с отливом камни в пороге обнажаются и шум снова несется на весь город.

По свидетельству Соловецкой летописи, в XV веке Кемь принадлежала именитой новгородской посаднице Марфе Борецкой. В 1450 году она подарила эту волость вместе с другими Соловецкому монастырю. В город Кемь переименована по указу императрицы Екатерины II в 1785 году, а в 1802 году Кемь присоединена к Архангельской губернии. Хотя и в настоящее время Кемь считается центром промышленной деятельности всего Поморского края, тем не менее это — бедный уездный городок, который, впрочем, ожидает,

Город Кемь

по всей вероятности, более блестящая будущность с проведением сюда железной дороги, с одной стороны от Санкт-Петербурга, а с другой — от Мурмана.

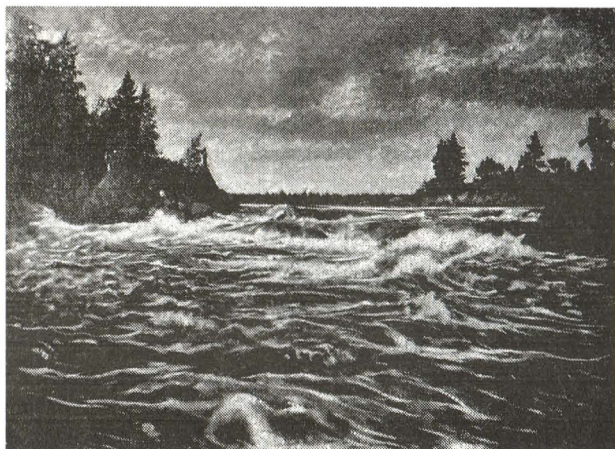
Из Кеми я поехал вверх по реке, частью на лодках, частью верхом, в обход порогов, до села Подужемья, расположенного в 18 верстах от города. Неподалеку от села находится замечательно красивый порог, получивший название Подужемского водопада. Река несется здесь со страшным шумом с высоты 15 футов и, падая двумя уступами, разбивается на несколько рукавов между выдвинутыми в порог скалами, покрывая при этом пеною реку во всю ее ширину. Шум от водопада настолько силен, что почти все жители села очень туги на ухо. Многие лица из числа видевших водопад Иматру в Финляндии и Подужемский водопад утверждают, что последний представляет более интересное и величественное зрелище, чем Иматра. У порога устроен забор для ловли семги. Забор устраивается из бревен, укрепленных в дно; в заборе оставляется отверстие, в которое вставляется большая сетка — «морда». На заборе устроены подмости, с которых поднимают и опускают сети по блокам. В моем присутствии были выловлены две семги, весом около 25 фунтов каждая, причем они сильно бились в сетке, блестя на солнце своею серебристою чешуею; удержать в руках живую семгу нет возможности, так сильны и порывы

Подужемский водопад

висты ее движения. Известно, что рыба эта ежегодно оставляет море и входит в реки, а из рек и в озера, пробираясь вверх по течению через высокие пороги. Преодолевая страшную быстроту, она подвигается все вперед и вперед, перескакивая даже через камни. Перезимовав в реках и озерах, семга превращается в так называемую лоховину, красный цвет ее мяса переходит тогда в бледно-розовый, причем она теряет свой вкус, а вместе с тем и цену. Обратившись в лоха, семга становится вялою и тощею, на коже образуются темные пятна, а на конце нижней челюсти вырастает крюкообразная кость.

От водопада я поехал вниз по реке в лодке и спустился к селу Подужемью, не без некоторого страха, по довольно крутому порогу, из которого лодку с неимоверною быстротою вынесло на спокойное и широкое плёсо реки. Рулевыми и гребцами в лодке были только бабы; смелость и ловкость, с которыми они управляли лодкою, изумительны — при малейшей оплошности лодка могла удариться о камень, и тогда, конечно, прощай: выбраться вплавь из такого омута невозможно. Как-то неловко было перед бабами отказаться от предложенной прогулки по порогу, но в другой раз без особой надобности я постараюсь избегать таких поездок. Когда мы уже плыли по безопасному месту, наши гребцы рассказа-

Река Кемь у села Подужемья

ли нам, что на днях в пороге разбило лодку с шестью человеками — двое как-то выкарабкались, а четверо так и погибли. В утешение они прибавили, что это случается очень редко. В селе Подужемье мне представилось все местное начальство: единственный мужчина — волостной старшина, десятские же и старосты — бабы, наряженные в должностные знаки; мужчин не было дома никого, все до единого ушли на промыслы. Село Подужемье довольно зажиточное, населено кореляками, жители промышляют преимущественно семгою и занимаются судостроением. Подужемцы строят суда для кемских промышленников и считаются лучшими строителями парусных судов и карбасов во всем Поморье. Проходя на обратном пути по берегу реки, я заметил, что из дупла дерева, нависшего над рекою, вылетела утка; заглянув в дупло, я увидел там свитое гнездо и утиные яйца. Оказывается, что по порожистым рекам Кемского и Кольского уездов водится особая порода уток, которые всегда устраивают гнезда на деревьях. Местные жители пользуются их способностью нести неимоверное количество яиц, устраивают для них на деревьях особые помещения и выбирают оттуда по несколько раз в весну вкусные их яйца. Утка этим не смущается, наносит еще яиц, и когда высидит птенцов, то вытаскивает из только что вылупившихся яиц утят и спускает их в воду.

Корела, или Корелия³

Пространство и население Кемского уезда. — Исторические сведения о корелах. — Пространство, занимаемое нынешнюю Корелию. — Поверхность. — Пути сообщения. — Земледелие. — Подсечное хозяйство. — Лесной промысел. — Рыболовство. — Охота. — Извоз. — Разносная торговля. — Расположение деревень. — Жилища. — Одежда. — Пища. — Язык.

Прежде чем продолжать рассказ о дальнейшем нашем путешествии, я полагал бы небезынтересным предпослать здесь краткий исторический и этнографический очерк Корелии и Поморья, составляющих Кемский уезд.

Площадь Кемского уезда занимает пространство в 737 квадратных миль, т. е. составляет 36 110 квадратных верст или 3 755 000 десятин. К 1 января 1895 года в Кемском уезде числилось жителей: мужчин — 17 690, женщин — 19 230, всего 36 920 человек. Из них русских — 14 420 и кореляков — 22 500 человек. Раскольников насчитывается 2500 человек. Остальное население считается православным.

Корелы, довольно многочисленное финское племя, занимало в прежние времена до XIV века большую часть юго-западного берега Белого моря и распространялось далее на восток до берегов Северной Двины. Доказательством этому служит то, что береговая полоса Кемского уезда называется Корельским берегом; из четырех устьев Северной Двины одно долго называлось Корельским; на берегу Белого моря, у Корельского устья, стоит поныне Корельский Никольский монастырь, из истории которого видно, что он был основан в 1410 году преподобным Евфимием среди корелов, живших тогда по морскому побережью между русскими поселенцами и, по грамотам Соловецкого монастыря, известных под названием корельских детей; среди архангельских купцов, мещан и крестьян очень часто попадаетея фамилия Корель-

³ Современное написание — Карелия, карельский и т. д.

Кемский залив

ский. С наплывом к берегам Белого моря русских поселенцев корелы отчасти смешались с русскими и утеряли свою племенную связь, частью отодвинулись в пределы нынешней Корелии и в свою очередь отодвинули далее на север, в Кольский полуостров, лопарей, которые занимали прежде северную часть Кемского уезда, заселенную ныне корелами. С другой стороны, есть основание предполагать, что корелы были распространены далеко на запад, до берегов Ботнического и Финского заливов, и именовались там квенами, так как шведские и финские квены и доселе говорят на корельском языке. По скандинавским сказаниям, под названием «Кориоландии и Квенландии» разумеется страна между Финским заливом и Белым морем. О корелах упоминается еще в IX столетии: норманнский король Эрик Эмундсон, умерший в 833 году, проникал до Корелии; в 877 году Торольф Квельдуфсон, воевода короля Гарольда Гарфагара, разбил корелов. В XII веке корелы участвовали в ополчении князей Изяслава и Ростислава Мстиславичей и, кроме того, вместе с новгородцами неоднократно воевали с емью — другим финским племенем. С XIV века корелы стали орудием вражды между русскими и шведами и принуждены были нередко вести междоусобную войну. Так, в 1592 году шведы с финляндцами произвели жестокое нападение на Поморье и опустошили всю страну, которую занимали тогда корелы.

Река Кемь

В настоящее время Корела занимает западную часть Кемского уезда и граничит: с севера — с Русскою Лапландией, с северо-востока, востока и юго-запада — поморскими волостями, с юга и юго-запада — Олонецкою губерниею, а с запада — Финляндией. Она заключает в себе следующие 12 волостей: Тунгудскую, Летнеконекскую, Подужемскую, Маслозерскую, Погосскую, Кондокскую, Вокнаволоцкую, Ухтинскую, Тихтозерскую, Кестенгскую, Вычетайбольскую и Олангскую.

Вся Корелия покрыта множеством озер, из которых берут начало все реки, впадающие в Белое море. Некоторые реки представляют сплошную цепь озер; так, например, река Кемь, протекая через всю Корелу от границы Финляндии, проходит через Ветозеро, Кировозеро, Верховье, Орел, Верхнее, Среднее и Нижнее Кунто. Берега Кемь каменисты, особенно ближе к морю; на всем ее течении встречаются пороги. Главнейшие озера в Кореле следующие: озеро Кунто, состоящее из трех озер — Верхнего, Среднего и Нижнего, длина его 115 верст и ширина от 5 до 15 верст, глубина Среднего Кунто до 50 саженей; Топозеро, длиною 80 верст, шириною от 3 до 18 верст и глубиною до 40 саженей; Пявозеро, длиною 60 вер., шириною до 30 верст и глубиною до 25 саженей; Ковдозеро, до 60 верст длины и до 40 ширины.

Поверхность Корелы холмистая и болотистая. Холмы песчаные и каменистые. Нередко попадаются на значительном протяжении каменные кряжи. Чем ближе к морю, тем поверхность более камениста. Горы и берега рек и озер к северу и северо-востоку круты, к югу и юго-западу более покаты. Климат суровый и сырой; значительное число топких и глубоко промерзающих болот служит причиной холодных туманов и ранних осенних морозов; морозы-утренники обыкновенно начинаются в середине августа, а первый снег выпадает в конце сентября и в начале октября.

Флора и фауна в Кореле мало отличается от флоры и фауны других приморских местностей губернии.

Летние пути сообщения в Кореле самые первобытные. Колесных дорог вовсе нет, по большей части приходится ехать по озерам и порожистым рекам, а более опасные пороги обходить пешком, пробираясь по камням; между многими деревнями существует исключительно пеший путь, где путнику приходится балансировать по жердочкам, проложенным через болота. Чиновнику, желающему, например, посетить корельские волостные правления, нужно сделать 113 верст пешком, 169 верст верхом, 838 верст в лодке, всего 1120 верст.

Главные занятия населения корельских волостей: земледелие, вырубка, вывозка и сплав леса для лесопильных заводов, ловля рыбы в местных реках и озерах, извоз, лесная охота, а из отхожих промыслов — разносная торговля в Финляндии и отчасти ловля сельдей в Кандалакшском заливе.

Суровые климатические условия не обеспечивают труда земледельца; весенние холода задерживают посевы и рост их, а ранние заморозки в начале августа нередко уничтожают урожай. Почва требует сравнительно большого удобрения, между тем развитию скотоводства препятствует недостаток сенокосов и недоброкачественность трав. При самых благоприятных условиях население собирает хлеба на продовольствие лишь в течение 3—5 месяцев; остальное же время года оно вынуждено питаться покупным хлебом, а в неурожайные годы, как, например, 1891—1892 годы, почти круглый год. Из зерновых хлебов сеются рожь и ячмень;

урожай редко достигает сам-шесть. Из овощей растут картофель и репа. За отсутствием достаточного количества удобрения корелы почти не пользуются дарованным населению Архангельской губернии правом расчистки земель на 40-летнем праве пользования, тем более что вблизи поселений по большей части нет удобных мест для расчисток, а таковые разбросаны клочками на далеком пространстве. Старожилы-корелы, вспоминая время, когда они беспрепятственно разрабатывали в лесах подсеки, т. е., срубая и сжигая лес на известном пространстве, засеивали его почти без всякой обработки и, сняв один и редко два урожая, бросали эти места и переходили на другие, — говорят, что тогда у них хлеба было вдоволь, так как урожай на подсеках в благоприятные годы давал сам 40—50, и если бы им и ныне было предоставлено это право, то они были бы всегда с хлебом. Расчистку подсек они считают возможным производить на прежних подсеках, заброшенных лет 26—36 назад, и вообще на местах, где лес не достиг крупных размеров. Вообще земледелие в Кемском уезде, при местных климатических и почвенных условиях, может вознаграждаться только при системе подсечного хозяйства.

Вырубка, вывозка и сплав бревен для лесопильных заводов и прочия при этом работы составляют в настоящее время главный местный заработок для населения.

Рыболовство в реках и озерах приносит небольшой доход, так как вылавливаемая рыба большею частью идет для местного потребления и только небольшая часть ее продается скупщикам.

Лесная охота, с изданием закона 1892 года, запрещающего ловлю птиц петлями, силками, пастями и проч., почти вовсе прекратилась, так как кореляки не имеют хороших ружей и довольствуются кремневыми винтовками. Впрочем, нужно думать, что этот довольно прибыльный промысел находится в застое лишь временно, пока население не обзаведется лучшими ружьями, и будет даже более выгодным, чем при прежнем хищническом и непроизводительном уничтожении дичи, так как при правильной, своевременной охоте дичь, несомненно, размножится в огромных лесных пространствах уезда. С промыслом птицы совпада-

ет время охоты и на лесных зверей, из коих корелы охотятся только на белку, редко на лисицу, а охота на медведей составляет случайность.

Извозом население занято с половины декабря до половины марта, перевоза хлеб из города Кеми и села Керети во внутренние волости Корелии.

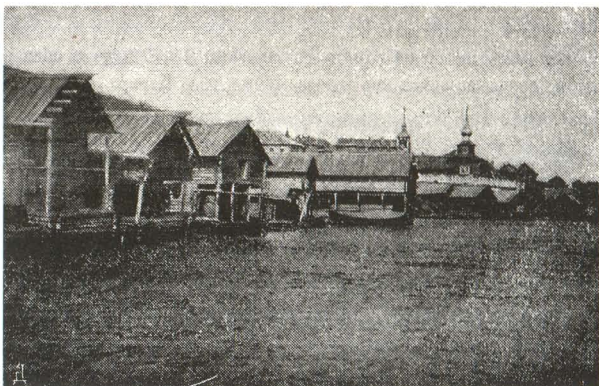
Промыслом семги, сельдей и отчасти морских зверей занимаются только те кореляки, которые проживают в приморских волостях — Керетской и Поньгамской. Вылавливаемая сельдь сбывается в соленом виде в Архангельск, во время навигации, в бочонках до 30 фунтов весом, местного изделия; но солится, к сожалению, непрочно, почему сельдь не может долго сохраняться, а потому и ценится на рынке дешево.

Корелы с давних времен занимаются разносою торговлею в соседней Финляндии; торговля эта в былые времена, когда в финляндских поселениях не было местных торговцев, давала хороший заработок. В последнее же время эта торговля с каждым годом падает, так как финляндцы сами открыли лавки почти в каждом приходе, и потому еще, что разносная торговля в Финляндии ныне запрещена. Впрочем, корелы, по привычке, продолжают торговать контрабандно, причем нередко попадают и товар их подвергается конфискации.

Вообще экономическое положение кореляков незавидное и пришло в последнее время в упадок вследствие изменившихся условий жизни, к которым кореляки, по своей неразвитости, применяются довольно туго.

Корельския деревни расположены по берегам рек и озер, имеющим покатость к югу и юго-западу. В этих деревнях, особенно в обществах, пограничных с Финляндией, дома разбросаны на пространстве двух, трех и более верст. Ближе к Поморью — деревни сплошные.

Особенность корельских домов та, что они построены глаголем. Войдя через ворота в сени, вы подымаетесь вверх по лестнице. Налево большею частью дверь в чистую избу, а направо — сени вроде коридора, отделяющие избу от повети. В нижнем этаже помещение для скота и хлевы для овец. Внутреннее устройство и убранство избы незатейливое. Рус-

Село Умба на Терском берегу

ская печь вылеплена из глины, потому что нигде в Кореле не выделывают кирпича, а основание ее сделано из булыжного камня. В противоположном углу — образа, старые и без особенных украшений; встречаются также медные складни. Вокруг стен лавки, к печи приделана обшитая деревом лежанка, на которой спят. В более богатых избах большей частью есть кровати, а иногда и несколько стульев; в углу шкапик для посуды. Домашнюю утварь кореляки очень бедны: во многих домах, кроме котелка, висящего на очаге, нескольких ложек и ушата, почти не найдется другой утвари; глиняной посуды мало, так как она не выделяется в Кореле, а привозится из Архангельска. За неимением кринок молоко ставят в печь даже в берестяных коробках. Самовар и посуда к нему, а также пожи и вилки, есть только у зажиточных.

Обыкновенная одежда мужчин следующая: белье из толстого холста, верхняя одежда из серого сукна, по покрою близко подходящая к малороссийской свите, сапоги из невычерпленной кожи (упаки), по покрою похожие на кожаные лапти с голенищами. На голове носят что попало: и фуражки, и шляпы, и меховые шапки. Женщины носят белье из толстого же холста, сарафан из пестряди или набойки и такую же, как у мужчин, свиту. Обувь составляют башмаки. Головной убор состоит из платков или повязок. Праздничное платье у зажиточных мужчин — свита из синего сукна или из

плису; молодежь, занимающаяся торговлею с Финляндией, одевается по-городски. Праздничный наряд девиц и молодых женщин — коленкоровая рубаша, ситцевый или кумачный с позументами сарафан. Девушки на голове носят повязки вроде малороссийской стрички, а женщины — повойник (сороку). Зимую одежду составляют полушубки, большею частью из домашних овчин.

Хлеб без всякой примеси составляет достояние только зажиточных, большинство же примешивают к муке кору и солому. Главная пища кореляков — уха, или, как они ее называют, щи из рыбы. По праздникам пекут пироги из рыбы, называемые рыбниками. По постным дням едят соленые грибы (грузди и волнухи), пареную репу и картофель. При хороших урожаях варят нечто вроде браги; водку пьют редко — во всей Корелии нет ни одного кабака; чай и кофе пьют только зажиточные; кофе кореляки очень любят, особенно те, которые живут ближе к Финляндии.

Ростом и телосложением кореляки мало отличаются от русских. Глаза большею частью голубые, а волосы русые и частью рыжеватые; лоб невысок, волосы подстрижены на лбу вровень с бровями, а на висках и затылке — с нижнею оконечностью уха.

Корельский язык похож на финский, так что бывший со мною чиновник особых поручений Янушковский, знающий финский язык, легко объяснялся с кореляками. Корельских народных песен вовсе нет; в ближайших к Финляндии местах поют финляндские плясовые песни, длинные и однообразные; поют их не звучно, так что это пение приближается более к речитативу; в ближайших к Поморью местах поют русские песни.

Кореляки, живущие в ближайших к русскому населению обществах, знают русский язык, но между собою говорят по-корельски. Между кореляками, живущими ближе к Финляндии, весьма немногие мужчины говорят по-русски, огромное же большинство их вовсе не знает русского языка.

Поморье

Волости Кемского уезда с поморским населением. — Исторический очерк заселения берегов Белого моря выходцами из Новгорода. — Поморы. — Поморские промыслы, лов семги, сельди, наваги. — Судостроение. — Выбор направления Мурманской телеграфной линии и способ ее устройства. — Село Кереть. — Ловля жемчуга. — Село Ковда. — Завод Русанова. — Село Кандалакша. — История серебро-свинцовых рудников.

Совершенную противоположность корелам представляют по характеру и образу жизни поморы, населяющие по берегам Белого моря следующие волости Кемского уезда: Нюхотскую, Сороцкую, Лапинскую, Поньгамскую, Керетскую, Ковдскую и Кандалакшскую.

Потомки вольнолюбивых новгородцев, поморы до сих пор еще сохранили дух предприимчивости, необузданности и смелости своих предков.

Движение новгородцев на Север началось с давних времен. По сказаниям летописцев, новгородские колонии встречаются уже в XI и XII веках по берегам рек Онеги, Северной Двины, Мезени, Белого моря и Северного океана. Ватаги новгородской вольницы, известные под именем ушкуйников, стремились на Север преимущественно с завоевательными целями — с целью наживы и приискания, в лице местных инородцев, новых данников на Господина Великого Новгорода. Но сам Господин Великий Новгород, вследствие несостоятельности своего государственного строя, был совершенно бессилён владеть этою обширною областью, и она в действительности принадлежала отдельным лицам, силою захватившим целые волости; так, например, известная новгородская посадница Марфа Борецкая владела чуть ли не всем берегом от Онеги до Кемь и широко наделяла целыми поселками церкви и монастыри; между прочим она подарила только что образовавшейся Соловецкой обители нынешний посад Суму, село Сороку и город Кемь. Нередко шайки новгородцев, недовольных внутрен-

ними порядками, самовольно удалялись на Север и с берегов Двины делали набеги на северо-восток до Печоры и на запад до Мурмана. При таких условиях, находясь в постоянной вражде с местными инородцами, новгородцы не могли, конечно, прочно укрепиться в этих отдаленных областях и сколько-нибудь правильно и твердо организовать гражданский порядок и управление, хотя упорно называли даже Пермь, Печору, Югру, Лопь, Терь (Терский берег) и Мурман своими волостями. Только впоследствии, начиная с XIV века, под влиянием московских порядков, с устройством в крае христианских церквей и монастырей и в особенности благодаря мирной и просветительной деятельности среди инородцев таких подвижников православной церкви, как Стефан Пермский, Зосима и Савватий Соловецкие, Феодорит Кольский, Трифон Печенгский и другие, укрепилась на Севере русская народность и совершилось обрусение и просвещение инородцев.

Условия жизни, близость моря, постоянные опасности при производстве морских промыслов выработали из наших поморов отважных моряков и смелых промышленников. Они не останавливаются перед далекими, нередко опасными плаваниями по океану на своих судах, построенных домашними средствами, — то за морским промыслом на Мурман, к Новой Земле и даже к Шпицбергену, то с торговыми целями в Норвегию, Англию и С.-Петербург.

Помор никогда не задумается пуститься за добычею в самое рискованное плавание, в совершенно неизвестные ему места; его не страшат ни трудности пути, ни лишения, ни бури, ни холода — море и льды его родная стихия. Разные экспедиции на Север, которые брали с собою наших крестьян для услуг, всегда отзывались о них с хорошей стороны; так, например, в экспедициях горного инженера Чернышева в 1895 году и князя Голицына в 1896 году на Новую Землю принимали участие крестьяне Мезенского уезда Василий Иглин и Николай Петров и в переходе поперек Новой Земли с западной стороны на восточный берег к Карскому морю, по скалам и вечным льдам, оказали экспедициям немало услуг своею находчивостью, силою и выносливостью.

Между прочим в Архангельске запасалась разными предметами экспедиция Джексона, отправлявшаяся к северному полюсу на пароходе «Виндворт» годом позже после Нансена. Экспедиция заготовила несколько небольших домиков для склада провианта и для приюта по пути. Эти домики требовалось разобрать, а затем сложить на местах, для чего Джексон нанял двух архангельских крестьян. Приходят они ко мне и просят о выдаче им заграничных паспортов. «Куда же вы собираетесь ехать?» — «Едем на полюс, да волостной не дает паспорта — говорит, что полюс за границей, а за границу требуется паспорт от губернатора». — «Ну, положим, полюс не за границей, он настолько же за границей, насколько и в пределах Архангельской губернии, и паспорта вам туда не нужно; но я все-таки не советовал бы вам туда ехать: до полюса вы не доберетесь, а скорее всего погибнете во льдах. Искание полюса граничит с безумием, и ваши англичане такие же безумцы, как и другие подобные им искатели полюса» (в то время о результатах экспедиции Нансена еще ничего не было известно). — «Нет, чего без ума, народ обстоятельный: все резонно делают, запасу имеют всего вдоволь, да и деньги платят нам хорошие, 50 рублей в месяц на их харчах. Что ж, они зря, что ли, будут деньги бросать?!» Мои убеждения так и не подействовали, и, несмотря на уверения, что для поездки на полюс им паспортов не нужно, так как там нет начальства, нет урядников и потому никто от них и не потребует их, — они, удивляясь больше всего тому, что какая же это сторона, где нет урядников, продолжали настаивать на выдаче паспортов: «Все, мол, вернее, как паспорт-то при себе». Я им выдал свидетельства на беспрепятственный проезд к полюсу, и они, не задумываясь более, отправились с экспедицией. Спустя год один из них пришел ко мне и заявил, что оба они благополучно вернулись домой; пароход «Виндворт», оставив Джексона и часть экипажа на Земле Франца-Иосифа, пошел за новым запасом провизии в Норвегию и привез в Вардэ наших крестьян. «Ну что, — спрашиваю я, — хороша страна, где вы были?» — «Нет, добра мало. Не знаю, чего они там ищут, — зверя и того нет. Ну, да мы свое дело сделали, дома им поставили и расчет сполна получили».

А вот пример тех странствований, какие приходится испытывать поморам-промышленникам.

Года три тому назад два промышленника Печорского уезда, Яков Запасов и Василий Кирилов, и с ними два самоеда отправились на промысел морского зверя к острову Вайгачу. В погоне за зверем лодку их отнесло течением через Карские ворота к Новой Земле и затерло там льдами. Терпя всевозможные лишения, они три года странствовали вдоль берегов Новой Земли и добрались наконец до становища Кармакул, откуда их доставил в 1896 году пароход Архангельско-Мурманского пароходства «Ломоносов». Однако, несмотря на все невзгоды, они не бросили более ценной добычи — шкуры белых медведей и проч. — и выручили за нее в Архангельске довольно большую сумму. Это их так соблазнило, что, забыв все пережитое, они настоятельно просили меня разрешить им навсегда поселиться на Новой Земле.

В самом способе производства промыслов помора видна широкая натура и смелость замысла. Поморы предоставляют старикам, бабам и детям местные более легкие промыслы — ловлю семги, наваги и сельди, сами же отправляются далеко в океан за морским зверем или на Мурман на лов трески. Здесь помор скорее пойдет в работники-покрученики, чем станет ловить, например, треску тем способом, каким ловят финляндские и норвежские колонисты (на уду и небольшими ярусами), — способом хотя и более верным и обеспечивающим известный улов, но кропотливым и медлительным; нет, он забрасывает в океане за десятки верст от берега ярус в несколько верст длины с тысячами крючков, болтается в своей шняке по целым суткам в море, терпит непогоду; ему хочется вычерпать чуть не все море, разом обогатиться, наловить тысячи пудов.

Страшный шторм, какого не запомнят старожилы, разразился над Белым морем в начале сентября 1894 года, как раз в то время, когда поморы возвращались с Мурмана домой и на Маргаритинскую ярмарку в Архангельск, везя с собою добычу промысла. Этот шторм показал, насколько поморы опытны в мореплавании: несмотря на первобытную постройку и плохую оснастку их судов, крушение

Поморы-рыболовы

потерпело сравнительно небольшое число судов; всего разбито 16 крупных палубных и 18 беспалубных судов, причем погибло 52 человека; большинство же судов укрылось в безопасные места или продержалось в море.

С ранней весны все мужчины уходят на далекие промыслы, и дома остаются только старики, дети и женщины. Женщины заведуют всем домашним хозяйством, занимаются местными промыслами, исполняют обязанности ямщиков, гребцов и нередко несут за своих мужей и братьев общественную службу (десятских, старост и проч.), которую, нужно отдать им справедливость, выполняют вполне добросовестно и исправно. В общем, поморы — народ гостеприимный, коренастый, здоровый; лица у них широкие и вечно красные, так как большую часть года они проводят на воздухе, на море. Летом мужчины носят картузы, пиджаки и кожаные сапоги, а во время промысла бахилы и норвежские куртки-фуфайки, зимою — валенки и тулупы. Женщины ходят в цветных ярких сарафанах. Избы большею частью просторные и довольно опрятные. В каждом доме найдется самовар, чайная и столовая посуда. Главный промысел, который пита-

Поморы в зимней одежде

ст поморское население, это мурманский рыбный промысел. О нем я буду говорить ниже при описании Мурмана, а пока укажу на местные промыслы: ловлю семги, сельдей, наваги, и на судостроение. Более значительные поморские селения на юго-востоке от Кеми: Шуя — 170 дворов, Сорока — 230, Шижда — 200, Сухонаволоцкое — 125, Вирма — 70, Сумский посад — 280, Колежда — 140 и Нюхча — 260 дворов. Главный местный промысел в этих селениях лов сельди и наваги. Сельдь ловится мережами, переметами и сетями. Весь улов продается на месте скупщикам, крестьянам Олонецкой и Вологодской губерний, частью в замороженном виде, частью в копченном. Обыкновенная цена во время лова за 1000 штук свежих сельдей от 50 коп. до 1 руб. 50 коп., смотря по количеству улова и по погоде. При теплой погоде цена падает; напротив, чем сильнее морозы во время улова, тем цена выше. Сельдь зимнего улова не солят, не по недостатку соли, как думают некоторые, а потому, что существует большой спрос на свежую сельдь в мороженном виде, и потому, что сельдь, добытая зимою, тут же на льду коченеет от мороза, а солить можно только талую сельдь. Пробовали ее оттаивать и затем солить, но оказалось, что в таком виде сельдь делается грубою, жесткою и вообще далеко не имеет качеств мягкой, нежной сельди, посоленной осенью до наступления

Поморки Кемского уезда

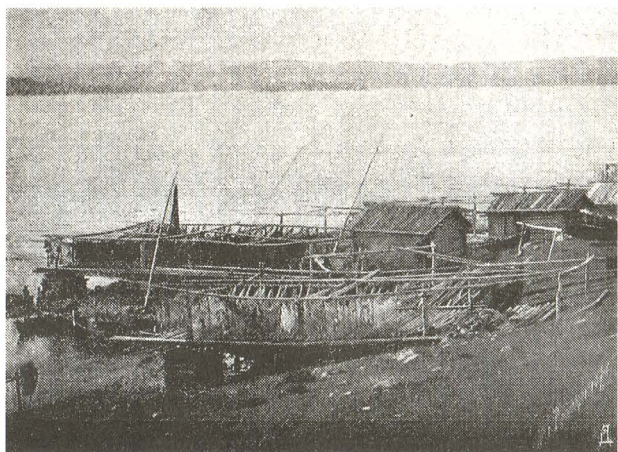
морозов. В иные годы лов сельди бывает чрезвычайно обильный; совершая свой обычный путь по океану, сельдь, преследуемая разными хищными рыбами и тюленями, ищет спасения в Белом море и в самых отдаленных бухтах. Иногда она набивается в морские губы в таком количестве, что при пересзде на лодке приходится веслами упираться в сельдяную массу. В селении Сороке вылавливается, в среднем, около 5 миллионов, в с. Шиже также около 5 миллионов, в с. Сухоनावолоцком до 2 миллионов, в с. Вирме полтора миллиона и в посаде Суме до одного миллиона штук сельдей, так что, в общем, только в пяти этих селениях вылавливается до 15 миллионов штук сельдей в год. В селе Сороке и других соседних селениях имеется до 10 коптилен, в которых ежегодно коптится от 5 до 16 тысяч пудов сельдей, т. е. около пяти миллионов штук. Копченая сельдь продается от 1 руб. 60 коп. до 3 руб. за 1000 штук.

Наважым промыслом занимаются преимущественно жители деревни Шуи, Колежмы, Сумского посада и Нюх-

Поморки Кемского уезда

чи. Шуерецкая навага мелка, продается на месте от 4 до 6 коп. за сотню и большею частью идет для местного потребления. Навага, вылавливаемая в Колежме и Сумском посаде, в особенности в Кун-ручье, очень крупна. Одна кун-ручейская навага весит иногда до 2 фунтов, обыкновенной же сумской и колежменской наваги идет 2 штуки на фунт. Большая часть улова идет в продажу. Обыкновенная цена на месте — от 40 до 60 коп. за сотню крупных наваг. Воз хороших наваг, около 4000 штук, стоит на месте лова от 8 до 20 руб. Время наважьего промысла продолжается с ноября по январь включительно. В феврале навага, выпустив икру, делается тощею и невкусною, в марте она уходит в море, и тогда лов ее совсем прекращается. Навага очень прожорлива, улов ее до того прост, что его предоставляют ребятишкам; стоит только опустить веревочку с привязанным к ней куском той же наваги или селедки, как на него тотчас бросаются наваги и ни за что не выпускают изо рта, поспевай только вытаскивать. Случается, что одна навага с досады, что ей не достался брошенный кусок, хватается за хвост той, в зубах которой очутилась веревочка, и, таким образом,ловец вытаскивает обеих. В с. Шуе вылавливается до 100 000, в Сумском посаде до 200 000, в Колежме 400 000 и в Нюхче около 200 000 наваг; всего в этих четырех селениях добывается до миллиона наваг.

Сети для ловли сельдей в Кандалакше

На северо-запад от г. Кеми по Кандалакшскому заливу расположены следующие более значительные поморские селения: Летнерецкое — 35 дворов, Поньгама — 30, Гридино — 20, Кереть — 115, Чернорецкое — 40, Ковда — 65, Княже-губа — 50, Кандалакша — 110, и по Терскому берегу: Умба — 85 и Кузомень — 180 дворов.

Главный местный промысел в этих селениях — лов семги и и сельди. Лов семги начинается вскоре после вскрытия рек и спада весенней воды, в первой половине мая месяца, и продолжается, с некоторыми перерывами, летом, до конца октября. Лучшею семгою считается та, которая вылавливается осенью, в августе и сентябре. Лов семги, которая стремится для метания икры из моря в реки, производится в устьях более широких рек переметами, поездками, а в верховьях рек, по порогам, — заколами. Весь осенний улов семги продается скупщикам; обыкновенная цена семги, заготовленной впрок, на месте от 8 до 12 руб. за пуд; она отправляется по первому зимнему пути, в конце октября и в начале ноября, в Санкт-Петербург. Обыкновенная провозная цена от Кеми до Санкт-Петербурга около 1 руб. за пуд. Семга весеннего улова (лоховина) не так вкусна, идет для местного потребления и продается от 2 до 4 руб. за пуд. В упомянутых селениях вылавливается семга для продажи: в с. Поньгаме

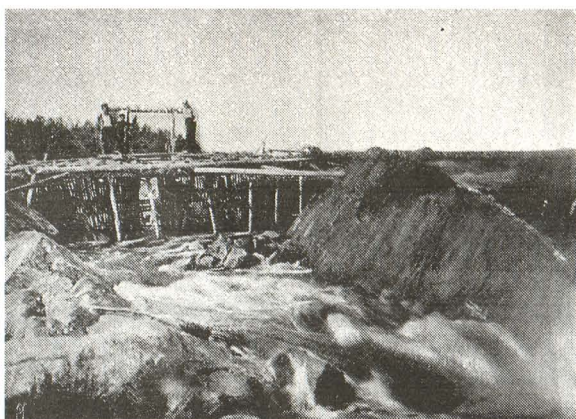
Село Княже-губа в Кандалакшском заливе

около 100 пудов, Керети — 300 пудов, Ковде — 500 пудов, Княже-губе — 100 пудов, Кандалакше — 100 пудов, Умбе — 1500 пудов и Кузомени — 1000 пудов.

Кроме того, во всех названных деревнях ловится сельдь. Здесь сельдь ловится обыкновенно летом и осенью, засаливается впрок и отвозится на судах в Архангельск, где продается по 40—70 коп. за бочонок, весом около 30 фунтов. Лучшею сельдью считается кандалакшская и княжегубская. Сельдь преимущественно ловится в Керети, Ковде, Княжегубе и Кандалакше, причем в среднем вылавливается обыкновенно в Керети около 10 000 бочонков, в Ковде 25 000 бочонков, в Княже-губе 50 000 бочонков и в Кандалакше 30 000 бочонков в год, а всего в этих четырех селениях около 115 000 бочонков, т. е. около 25 миллионов штук сельдей.

Кроме семги, сельдей и наваги, по побережью Белого моря ловится мелкая треска, зубатка, сиги и камбала, но эти рыбы не составляют предмета торговли и идут лишь на местное потребление. Во множестве водится также кярч, похожая на навагу, но ее в пищу не употребляют, а сушат и дают в корм скоту.

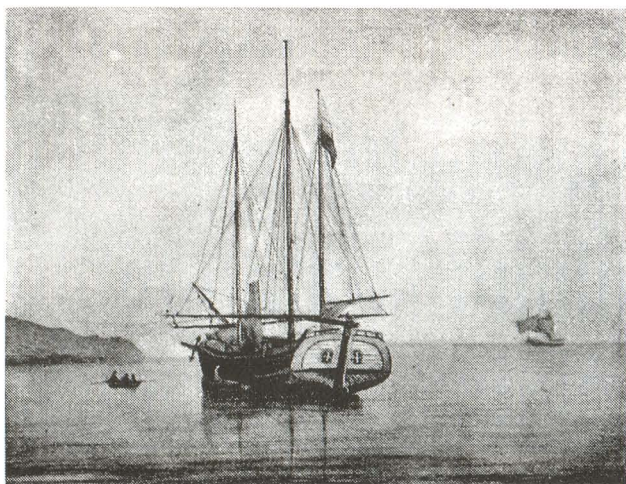
Судостроением поморы занимаются исключительно зимою. По особому высочайшему повелению, жителям Архангельского, Мезенского, Онежского и Кемского уездов предоставлено право беспошлинного получения из

Семужий закол на реке Кеми

казенных дач леса на постройку и починку как мореходных, так и промысловых судов. По исследованиям г. Слезкинского, поморы Кемского уезда владеют в настоящее время 220 мореходными судами, вместимостью в 11 100 тонн и стоимостью около 385 000 руб. Из этого числа: шкун — 95, яхт — 55, клиперов — 35, гальяшей и гафелей — 18, кочмар, шлюпов и раньшин — 17. Суда строятся во всех поморских селениях. По месту постройки они распределяются так:

Название селения	Число судов	Вместимость (в тоннах)	Стоимость (в рублях)
Шуя	33	1800	47 000
Сумский посад	25	1700	53 000
Нюхча	24	650	30 000
Колежда	23	1050	30 000
Сорока	22	950	42 000
Кемь	21	1550	48 000
Шижма	15	750	36 000
Унежда	12	300	8000
Малощуйка	12	550	14 000
Прочие селения Кемского уезда	34	1800	77 000
Всего	220	11 100	385 000

Поморская ладья

Все эти суда ходят на Мурман и в Норвегию с грузом муки, смолы и дров, а оттуда везут в Архангельск соленую и сушеную рыбу.

14 июля пароход «Чижов» отошел из Кеми, и мы поплыли вдоль берега Кандалакшского залива Белого моря, заходя в попутные селения: Гридино, Кереть, Черноречье, Ковду, Княже-губу и проч., с целью по возможности ближе ознакомиться с местностью, где должна пройти телеграфная линия.

Задача по изысканию пути для телеграфной линии от Кеми до Кандалакши на протяжении около 350 верст, как оказалось, в значительной мере облегчилась, благодаря тому, что в 1894 году между этими пунктами были произведены инженером Журданом изыскания для проектированной на Север железной дороги. По изысканиям инженера Журдана, железная дорога должна быть направлена вдоль берега моря, не в значительном от него расстоянии, захватывая почти все прибрежные населенные пункты, с обходом всех озер и болот, что вполне соответствует тем условиям, которые необходимы для постройки телеграфной линии. При осмотре сделанной инженером Журданом просеки оказалось, что им поставлены всюду пикеты, сделаны отметки высо-

Ковда. Пароход «Спокойный»

ты и проч., а потому работами инженера Журдана и прорубленной им просекою представлялось вполне возможным воспользоваться при проведении телеграфа.

Оставалось лишь, для окончательного определения телеграфной линии, пройти и проверить весь путь по этой просеке и подойти по возможности ближе к тем населенным пунктам, каковы, например, Кереть и Ковда, где предполагалось устроить телеграфные станции, — что для телеграфа более удобно, чем для железной дороги. Для выполнения этих работ был оставлен на месте инженер Новицкий и в его распоряжение командирован местный урядник, отлично знающий местность и сопровождавший в прошлом году инженера Журдана во все время работ. Местным сельским властям предложено оказывать инженеру всякое с их стороны содействие и хранить привезенные уже в прибрежные селения разные телеграфные принадлежности.

Все работы, которые не требуют особых технических знаний, но, с другой стороны, для выполнения которых требуется значительное число рабочих рук, как, например, вырубка просеки, очистка пути, заготовление и развозка телеграфных столбов, устройство мостков по топким местам, — все это было поручено мною, по соглашению с инспектором телеграфов, местным чиновникам по крестьянским делам, в том

Село Кандалакша

соображении, что они, зная местные условия, когда население свободно и не занято промыслами, когда рабочие руки могут быть более свободны, а также имея в своем распоряжении волостных старшин и сельских старост, могут выполнить упомянутые работы с большим успехом и дешевле, чем подрядчики и чины телеграфного ведомства, менее ознакомленные с местными обычаями. С этою целью участок между Кемью и Кандалакшею был разделен мною между чиновниками по крестьянским делам 1 и 2-го участков Кемского уезда Нарушевичем и Ульяновским, причем порядок ведения дела и исполнения работ под руководством телеграфного инженера преподан лично инспектором телеграфов.

Того же 14 июля мы подошли к селу Керети, которое представляет довольно крупный административный центр. Кроме волостного правления, здесь имеют местопребывание мировой судья, становой пристав, сельский врач, лесничий и таможенный чиновник. Все сношения с Корелией производятся преимущественно через Кереть. Отсюда же вывозится значительное количество сельдей; так, во время нашей стоянки было погружено на пароход около 1000 бочонков сельдей. Село Кереть расположено подковою по берегу залива. Когда мы подъезжали к селу, был чудный, чисто летний день, все население в праздничных нарядах толпилось по берегу; местные власти в карбасах подплыли к пароходу. Посетив церковь, школу и волостное правление, я, вместе

с инспектором телеграфов и инженерами, отправился для осмотра железнодорожной просеки, верст на шесть вверх по реке Керети, на лодке, принадлежащей мировому судье Богдановичу и лично им управляемой. В это время по реке сплавляли лес для лесопильного завода Савина; звонко раздавались по воде песни сплавщиков, причем особенно выделялся один голос, высокий баритон...

В Керети и других речках Кемского уезда ловится довольно много жемчуга — впрочем, невысокого качества; к нам на пароход местными промышленниками были привезены жемчужины для продажи и только что выловленные раковины с вросшими в них жемчужинами. Продавцы торговали, по-видимому, хорошо, потому что многие из нас приобрели по несколько жемчужин на память.

Вечером пароход «Чижев» двинулся далее. Обогнув мыс, у которого расположен завод Савина и где стоял огромный английский пароход, мы вышли в море; оно было совершенно спокойно, и сидевшие на капитанском мостике могли любоваться солнцем, видневшимся еще на горизонте несмотря на то, что часы показывали уже полночь. С этого дня до нашего возвращения в Архангельск солнце нас не покидало, не заходя более за горизонт. Пароходу приходилось идти узкими проливами, все время лавируя между высокими скалистыми островами, так что панорама постоянно менялась и представляла самые разнообразные и эффектные картины.

Командир парохода Лоушкин, местный уроженец и опытный моряк, большой охотник поболтать, восторгаясь красотами Кандалакшского залива, занимал нас рассказами о различных происшествиях — о том, как он «своими боками», т. е. боками парохода, пересчитал все подводные камни залива.

На следующее утро мы прибыли в Ковду, к пристани лесопильного завода, где нас встретил управляющий заводами Русанов Н. О. Шарвин. У берегов стоял целый ряд иностранных судов, расцветившихся флагами по случаю нашего прибытия. Пустынная несколько лет назад местность благодаря выстроенному заводу оживилась. В недалеком расстоянии от завода, со стороны моря, устроена лоц-

манская станция, а фарватер на всем пространстве, где могла бы представиться опасность для прохода судов, обставлен знаками, бакенами и проч. Завод снабжен всеми новейшими усовершенствованными машинами и освещается, как и все лесопильные заводы в Архангельской губернии, электричеством. В расположении и солидной постройке заводских зданий, помещений для служащих и рабочих виден общий порядок и особенные заботы владельца об удобствах для служащих и рабочих.

Вечером того же дня, в сопровождении нескольких местных пароходов, мы двинулись далее в Кандалакшу, где я должен был покинуть пароход и продолжать путь через Кольский полуостров частью пешком, частью на лодках.

При подъезде к с. Кандалакше, на горизонте со всех сторон виднеются мрачные горы, но, несмотря на это, Кандалакшский залив и самое село Кандалакша, расположенное на склоне горы, как бы притаившись между скалами, представляют из себя один из красивейших уголков Белого моря. В общем получается какое-то величественное спокойствие; так и кажется, что в этих берегах сокрыты силы, который лишь временно объаты тяжелым сном; мысленному же взору путешественника, в мираже этой вековой тишины и спокойствия, как бы рисуется уже несущийся сюда паровоз, который разбудит дремлющие кругом силы и оживит молчаливо-угрюмую, безлюдную в настоящее время местность.

Впрочем, на короткое время и здесь началась была жизнь, когда вблизи стали добывать серебро-свинцовую руду. История этих приисков представляет интересную страничку прошлого нашего Севера. В 1733 году жители г. Архангельска Федор Прядунов, Егор Сабинский и Федор Чирцов объявили, что они добыли и сплавляли чистого серебра 35 фунтов, причем вместе со слитками серебра, сплавленного из самородков, представили и несколько штуфов натуральной серебряной руды, которая, при пробе, оказалась «весьма прибыльною». Открытое на Медвежьем острове, близ Кандалакши, серебро было поднесено государыне императрице, которая именным указом повелела послать на место вице-бергмейстера Циммермана и унтер-штейгера

Трейгера для осмотра и исследования на месте отысканных серебряных руд. В ведомости, присланной с Поморья в 1736 году, значится следующее: гютен-фервальтером Милюковым, с 16 августа 1734 года по январь 1735 года, при помощи рудоискателей Федора Прядунова с товарищами, при 9 рабочих, добыто серебра: самородного 4 пуда 4½ фунта и в рудах — 37 пудов 5 фунтов; всего же по 1 января 1736 года добыто серебра: самородного — 30 пудов 32 фунта и в рудах — 65 пудов, из которых было получено 5 пудов чистого серебра.

В 1739 году все рудные промыслы в Лапландии были отданы Бироном во владение главе горного управления в Империи, саксонскому барону Шенбергу. Последний, с воцарением Елизаветы Петровны, впал в немилость, имения от него были отобраны, а горное дело на Севере заглохло и вновь не возобновлялось.

Лапландия

I

Кольский полуостров. — Исследования финляндских экспедиций. — Минеральные богатства. — Климат. — Население. — Лопари, их обычаи и образ жизни.

Вечером 15 июня мы покинули пароход «Чижов», а 16-го утром двинулись пешком внутрь Лапландии.

Кольский полуостров, составляющий Кольский уезд, имеет протяжение с запада на восток, от границ Норвегии и Финляндии до Белого моря, около 650 верст, а с севера на юг, от Ледовитого океана до Кандалакшского залива, до 400 верст и занимает площадь в 2690 кв. миль, или 131 860 кв. верст, или 13 712 000 десятин. Северная прибрежная полоса, от границы Норвегии до Святого Носа, называется Мурманским берегом, восточная и юго-восточная, от Святого Носа вдоль Белого моря до устья р. Варзуги, — Терским берегом, южная — от Варзуги до с. Кандалакши — Кандалакшским берегом, а все пространство внутри полуострова носит название Русской Лапландии.

Поверхность Кольского полуострова гориста и покрыта тундрами и болотами. Скандинавские горы, отделяющие Швецию от Норвегии, переходя на Кольский полуостров, разбиваются на несколько отдельных отрогов: по Мурманскому берегу они представляют утесистые прибрежные скалы, которые поднимаются иногда до 500 фут.; чем далее на восток, тем отроги этих гор становятся ниже, так что к Белому морю они имеют небольшую высоту от 50 до 100 футов с отлогими склонами. В центральной части полуострова, на восточной стороне озера Имандры, горы достигают наибольшей высоты, образуя Хибинский горный хребет и Луяврурт, покрытые вечными снегами. Некоторые части этих гор достигают 970 футов над уровнем озера Имандры, которое,

в свою очередь, на 140 футов выше уровня моря; следовательно, окружающие это озеро горы имеют высоту над уровнем моря свыше 1000 футов.

Неподалеку от озера Имандры находится высокая «Божья» гора, у подножия которой во времена идолопоклонства, по преданию лопарей, предками их приносились жертвы богам; местные лопари и в настоящее время говорят об этом месте с особенным благоговением. Между селением Кашкаранцами и р. Варзугой находится интересная гора Корабль, замечательная тем, что в ней есть много пустот, стены которых усеяны кристаллами стекловидного кварца и аметиста, а в восточной части горы встречаются гнезда стекловидного кварца с плавиковым и тяжелым шпатом.

В последнее время Кольский полуостров был довольно подробно обследован финляндскими экспедициями 1887—1892 годов. Труды этих экспедиций напечатаны в Гельсингфорсе: Ramsay. «Geologische Beobachtungen auf der Halbinsel Kola». — Kihlmann. «Bericht einer naturwissenschaftlichen Reise durch Russisch Lapland». — Kihlmann u. Palmen. «Die Expedition nach der Halbinsel Kola» («Fennia», 3, № 5—7, 1890) и др.

Минеральные богатства края еще мало известны; тем не менее в разных местах находили серебро, свинец, медь, железо, цинк и даже золото. Я уже упоминал о разработке серебряной руды на острове Медвежьем, находящемся в Кандалакшском заливе. Кроме того, признаки серебра находятся в гранито-гнейсе, на небольшой высоте от поверхности моря, на островах: Горелом, Хоре, Седловатом, близ селения Умбы, а также на Мурманском берегу, между Рыбачьим полуостровом и Печенгской губой. По исследованиям инженера Подгаецкого, в этой местности оказались значительные залежи серебро-свинцовой руды близ бухты Базарной; образовалось общество для эксплуатации этой руды, приступлено было даже к работам, но затем, вследствие возникшего процесса и недостатка капиталов, компания распалась. Между тем я видел добытые в этой местности куски руды, которые содержали в себе до 80 процентов свинца.

Медь была найдена в горах, лежащих в верховьях реки Поноя, близ с. Умбы и в речке Кузومه.

Лопари в Раз-Наволоке

Железо встречается в виде болотной руды во многих местах Лапландии, на границе Кемского уезда, в озере и по берегам Пхоозера, возле деревни Пялицы. Около селения Поноя тоже находили железную руду и железную охру.

Наконец, еще в XVI веке, в истории Olai Magni 1558 года⁴, упоминается, что в окрестностях Колы находили золото.

В порожистых реках Кольского полуострова, особенно в Коле и Туломе, ловится жемчуг; но крупные, чистые жемчужины попадаются редко, добывается по большей части мелкий, разноцветный жемчуг, иногда самых причудливых, неправильных форм.

Климат в Лапландии неодинаков, но вообще суровый; зима начинается в начале октября и продолжается до апреля. Внутри материка бывает холоднее, чем у берегов, особенно у берегов незамерзающего Северного океана, где теплое течение Гольфстрима значительно умеряет холод. Впрочем, суровость климата не оказывает вредного влияния на здоровье и продолжительность жизни обитателей. Зимний путь устанавливается в конце октября, и снега в течение зимы выпадает до 7 четвертей. С 13 ноября по 3 января

⁴ Олай Магнии (Olaus Magni) — шведский прелат, историк и картограф (1490—1558). (Примеч. ред.)

наступает полярная ночь, которая вовсе не так темна, как воображают, потому что белизна снега дает известный свет, а частые и продолжительные северные сияния, пылая столпами яркого света, превращают эту ночь в день особенного вида и красотой своею вознаграждают жителей за отсутствие солнечных лучей. При свете северного сияния можно иногда читать; кроме того, ежедневно в полдень бывает, на час и более, столько света, что можно обойтись без свечей; следовательно, под именем полярной ночи следует разуметь не полное отсутствие света, а скорее время, когда на горизонте не показывается солнце. С 5 января начинает показываться солнце и постепенно подниматься все выше и выше над горизонтом. Земля обнажается от снега в половине мая, но в некоторых местах между горами он остается на все лето. В первых же числах мая реки освобождаются от льда, а в конце мая показывается на пожнях и склонах гор зелень. С 12 мая по 9 поля солнце не сходит уже с горизонта — нет ни сумерок, ни ночи, наступают полярные дни. Во время полярных дней солнце согревает землю только в полдень, а остальную часть суток оно только светит, но не греет и кажется золотым кругом без теплоты. Лето, начинаясь с половины июня, продолжается до половины августа. В июле уже отцветают растения; быстрому развитию растительности способствует продолжительность света.

Само собою разумеется, что вследствие сурового климата земледелие совершенно немыслимо; но по берегам рек встречаются довольно хорошие луга, а потому даже по Мурманскому берегу колонисты содержат достаточное количество скота. Из овощей растет только репа и в незначительном количестве возделывается картофель.

Южная и западная часть Кольского полуострова покрыта довольно хорошим, преимущественно сосновым лесом; ближе к северу лес делается мельче, все чаще попадает береза, и затем он переходит в открытую тундру, покрытую мхом и низкорослым кустарником.

Средняя температура дня, по сделанным наблюдениям, бывает в апреле $+1,5^{\circ}$, мае $+5,4^{\circ}$, июне $+9,0^{\circ}$, июле $+13,2^{\circ}$, августе $+11,8^{\circ}$, сентябре $+5^{\circ}$, октябре $+0,9^{\circ}$, ноябре $-2,6^{\circ}$.

Кочевье лопарей летом (вежа)

Всех постоянных жителей в Кольском уезде насчитывалось к 1 января 1895 года мужчин около 4260 человек и женщин 4430 человек, итого 8690.

По южному Кандалакшскому и по восточному Терскому берегу живут русские — того же типа, как и поморы Кемского уезда, — в следующих волостях: 1) Умбской — 980 человек; 2) Кузоменской — 1480 человек; 3) Тетринской — 1160 человек; 4) Понойской — русских 220 человек и лопарей — 450 человек; в г. Коле русских 710 человек, финляндцев 30 человек, и по Мурманскому берегу — русских 1180 человек, финляндцев 750 человек и норвежцев, принявших русское подданство, 220 человек. Внутри полуострова живут только лопари; всех лопарей к 1 января 1896 года насчитывалось 1940 человек, из них 1490 человек причислено к Кольско-Лопарской волости и 450 человек к Понойской волости. Всего, таким образом, в Кольском уезде русских — 5720 человек, финляндцев — 810 человек, норвежцев — 220 человек и лопарей — 1940 человек.

Лопари ведут полукочевую жизнь. Поселки, в которых они живут, называются погостами; у каждой группы лопарей есть всегда особый зимний и летний погосты. Зимний погост расположен обыкновенно в середине полуострова, ближе к лесам, где лопари содержат зимою своих оленей; летом лопари переходят ближе к морю и озерам для ловли рыбы.

Живут лопари зимою в тупах небольших, курных избах в 3—4 квадратных сажени, покрытых дерном, а летом — в вежах, т. е. больших шалашах вроде самоедского чума, но покрытых не шкурами, как у самоедов, а ветвями, древесною корою и дерном.

Типичный лопарь — низкого роста, приземист, на ногах у него большие башмаки вроде колодок, ноги закутаны суконною тряпкою, перевязанною бечевкою, одет он в суконную серую куртку, на голове вязаный шерстяной колпак с кисточкою на конце, борода клином; в общем, фигура похожа на гнома, как их рисуют на картинках при изображении подземного царства. Но большинство лопарей не придерживаются этого характерного типа лопарского костюма и носят что попадет: шляпы, шапки, немецкое платье и проч.

Между женщинами, особенно молодыми, попадаются довольно миловидные; носят они обыкновенные ситцевые сарафаны, и вообще, костюм их не отличается какими-либо особенностями.

Лопарское племя, по-видимому, вымирает, или, лучше сказать, постепенно исчезает и смешивается с соседними племенами. Не имея ни письменных памятников, ни исторического прошлого, ни особых религиозных верований, все они православные; принимая обычаи и культуру русских, лопари отстают нередко от своих единоплеменников и смешиваются с русскими. Мне приходилось слышать от более или менее оседлых лопарей такую фразу: «Я не какой-нибудь лопарь, я теперь русский» или: «Это хороший (дельный, сильный) человек, не лопарь», — так что, очевидно, они и сами о себе не особенно высокого мнения и не дорожат своим племенным единством.

Впрочем, издавна вольный сын широкой бесконечной тундры, лопарь любит эту тундру и свободную кочевую жизнь. Невольно вспоминаешь при этом характерный рассказ управляющего государственными имуществами Архангельской губернии С. П. Гоппена. Несколько лет тому назад он тоже путешествовал по Кольскому полуострову и проходил из Кандалакши в Колу. Любопытный и наблюдательный, он подметил несколько характерных черт из жиз-

Колозеро. Печение хлеба лопарями

ни лопарей. По мнению большинства, рассказывал С. П., жизнь лопаря крайне непривлекательна, жалка, убога, неудобна и скучна. Между тем есть лопари, которые богаты, имеют в банке наличными деньгами по несколько тысяч рублей и владеют большими стадами оленей. Такие лопари могли бы прожить с удобством где им угодно, но когда указывалось на подобную возможность, то получался от них приблизительно такой ответ: «Что может быть лучше свободы, шири в тундре и шума в лесах, жизни в незаменимой веже или тупе? Что может быть приятнее и здоровее ежедневной пищи из свежей вкусной рыбы: форели, кумжи, хариусов, семги, сига и проч.? Что может быть веселее той морозной выюги, когда по гладкой снеговой равнине вихрем несешься в своей кережке, запряженной четверкою сильных рослых быков-оленей, в свою тупу, к своей семье, где находишь у разведенного костра испеченную свежую оленину? Нет, мы не сравним нашу привольную жизнь с приневольною жизнью в городах: нам вежа, тупа — лучше всякого каменного дома». Вообще лопарь ясно высказывает, что его жизнь не в пример для него приятнее и лучше, чем жизнь городских жителей. Как контраст словам и мыслям самого лопаря, припомним стихи, сказанные на одном собрании уважаемым Д. Н. Островским, бывшим нашим консулом в Норвегии:

А там, быть может, в это время
Застигнут бурею лопарь,
Один в пустыне коченеет
Судьбою брошенный дикарь.
Есть в жизни резкие контрасты,
И не мирить берусь их я,
Но средь столичного веселья
Я пью бокал за лопаря!

Вообще нам всегда казался несколько непонятным тот плач о самоедах и лопарях, который слышался нередко в литературе, в ученых исследованиях, например, уважаемого профессора А. И. Якобия, и даже в административных распоряжениях об их жалкой, полной лишений жизни, об эксплуатации, которой они будто бы подвергаются со стороны соседнего оседлого населения. В действительности же к их услугам, в их распоряжении необъятные тундры и леса; паси оленей — где знаешь, лови рыбу — где хочешь, промышляй зверей и птиц — беспрепятственно, на пространстве многих миллионов десятин свободных казенных земель, — только сам, конечно, не плошай.

И вряд ли лопарь и самоед считают себя такими несчастными, какими они изображены в приведенных стихах, в административных и ученых исследованиях; вряд ли они будут счастливее при той опеке, которая предлагается в их, будто бы, интересах, для ограждения их от вымирания и эксплуатации соседями; вряд ли они пожелают променять свою свободу, свою тундру, свой чум и вежу, свою кочевую жизнь на все блага культурной жизни, пока они сами, сближаясь с соседним оседлым населением, без всякого внешнего давления, постепенно не почувствуют потребности в новой жизни. И вопрос еще, не будет ли та культурная жизнь, которую хотят им преждевременно навязать, лишь способствовать скорейшему их вымиранию.

Главное занятие лопарей — оленеводство и рыболовство, а зимою — извозничество на оленях. К сожалению, лопари плохие хозяева: они не заботятся о размножении своих стад и об извлечении из оленеводства выгод про запас. Оленеводство не составляет у них предмета постоянного про-

мысла; они держат оленей только в том количестве, сколько им нужно для домашнего обихода, т. е. для пищи, одежды и переездов. Очень немногие владеют более или менее значительными стадами, причем по большей части сами не знают, сколько у них в действительности имеется оленей. На лето, когда им олени не нужны для переездов, лопари пускают их свободно бродить, куда им вздумается, без всякого присмотра. От оводов и комаров олени обыкновенно забираются в Хибинские горы или перекочевывают ближе к океану. На свободе олени плодятся без присмотра и, находясь в полудиком состоянии, отбиваются нередко от своего стада. По наступлении зимы лопари начинают разыскивать свои стада, и много времени уходит на розыск оленей, которых, впрочем, для того, чтобы не перемешивать с другими, каждый хозяин отмечает своим клеймом.

Между тем оленеводство могло бы составить предмет настолько выгодного промысла, что он один дал бы лопарям возможность обеспеченного существования. Олень не требует за собою почти никакого ухода, летом и зимою он питается подножным кормом: летом — разными травами, а зимою — оленьим мхом, ягелем, который олени вырывают из-под снега копытами; мох этот в изобилии растет по тундрам и лесам всего Кольского полуострова. При этом олень дает лопарю пищу, одежду, перевозит в его скитаниях его семью и имущество за сотни верст; дает ему, наконец, возможность зарабатывать деньги на извозничестве, на содержании земских станций и проч.

Несколько лет тому назад на Кольский полуостров переселилось несколько зырян из Печорского уезда с своими стадами, в количестве около 5000 голов. Лопари приняли их в свое общество и считают их чуть ли не своими благодетелями, так как зыряне, народ предприимчивый и расторопный, доставляют все необходимое в их домашнем быту, приобретая все эти предметы, в свою очередь, выгоднее, чем это удавалось раньше самим лопарям, и скупают у них за хорошую цену шкуры оленей, убитых зверей и предметы промыслов. Недостатка в пастбищных местах для оленей и скота пока не ощущается; в настоящее время у зырян уже более 10 000 оленей, и они получают от них сравнительно огром-

ные барыши. Но зыряне ведут олений промысел правильно и толково, оберегают оленей от нападения хищных зверей, за оленями у них летом и зимою имеется постоянный присмотр и уход: смотря по времени года, они перегоняются на соответствующие пастбища и т. д.

К 1 января 1895 года в Кольском уезде насчитывалось всего около 40 000 оленей, из них, как упомянуто выше, принадлежит четырем семействам зырян более 10 000 штук, тысяч пять наберется у русских и у колонистов финляндцев, а всем лопарям принадлежит около 25 000 голов.

II

Путь от Кандалакши до Колы. — Река Нива. — Пинозеро. — Земские станции. — Озеро Имандра. — Хибинские горы. — Перевальная верста между озером Переяверь и Колозером. — Пудозеро, Мурдозеро и река Кола. — Комары. — Город Кола.

Путь, который предстояло нам пройти от Кандалакши до г. Колы, поперек Кольского полуострова, представляет кратчайшее расстояние между Белым морем и Ледовитым океаном. В летнее время по этому пути почти никто не ездит; все сношения с Мурманским берегом производятся морским путем, на пароходах товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства; изредка разве проедет кто-либо из местных властей по делам службы. С прекращением пароходства и наступлением зимнего пути по этому направлению открывается почтовое сообщение. Переезд совершается на оленях, в кережах (кережа — нечто среднее между лодкою и санями). Самое оживленное время на этом пути — конец февраля и начало марта, когда тысячи промышленников из Кемского и Онежского уездов отправляются на мурманские рыбные промыслы, частью пешком, частью на оленях.

Интересную картину представлял наш кортеж, длиною вереницею потянувшийся по узкой горной тропинке. Впереди шел я в тужурке, с ружьем за плечами, а за

Переход через лес у Пинозера, в Лапландии

мною прибывший навстречу из Колы помощник кольского исправника Гейденрейх и остальные спутники, большей частью тоже в форменных тужурках и белых тюлевых накомарниках; затем бодро шагали солдаты охотничьей команды, в полной походной форме, с берданками и запасом продовольствия и проч. на особых козелках за плечами, всего до двух пудов на человека; в хвосте тянулись носильщики с багажом, привязанным также к козелкам, надетым на плечи, по большей части женщины-лопарки, всего до 30 человек.

Из Кандалакши мы вышли 16 июня, в 8 часов утра. В первый переход до Зашеечной станции пришлось пройти 13 верст пешком, все время вдоль реки Нивы, по довольно холмистой, каменистой местности, покрытой редким, преимущественно сосновым лесом. Река Нива настолько порожиста, что по ней ехать в лодке невозможно; с шумом несутся ее воды по камням и, пробираясь между гор, представляют для путника целую серию разнообразных живописных картин: перед глазами бушующий потоп, а вдали — высокие горы, до половины покрытые лесом, с вершинами, лишенными всякой растительности.

По пути, не только у подножия холмов, но и на возвышенных местах, встречаются топкие, моховые места, по которым настланы мостки вроде тротуаров; идти по таким мосткам, если они хорошо устроены, т. е. если они вытесаны и прочны, очень удобно. Было довольно жарко, комары со всех сторон облипали нас, и только накомарники спасали от укусов лицо и шею; но рук — ни лайковые, ни замшевые перчатки не могли спасти от их укулов.

Пройдя 13 верст, мы сделали небольшой привал. После завтрака и отдыха в ожидавших нас лодках мы проплыли 4 версты по реке Ниве до новых порогов, затем прошли 4 версты пешком и 5 верст опять на лодках по Пинозеру. Ветер был попутный, а потому эти 5 верст мы быстро прошли под парусами и, наконец, последние 6 верст до Зашеечной станции шли опять пешком, — так что в первый день мы сделали 23 версты пешком и 9 верст на лодках, а всего 32 версты, и не чувствовали особенной усталости.

Телеграфный инженер Менделеев делал всюду на ходу заметки и, таким образом, набрасывал приблизительное направление будущей телеграфной линии.

На Зашеечную станцию мы прибыли в 11 часов вечера. Впрочем, вечер, ночь, утро и день в той широте, в которой мы находились, и в это время года — понятия относительные; солнце вовсе не сходит с горизонта, следовательно, день, утро и вечер определяются только часами. Во всяком случае, в хорошую погоду лучше путешествовать ночью, когда воздух свежее и потому не так утомительно идти, да и комары как-то меньше осаждают путника.

Зашеечная станция находится на южном берегу озера Имандры. Это озеро — самое большое на всем Кольском полуострове и по прямому направлению, с юга на север, имеет в длину 100 верст, а в ширину от 5 до 30 верст.

На пути от Кандалакши до Колы земские станции расположены, в среднем, на протяжении от 30 до 50 верст одна от другой. Каждая из этих станций представляет собою небольшую избу в 5—6 квадратных сажений, в 3 аршина высоту, с односкатною низкою крышею. Печь в такой станции устроена довольно оригинально и представляет не то камин, не то открытый горн с прямою над ним трубою; сложена она из

Первый привал на пути от Кандалакши, у реки Нивы,
в Лапландии

плитняка на глине, и, нужно сказать, такая печь довольно практична: она не дымит, быстро нагревает избу и отлично вентилирует ее; в то же время она удобна для нагревания воды и для приготовления пищи. Хотя подобная станция и не представляет больших удобств, но все-таки путник может скрыться в ней от непогоды, согреться и даже устроиться на ночлег. Содержатели станций обязаны летом на каждом переезде водою иметь известное число лодок и гребцов, которые в то же время служат провожатыми и носильщиками по сухопутным переходам; зимою для переезда от одной станции до другой содержится соответствующее число оленей.

Хотя Зашесчная станция в ожидании нашего проезда была начисто выскоблена и, по-видимому, в ней произведен некоторый ремонт, тем не менее она пришла уже в такую ветхость, что притолки вываливались от первого толчка, стены просвечивали и ветер свободно врывался в прогнившие углы. Вообще весь перегон от Кандалакши оказался не вполне исправным: мостки во многих местах прогнили и проваливались, некоторые лодки обветшали и давали течь, а потому я предложил кемскому исправнику немедленно перестроить станции, а также привести в исправность лодки и мостки.

На другое утро задул довольно сильный северный, противный нам ветер. Между тем нам предстоял следующий переход до Экостровской станции, в 30 верст, все время по озеру Имандре. Крупные волны ударили о каменистые берега, по их гребням катилась белая пена — по местному выражению, «барашки»; озеро приняло темно-свинцовую окраску, и вообще все предвещало недоброе. Рассчитывая, что к ночи, быть может, ветер утихнет, мы только в 5 часов вечера решились сесть в лодки. Но наши надежды не оправдались, ветер дул все с тою же силою, с севера, озеро бушевало, идти под парусами было невозможно и только благодаря силе и ловкости наших гребцов-солдат, большею частью уроженцев Мезенского, Печорского и Кемского уездов, с малолетства привыкших к воде и не раз уже побывавших на промыслах в море, мы подвигались вперед. Причалив раза два к берегу для отдыха и осмотра берегов, мы, наконец, довольно-таки утомившись, прибыли к Экостровской станции 18 июня, в час ночи, сделав, таким образом, тридцативерстный переход на веслах, при противном ветре, в восемь часов.

Станция Экостровская расположена на западном берегу Имандры, на пригорке; направо и налево в бесконечной дали расстилается озеро Имандра; прямо перед глазами, на противоположном восточном берегу, высятся Хибинские горы с их разнообразными остроконечными вершинами, покрытыми то сплошь, то полосами вечным снегом.

Отдохнув и выспавшись, мы в полдень того же 18 июня, пользуясь изменившимся и ставшим для нас уже несколько попутным юго-западным ветром, поставили паруса и быстро понеслись опять по озеру. Ветер был крепкий, паруса надувались и несли наши лодки по волнам со скоростью с лишком десяти верст в час; брызги летели на нас с носа, а боковая волна захлестывала иногда воду в лодку; но ловкие солдатики мастерски справлялись с плохенькими парусами, и в каких-нибудь два часа мы прошли уже поперек озера и высадились на полпути на восточной стороне озера у избы Высокой.

Когда плывешь по озеру или смотришь с западного берега, то кажется, что Хибинские горы расположены у самого

восточного берега и круто опускаются к озеру. Это очень озабочивало меня, так как по восточному берегу предполагалось вести телеграф; болота и глубоко врезающиеся в берег заливы в западной стороне озера в значительной мере затруднили бы постройку телеграфа по этой стороне. Каково же было наше удивление, когда весь восточный берег оказался лишь слегка приподнятым над уровнем озера, сухим и покрытым сплошь довольно хорошим сосновым лесом, годным для телеграфных столбов. Горы как бы висели над нами, но до подошвы их нужно было идти версты две-три, а до вершин — целые десятки верст, так что по берегу озера можно строить не только телеграф, но и железную дорогу. Местные лопари сообщили нам, что этот берег озера никогда не затопляется даже весной и всюду удобо-проходим.

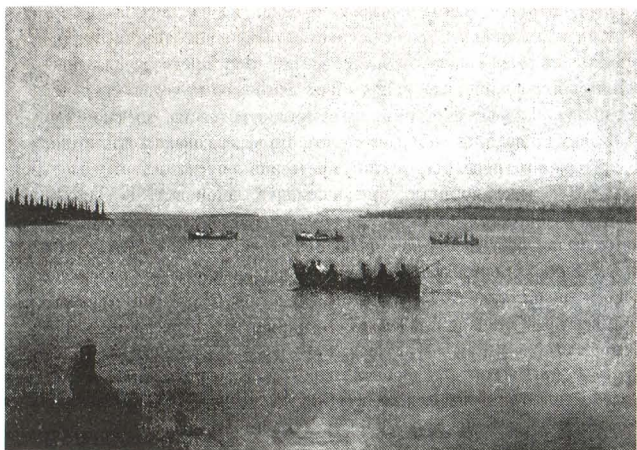
Хотя в 1894 году инженером Рипасом и была произведена рекогносцировка по пути от Кандалакши к Коле на случай проведения в этом направлении железной дороги, но исследованиями его нельзя было воспользоваться для определения точного направления телеграфной линии, так как Рипасом не оставлено на месте никаких следов; кроме того, рекогносцировка эта не имела характера точных изысканий, а представляла лишь общий обзор местности; поэтому бывшему с нами инженеру необходимо было с большим вниманием производить осмотры местности для более точного определения направления телеграфа.

Возможность проведения телеграфа по всему восточному берегу озера Имандры, на протяжении около 100 верст, представляла много удобств и устраняла те затруднения, которые мы предполагали встретить на этом месте, ввиду близости к озеру Хибинских гор — с восточной стороны и непроходимых тундр и массы водных пространств — с западной стороны. Кроме того, проведение линии вдоль самого берега имело еще и то преимущество, что этим значительно будет облегчен впоследствии надзор за линией: летом вдоль берега можно всегда проехать на лодке, а зимою по тому же пути проходит почтовый тракт. Наконец, там же имеются станционные домики, а если бы при устройстве самой линии и представилась необходимость отнести

ее в некоторых местах в сторону от существующих стационарных домиков, то эти последние можно будет без особых затруднений переставить ближе к самой линии.

Осмотрев, таким образом, восточный берег Имандры в разных местах, мы опять понеслись с попутным ветром по озеру и к 8 часам вечера были уже на станции Раз-Наволоок, сделав в этот день ровно 50 верст.

Вообще переезды по озерам и рекам, особенно при попутном ветре, когда можно было ставить паруса, мы считали отдыхом; все были довольны — как путешественники, так и солдаты, носильщики и лопари. Между нами был один только недовольный человек — мой повар Павел, в своем деле — великий искусник и любитель его, но, как всякий артист, капризный и беспокойный. Лопарские лодки и качка приводили его в ужас, и когда брызги залетали в лодку, он убеждал выпустить его на берег с тем, что он догонит нас по берегу; уверяя, что на его долю достаются самые скверные, гнилые и дырявые лодки, что у него гребцы ничего не стоящие — бабы-лопки, которые его непременно утопят, он все время ими командовал и, ничего не понимая в управлении парусом и рулем, приводил только в смущение лопарок, которые не знали, что делать, не смея послушаться такой важной и требовательной персоны. Чтобы, наконец, несколько успокоить Павла, я посадил его в свою лодку, и тут уже смиренно, с кастрюлькою в руках, он молча вычерпывал капли воды, набравшиеся в лодку, или затыкал тряпочками, при помощи ножа, дыры, которые ему всюду мерещились. Но нужно было его видеть, когда мы выходили на берег. Тут Павел был в своей сфере и совершенно преображался; он тотчас облакался в чистый белый костюм, громко раздавались его командные слова, солдаты по его указанию раскладывали огонь, один таскал дрова, другой носил и нагревал воду в котелках, третий разбирал тюки с посудой и провизиею и устраивал обеденный стол, бабы-лопарки мыли посуду, чистили рыбу и проч. Всем была работа, причем занятия были строго распределены и все делалось быстро, без всякой суеты, и не проходило получаса, как мы уже сидели за сервированным по всем правилам искусства столом и благодарились. Все подавалось опрятно, вкусно, как

Озеро Имандра в Лапландии

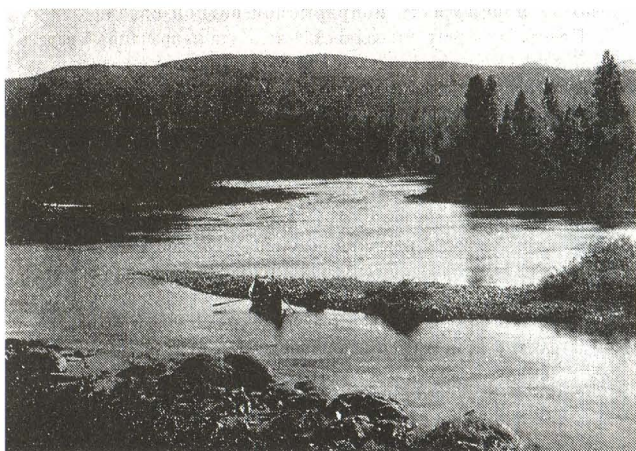
будто кушанья приготавливались не на козелках и таганчиках в глуши лопарских лесов, а в благоустроенном городском доме; одно блюдо сменялось другим, по порядку: суп или уха, жареная дичь, сладкое, затем чай с лимоном, даже фрукты и проч., — все, как следует. Мы только удивлялись, откуда все это берется и как сохраняется, тем более что кульки с запасами не отличались ни тяжестью, ни громоздкостью. Круто и властно Павел обращался со всеми, пока он приготавливал обед; но, когда обед был подан и аппетиты наши удовлетворены, он делался вдруг благодушным и милостивым к своим подчиненным, распространяя и на них свои заботы: снабжал солдат провизией, угощал их чаем и вином, хлопотал, чтобы они не остались без пищи, и менее всего заботился о себе. Точно так же он никогда не забывал позаботиться о провизии. Особенно много хлопот причиняло нам сливочное масло, запасенное еще в Архангельске: к этому маслу, как наиважнейшему предмету для приготовления кушаний, был приставлен даже особый человек; когда мы плыли на лодках, масло, завернутое в холст, должно было болтаться в воде, несмотря на то что это задерживало ход лодки; после каждого перехода масло немедленно опускалось в холодную воду; даже по пути, при малейшей остановке, его помещали в попутный ручеек или озерко. Все время у Павла заня-

то: то видишь, как он очищает, солит или коптит пойманную по пути рыбу, то ощипывает и приготавливает убитую по дороге дичь, так что эти занятия при переездах по озерам до некоторой степени отвлекали его внимание от страшных для него волн.

Нужно сказать, что дорогою наши запасы постоянно пополнялись свежеею провизиею. Я не упускал случая поохотиться; моя лодка всегда шла впереди, и с нее частенько раздавались выстрелы и мелькал дымок, — а следующие лодки уже подбирали убитых уток и куликов и гонялись за ранеными. Когда я выходил на берег и осматривал местность с инженером, все-таки не оставлял ружья и всегда возвращался то с глухарем, то с белою куропаткою. Впрочем, встречавшаяся дичь не отличалась разнообразием: глухари, белые куропатки и утки разных пород — вот и все, что попадало к нам на стол; зато рыбы было много, и очень вкусной. К нашим лодкам привязывались бечевки с блесною для приманки рыбы, и то и дело попадались довольно большие рыбы из породы форелей: кумжа, хариус, а то и семга; кроме того, в заборах, устроенных лопарями на порожистых местах, мы находили семгу и сегов, так что продовольствие наше всегда было обеспечено обилием превкусной рыбы. Наконец, если бы потребовалось мясо, то и в нем не было недостатка. Из чащи постоянно выскакивали олени, то старые, с огромными ветвистыми рогами, то молодые, безрогие. Наши солдатики, все отличные стрелки, не раз порывались убить оленя своими берданками, но их порывы были останавливаемы, так как в провизии недостатка не ощущалось.

Раз-Наволоцкий станционный домик, а равно и последующие, Масальский и Кицкий, оказались в порядке, опрятны и, по-видимому, только что отремонтированы; везде имелись самовары, чайная посуда, столы, табуретки и палатки для ночлега.

Из Раз-Наволоцкой станции мы отправились 19 июня, в 12 часов дня, опять под парусами на лодках, по тому же озеру Имандра. Несмотря на то что озеро здесь в значительной мере уже, тем не менее оно бушевало изрядно; но так как ветер был попутный, то оставшиеся до конца озера 12 верст, до устья порожистой реки Курени, мы доплы-

Начало реки Колы у Мурдозера

ли в 1 час 10 минут; затем прошли 4 версты пешком вдоль речки Куренги, потом опять 12 верст по озеру Переяверь (яверь — по-лопарски озеро) и, наконец, одну версту пешком до следующего Колозера.

Эта верста представляет перевал и водораздел между Северным океаном и Белым морем. Все озера к югу от этого перевала и все вытекающие из этих озер реки имеют течение в Кандалакшский залив Белого моря, а течение озер и рек к северу направлено в Северный океан. Таким образом, только на пространстве одной версты между океаном и Белым морем нет непрерывной водной связи.

Пройдя эту версту, мы опять сели в лодки и, проплыв 5 верст по Колозеру, прибыли на Масальскую станцию в 8 часов вечера, сделав, следовательно, в этот день от Раз-Наволоцкой станции 29 верст водою и 5 верст пешком, а всего 34 версты.

На следующий день, 20 июня, в 10 часов утра, опять проследовали 10 верст по Колозеру, потом 4 версты по материке пешком, 10 верст по Пулозеру, 4 версты пешком, 15 верст по Мурдозеру и, наконец, вдоль реки Колы, вытекающей из Мурдозера, 7 верст пешком до станции Кицкой.

В Кицкую станцию прибыли в 12 часов, довольно-таки утомленные, сделав этот переход в 14 часов. На этот раз

не столь утомительны были переходы пешком, как трудны переезды по озерам. Вследствие сильного порывистого ветра, хотя и попутного, нельзя было все время идти под парусами, оказывалось необходимым спускать паруса и выгребаться на веслах, так как маленькие, не особенно прочные лопарские лодки могли не выдержать удара волн от сильного напора при ходе на парусах и при порывистом ветре; вода нередко захлестывала в лодки и приходилось приставать к берегу, чтобы дать отдохнуть гребцам и выливать воду из лодок. Наконец, постоянная выгрузка и нагрузка багажа, то в лодки, то на плечи, до шести раз в течение дня, утомили людей.

Пройденные нами в этот переход озера Колозеро, Пулозеро и Мурдозеро, соединенные между собою порожистыми речками, редко имеют в ширину более 3—4 верст, а в некоторых местах настолько суживаются, что скорее имеют вид реки. Из Мурдозера вытекает река Кола, и, следовательно, все три озера представляют собою водный резервуар для этой реки. Истоки Колы очень живописны. Река с шумом несетя по порогам между крутыми скалами, покрытыми густым сосновым лесом. Переходы по тайболе (лес по горам) представляют также немало своеобразия и интереса; лес сосновый, редкий и гонкий, а вся земля покрыта как бы белым сплошным и густым ковром из ягеля (олений мох или олений лишай).

Как ни утомлены были все, но тотчас по приходе на станцию запылали костры, закипела вода, завозился Павел, а солдатики раскинули палатку и готовили себе ужин. Нам принесли только что выловленную большую семгу, весом с лишком 26 фунтов, и не прошло получаса, как за вкусным ужином все весело болтали, вспоминая разные эпизоды дня.

Кицкая станция расположена очень живописно на пригорке. Впереди и справа несетя по порогам река Кола, а слева — впадающая в Колу речка Кица, также вся в порогах; кругом шум разбивающейся о камни воды, а вдали — утесистые горы, покрытые зеленым лесом. Чтобы перейти речку Кицу, нужно было с различными ухищрениями перебраться по этому порожистому, быстро несущемуся потоку; нас

Гора Соловарака близ города Колы

перевезли между камнями на маленьких лодках, которые садились то носом, то кормою на невидимые иногда подводные камни; в конце концов, отпихиваясь шестами и баграми, мы благополучно перебрались через эту пучину, а солдатики ухитрились перебраться через нее и без помощи лодок, перескакивая с камня на камень, ничуть не смущаясь, когда, соскользнув с камня, попадали по пояс в воду, и только подтрунивая друг над другом при неудачном прыжке. Проснувшись на другое утро, видим следующую сцену: сидят, понуря голову, два солдатика на камне, пот градом льется с их лиц, смотрят они пристально на бумажку и повторяют какие-то непонятные слова. Оказалось, что подполковник Чарковский ночью вышел за чем-то из станционного домика и, услышав разговор в солдатской палатке, заглянул в нее; несмотря на пройденный утомительный переход и предстоящий еще двадцативерстный переход пешком до Колы, когда, казалось бы, всем надлежало спать без задних ног, два солдатика играют в какую-то игру на деньги. И придумал же им милейший их пачальник наказание: записав на бумажке имя и фамилию только что назначенного батальонного командира полковника Мунте фон Моргенстиерне, он приказал солдатикам выучить к следующему дню фамилию командира. Нужно было видеть их отчаяние, их усилие запомнить и выговорить столь трудную фамилию — это им никак не

удавалось; все утро, весь день они просидели над бумажкой, являлись к Н. И. Чарковскому на экзамен, но тут память у них как бы отшибало, и они только мычали что-то непонятное. Наконец, я сжалился над ними и уверил их, что батальонный командир разрешит им называть его просто полковником Мунте. Весело побежали они к Н. И. Чарковскому и доложили, что знают, как зовут их командира.

— Ну, как?

— Полковник Мунте, ваше высокоблагородие, — отчеканили смело солдатики, беря под козырек.

— Да это не все.

— Все, ваше высокоблагородие, — потому его превосходительство сами сказали.

— Ну, если его превосходительство сказали, так ваше счастье. С Богом! — добродушно усмехнулся Н. И. Чарковский.

День 21-го был жаркий, прогремел гром, пролил крупный летний дождь, и комары тучами окружили нас; тысячи их погибали под нашими ударами, от дыма и огня, но ни костры, ни куренье можжевельником не могли спасти нас от их укусов на открытом воздухе, так что мы вправе были назвать Кицкую станцию — Комариною. Только и возможно было укрыться от комаров в станционной избе или палатке, где зажигались на некоторое время бывшие у нас в запасе, выписанные от Штоля и Шмидта, Соловьевския курительные свечи (*Fidibus insettifughi*). Этого снадобья комары действительно не выносили, стремглав вылетали из комнаты или из палатки, а те, которые оставались, теряли, по-видимому, всякую охоту кусаться.

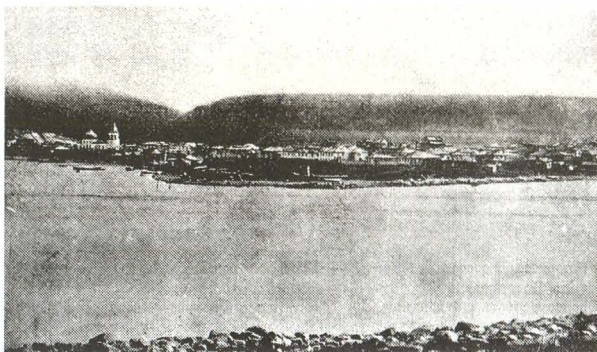
Ввиду жары, комаров и предстоявшего большого перехода пешком мы весь день отдыхали на Кицкой станции, да и местность кругом была так красива, что не хотелось уходить. Только в 7 часов вечера мы тронулись в путь. Тропинка шла в гору; по крайней мере 4 версты нам пришлось взбираться все вверх, сперва по сухому сосновому бору, а далее по каменистой тундре, покрытой мелкими деревцами и ползучею полярною березкою. Несмотря на наступившие часы ночи, было тепло, и солнце ярко светило. Всем хотелось пить. Мы так привыкли к обилию влаги, к чистой

Город Кола (вид с материка)

как кристалл воде порожистых рек и прозрачных озер, дно которых вымощено сплошь камнем, — а тут, как нарочно, ни ручейка, ни озерка. Между тем я шагал впереди всех, своим мерным шагом, не останавливаясь и не присаживаясь, а спутники мои хотя и уныло, но волей-неволей тянулись за мною; наконец, только на одиннадцатой версте попался ручеек, и мы сделали маленький привал. Утолив жажду, мы бодро двинулись вперед и остальные пять верст прошли незаметно и быстро, а затем поплыли на веслах по реке Коле, по течению. Берега р. Колы очень живописны. Пятнадцать верст, пройденных по реке, мы все время наслаждались самыми разнообразными красивыми видами. Не доезжая трех верст до г. Колы, опять пришлось выйти на берег и идти пешком, так как река снова понеслась по порогам. Здесь нас встретили кольский исправник В. И. Смирнов, чиновник по крестьянским делам Кольского уезда Мухин, кольский городской староста и кольско-лопарский волостной старшина.

Три версты шли мы все в гору Соловарака; наконец, поднялись на ее вершину, и перед нами открылся чудный вид: справа шумела и бурлила река Кола по порогам, слева плавно неслась река Тулома, под нами раскинулся маленький городок Кола, а вдаль, при утреннем солнечном освещении, широкою полосой блестел Кольский залив Северного Ледо-

Город Кола (вид с моря)

витого океана. В Колу мы прибыли 22 июня, в 5 часов утра, сделав последний переход в 34 версты — 19 верст пешком и 15 верст водою — в течение 10 часов.

Так закончилась вторая часть нашего путешествия от Кандалакши до Колы — от Белого моря до Северного океана, — поперек всего Кольского полуострова.

Цель этого путешествия была вполне достигнута: возможность проведения телеграфной линии, без особых затруднений, от Кандалакши до Колы вполне выяснилась и сделалась очевидною. Здесь мы расстались с одним из самых приятных наших спутников, телеграфным инженером Менделеевым: он отправился обратно по пройденному нами пути, чтобы окончательно наметить направление телеграфной линии, нанести ее на план и проч. Инженер Менделеев прибыл в Архангельск для работ по Мурманской телеграфной линии прямо с острова Сахалина.

Его ничто не удивляло и не смущало — по-видимому, он видал и не такие виды; так, он находил, что вести телеграф через Кольский полуостров — почти все равно, что вести его по благоустроенному парку; никогда он не уставал, на всяком привале обходил далеко кругом местность и все отмечал; почти никогда не раздевался, а спал одетый, на голой скамейке, положив чемоданчик под голову; лодки, тропинки, мостки и станционные домики он находил всегда совершенно удобными...

Мурман

I

Исторический очерк. — Границы. — Печенгский монастырь. — Преподобный Трифон Печенгский и Феодорит Кольский. — Льготы переселенцам. — Воспрещение привоза спиртных напитков. — Существующие колонии. — Климат. — Деятельность Общества Красного Креста. — Промысловые артели. — Правительственные ссуды. — Соль. — Рыбный промысел. — Административный пароход. — Военный крейсер. — Морские промыслы: тюлений, китобойный, акулий, сельдяной.

Мурманским берегом называется вся прибрежная полоса Ледовитого океана от Белого моря, считая от Святого Носа до границ Норвегии.

В настоящее время граница с Норвегией начинается при впадении р. Ворьемы в Северный океан, огибает к западу приморскую береговую полосу до устья р. Пазы и затем идет все время вдоль этой реки до границы Финляндии. Интересно проследить, как образовалась эта граница. Дружеские отношения между Россией и Норвегией установились издавна; в сочинении Эрика Берньера, изданном в Стокгольме в 1740 года, между прочим упоминается, что в XI веке границею между Русью и Норвегией считался, по договору Ярослава Мудрого с норвежским королем Олафом Тюркесоном, морской залив Люген-фиорд. Ярослав был женат на дочери короля Олафа, и между ними была большая дружба.

Впрочем, добрые, соседские отношения с Норвегией сохранились до настоящего времени; поморы очень любят ходить на своих судах в «Норвегу», во всех северных норвежских приморских городах: Вардэ, Вадзе, Гаммерфесте и Тромзе — всегда можно встретить много поморских судов; с этими городами поморы издавна ведут безвыгодную для себя меновую торговлю.

Паз-река, или Патсиоки, входящая в состав границы между Россией и Норвегией. Дом новой церкви святых Бориса и Глеба и селение лопарей

Иные отношения были к Швеции. Военные действия с нею постоянно возобновлялись, а потому пограничные со Швецией земли часто подвергались разорению и переходили из рук в руки.

По мирному договору, заключенному новгородским князем Юрием Даниловичем со шведским королем Магнусом в г. Орехове в 1323 году, нашим морским рубежом считался уже не Люген-фиорд, а Варангер-фиорд. В 1826 году граница приняла современное направление.

Первыми русскими поселенцами на Мурмане были новгородские выходцы, а первым поселением, о котором упоминается в русских летописях 1264 года, была Кола; но в каком году и кем Кола основана — положительных сведений не имеется. Постоянные войны, которые вел Иоанн Грозный со Швецией, требовали на далеком Севере укрепленного военного пункта, а потому в 1550 году Кольский поселок был переименован в Кольский острог и управление Коль-

Церковь святых Бориса и Глеба, построенная в XVI веке святым Трифоном, на границе с Норвегией

ским округом вверено особому воеводе. Вместе с тем Кольский острог служил местом для ссылки государственных преступников, что продолжалось до 1804 года.

Почти в то же время, в первой половине XVI века, на берегах р. Печенги и на Паз-реке появился ревностный подвижник православия, сын священника из окрестностей г. Торжка, Трифон Печенгский; он начал проповедывать между лопарями слово Божие и вскоре заслужил их полное доверие своим простым обращением, аскетическою жизнью и доброю. Он основал на реке Печенге обитель, которая привлекла сюда других подвижников и в том числе соловецкого инок Феодорита. Феодорит был человек выдающихся способностей, ему принадлежит перевод разных молитв на лопарский язык. Вместе с Трифоном он идет в Москву, чтобы хлопотать об устройении новой Печенгской обители. В Москве они были приняты милостиво; по жалованной грамоте 1566 года Печенгскому монастырю были даны на прокормление морские губы: Мотовская, Урская, Илицкая, Печенгская, Пазрецкая и Нявенская с рыбными ловлями в море и реках, с окрестными землями, лесами и озерами и с лопарями.

В память этого пожалования святой Трифон построил на Паз-реке, на теперешней границе с Норвегией, храм во

имя святых Бориса и Глеба. Эта маленькая церковь стоит и поныне, как памятник далекой старины и на страже русских интересов и православия, а рядом с нею, по инициативе великого князя Алексея Александровича, построены в 1874 году новый красивый храм, дом для священника и школа для лопарских детей.

Во время моего посещения Паз-реки я видел в древней церкви сохранившуюся до сих пор ее убогую утварь XVI века, бережно хранимую священником Щеколдиным, который с особым усердием занят духовным просвещением своей паствы, состоящей из 200 лопарей, и обучением грамоте лопарских детей, встретивших меня стройным пением молитвы.

Впоследствии, при утверждении в 1826 году границы между Россией и Норвегией, заливы Пазрецкий и Нявденский были уступлены Норвегии, так что прежняя граница по Варангерскому заливу, обойдя храм свв. Бориса и Глеба, отодвинулась значительно на восток, до устьев реки Ворье-мы. Преподобный Трифон, возвратясь из Москвы и построив церковь во имя свв. Бориса и Глеба на Паз-реке, ревностно принялся за устройство новой обители на р. Печенге, при впадении в Печенгский залив. Впоследствии, чувствуя приближение смерти, он уединился в скит за 25 верст от монастыря. Товарищ его Феодорит оставался некоторое время в Москве; царь, тогда еще великий князь, возложил на него важное дипломатическое поручение к константинопольскому патриарху. Феодорит успешно исполнил это поручение и привез Иоанну благословение патриарха и соборное послание о возведении великого князя в сан царский. Близость Феодорита к князю Курбскому и то, что царь возлагал на него такое серьезное поручение, свидетельствуют не только о его уме, но и о знатном происхождении. Но его не соблазняют почести в Москве; подчиняясь тогдашнемувлечению к подвижничеству и к аскетической жизни, он возвращается на далекий Север и, вместе с Трифоном, рубит лес и таскает бревна.

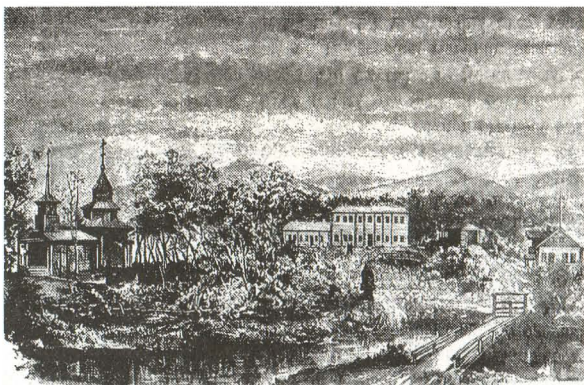
Хотя Печенгская обитель просуществовала недолго — в 1590 году она была разрушена шведами, а вся братия убита, — тем не менее деятельность Трифона Печенгско-

Иконостас в древней церкви святых Бориса и Глеба

го и Феодорита Кольского имела огромное политическое и духовно-нравственное значение, укрепив далекую окраину за Россией и в православии. Крестившиеся лопари остались ревностными православными и до сих пор глубоко чтут преподобного Трифона.

В течение трехсот лет Печенгский монастырь не обновлялся и вновь был открыт лишь в 1890 году. Новый монастырь устроен в 25 верстах от прежней обители, на том месте, куда удалился Трифон и где покоятся его мощи. Я два раза посетил монастырь и убедился, что место для него выбрано неудачно. Прежний монастырь был расположен при впадении р. Печенги в Печенгский залив. Здесь есть несколько русских поселков; здесь же, по близости океана, сосредоточены все экономические интересы и промышленная жизнь окружающей местности; сюда прибывают пароходы с богомольцами, которым, несмотря на устроенную к новому монастырю дорогу, трудно туда пробраться; наконец, здесь же у монастыря есть склады и гостиница. Настоятель монастыря, отец Ионафан, вполне согласился с моим мнением и энергично принялся хлопотать о разрешении перевести монастырь на первоначальное место, где пока есть только часовня над прахом убиенных в 1590 году монахов. Вскоре было получено соответствующее разрешение, и отец Ионафан усердно взялся за дело; для монастырского храма

Общий вид Печенгского монастыря

заготавливается кирпич, подвозится лес и проч. Я, с своей стороны, убедил соседних колонистов, занявших место, необходимое для монастыря, переселиться на другое место; по моему ходатайству, монастырю отведено около 3000 десятин для пастьбы монастырского скота и монастырских оленей и для заготовки дров из имеющегося на этой земле леса. В настоящее время поблизости устроена почтово-телеграфная станция, а в Печенгской губе имеет постоянную стоянку один из пароходов товарищества Архангельско-Мурманского пароходства «Св. Трифон». Таким образом, в недалеком будущем вновь устраиваемый Печенгский монастырь и окружающие его колонии обещают быть значительным экономическим и духовным центром на Севере.

Великий преобразователь России Пётр Великий, сознавая, насколько наш Север важен в политическом и торгово-промышленном отношении, укрепил Кольский острог и в 1701 году переименовал его в Кольскую крепость.

В 1780 году, при императрице Екатерине II, Кольская крепость была упразднена и обращена в уездный город. Арсенал и боевые припасы перевезены в Екатерининскую гавань, находящуюся в 50 верстах от Колы, при устье Кольской губы, у открытого океана, где уже и в то время предполагалось создать военный порт. Эта мысль, однако, не осуществилась, и военные припасы были перевезены в 1801 году в Соловецкий монастырь, а гавань разоре-

на в 1809 году англичанами. Той же участи подверглась Кола и в 1855 году.

В 1864 г. образовалась колония из финляндцев в губе Ура; тогда же появились колонии из норвежцев в Вайдагубе и Земляной. Поселившиеся финляндцы и норвежцы вполне доказали, что на Мурманском берегу можно жить безбедно; им удалось обзавестись, без пособия со стороны правительства, постройками и рогатым скотом; занимаясь рыбными промыслами, они в то же время разработали луга и завели даже огороды.

Убедившись в важном экономическом значении Мурманского берега для всего Севера России, правительство признало необходимым поощрить переселение на Мурман, а потому высочайше утвержденными 22 ноября 1868 года, 14 мая 1876 года и 28 декабря 1890 года положениями Комитета министров дарованы поселяющимся на Мурман следующие льготы:

1) Переселенцы на Мурманский берег из русских подданных, а также из иностранцев, принявших русское подданство, пользуются: а) в отношении торговли с Норвегией правами, предоставленными жителям Поморского края Архангельской губернии по ст. 1308—1311 уст. тамож. (Свод законов, т. VI, 1857 года) и Высочайше утвержденным 12 ноября 1862 года мнением Государственного совета; и б) льготами, предоставленными, на основании ст. 59 уст. о благоустр. в казен. сел. (Свод законов, т. XII, ч. II, 1857 года), бывшим государственным крестьянам при переселении из одной губернии в другую.

2) Переселенцы на Мурманский берег, не исключая иностранцев, принявших подданство России, подлежат отбыванию воинской повинности на общих для всех российских подданных основаниях, но, впредь до особого распоряжения, переселенцы сии освобождаются от назначения на действительную службу и зачисляются прямо в запас флота; при этом переселенцы не призываются ни к личному вынuthю жеребья, ни к освидетельствованию их здоровья и телосложения; жеребья же вынимаются за них, как за отсутствующих, председателем подлежащего присутствия по воинской повинности, на основании ст. 142 устава о сей повинно-

Новая церковь святых Бориса и Глеба на Паз-реке и рядом
старая XVI века

сти, а требуемое на службу число новобранцев назначается в порядке, указанном в ст. 146 и 152 означенного устава, без освидетельствования.

3) Все без изъятия приписавшиеся к оседлому поселению на Мурманском берегу переселенцы, или колонисты, освобождаются, впредь до особого распоряжения, от платежа государственных податей и отбывания денежных и натуральных повинностей.

4) Мурманские колонисты могут: а) заниматься всякого рода торговлею и промыслами на Мурманском берегу без взятия установленных на право торговли свидетельств и билетов; б) получать беспошлинно для своего употребления и для продажи в колониях и на всем Мурманском берегу привозимые на русских и иностранных суда иностранные мануфактурные, колониальные и другие товары, каковые товары в пределах колонии не признаются контрабандными;

и в) освобождаются от платежа гербовых сборов, за исключением совершения купчих при покупке земель.

(Полная свобода торговли всякими иностранными товарами вызвала прежде всего огромный ввоз на Мурман всевозможных крепких напитков иностранного изделия — разных ликеров, водок и преимущественно норвежского рома, особенно полюбившегося промышленникам и имевшего самое вредное влияние на их здоровье. Дешевизна этих напитков, не обложенных ни пошлиною, ни акцизом, имела последствием то, что промышленники предавались во время промыслов поголовному пьянству, теряли благоприятное время для промысла и пропивали бóльшую часть улова и весь свой заработок в питейных заведениях фактористов, которые торговали преимущественно крепкими напитками, приобретая при этом за бесценок добытую промышленниками тяжелым трудом рыбу. Вследствие сего, высочайше утвержденным 6 января 1886 года мнением Государственного совета положено: 1) привоз на Мурманский берег Архангельской губернии иностранных крепких напитков воспретить; 2) на приходящих к Мурманскому берегу судах не возбраняется иметь спиртные напитки для продовольствия жителей в количестве, по морским правилам в числе шкиперской провизии дозволенном; 3) Архангельскому губернскому по питейным делам присутствию предоставляется принимать меры, необходимые для устранения излишнего числа заведений для оптовой и розничной продажи крепких напитков на Мурманском берегу, а также издавать правила о времени открытия и закрытия сих заведений, а также внутреннего порядка, в них соблюдаемого. В силу этого узаконения, Архангельское губернское по питейным делам присутствие, признавая необходимым прекратить развившееся на Мурмане пьянство и принимая во внимание, что местные жители — колонисты и фактористы, а также хозяева судов, имеют полную возможность запастись для домашних надобностей необходимым количеством крепких напитков в г. Коле, где винная торговля существует на основании общих законов Империи для торговли крепкими напитками, или же привозить их из Архангельска, определением 10 марта 1880 года — распорядилось: на всем Мурманском берегу, ни в колониях,

ни в факториях, не разрешать ни оптовой, ни раздробительной продажи крепких напитков. Таким образом, ввоз иностранных крепких напитков и свободная торговля вообще таковыми прекращены вовсе на Мурмане.)

5) Губернскому начальству предоставляется, по его усмотрению, на каждое семейство, вновь поселяющееся или уже поселившееся на Мурманском берегу, назначать ссуду от 50 до 150 руб. на первоначальное обзаведение, с рассрочкою платежа этих денег на шесть лет, под круговое ручательство общества или под обеспечение имуществом.

6) Каждое семейство, имеющее поселиться на Мурманском берегу или уже там поселившееся, но не успевшее воспользоваться безвозмездным отпуском леса из казенных дач, может получить пособие в размере, по усмотрению губернского начальства, от 100 до 200 руб., на покупку леса, необходимого для постройки жилья или судна, с тем чтобы означенное пособие, если оно не будет употреблено на предмет его назначения, было зачисляемо в ссуду и подлежало возврату в течение пяти лет, наравне с ссудами на первоначальное обзаведение, упоминаемое в ст. 5 сего положения.

7) Переселенцам на Мурманский берег производится отпуск хлеба из торговых магазинов за деньги и в ссуду на основании существующих правил.

8) Переселенцам предоставляется право заниматься промыслом пушных зверей и птиц, а также ловить рыбу в реках и озерах, находящихся близ колонии.

9) Все изъясненные в сем положении льготы, не исключая и выдачи денежных пособий, распространяются и на кочующих лопарей, которые изъявили бы желание принять оседлость на Мурманском берегу.

Дарованные льготы привлекли на Мурманский берег новых колонистов — сперва из Финляндии и Норвегии, а затем, постепенно, и русских переселенцев.

Еще в большей мере способствовало колонизации Мурманского побережья учреждение постоянного субсидируемого правительством Архангельско-Мурманского срочного пароходства, давшего возможность колонистам сбывать свой промысел и, кроме того, выписывать все необходимое из Архангельска или Вардэ.

Становище Мало-Немецкое

Финляндцы и норвежцы селились преимущественно на западном берегу, русские же — на восточном. На западном берегу русские поселения встречаются только в Печенгской губе, близ Печенгского монастыря. Колонисты западного берега приписаны к Мурманско-Колонистской, а восточного — к Кольско-Лопарской волостям. В настоящее время существуют следующие колонии по Мурманскому берегу:

Колонии на западной стороне от Кольского залива	Число постоянных жителей	Число прибывших в 1895 г. про- мышленников
Екатерининская гавань	19	—
Сайда-губа	33	—
Еретики (порт Владимир)	4	—
Ура-губа	187	—
Вичаны	4	—
Малая Лица	31	—
Большая Лица	28	—
Китовка	8	—
Кутовая	4	—
Большая Мотка	33	—

См. продолжение таблицы

Продолжение таблицы

Колонии на западной стороне от Кольского залива	Число постоянных жителей	Число прибывших в 1895 г. про- мышленников
Эйна	48	—
Цып-Наволоок	43	—
Зубовские острова	28	—
Вайда-губа	32	658
Червяная	50	—
Земляная	128	—
Малая Волоковая	16	—
Мало-Немецкая	5	—
Базарная	2	—
Гагарка	2	—
Оленья горка	23	—
Трифонов ручей	45	—
Баракино	41	—
Княжуха	106	—
Печенга	130	—
Финьманская	5	163
Ворьема	9	—
Итого	1063	821

Колонии на восточной стороне от Кольского залива	Число постоянных жителей	Число прибывших в 1895 г. про- мышленников
Восточная Лица	25	—
Харловка	2	—
Рында	20	546
Трящино	15	81
Шельпино	6	85
Гавралово	25	813
Голицыно	18	—
Териберка	42	778
Заоленье	3	—

См. продолжение таблицы

Фактории купца Савина

Продолжение таблицы

Колонии на восточной стороне от Кольского залива	Число постоянных жителей	Число прибывших в 1895 г. про- мышленников
Кильдин	12	—
Зарубиха	7	—
Тюва-губа	3	—
Итого	1973	

Берега Мурмана состоят почти сплошь из голых гранитных скал, покрытых кое-где мхом и тощей растительностью. Между этими скалами, иногда далеко в глубь материка, врезаются множество глубоких заливов, представляющих более или менее удобные стоянки для судов и убежища для промышленников. По берегам речек встречается песок, покрытый иногда слоем торфа; на таких местах есть недурные луга, доставляющие сено для скота, содержимого колонистами.

Климат Мурмана довольно умеренный, благодаря, во-первых, тому, что часть Ледовитого океана, омывающая Мурманский берег, находится под влиянием восточной ветви Гольфстрима (так называемое Нордкапское течение), и, во-вторых, тому, что Мурман защищен от континентальных ветров прибрежными горами.

Весна начинается здесь в конце марта и продолжается до половины мая; это время туманов и дождей, прилета мор-

Фактория колонистов в становище Цып-Наволоке

ских птиц и приезда рыбопромышленников. Средняя температура весны — $+2,29^{\circ}$ по Реомюру.

Лето считается с половины мая до половины июля; это царство вечного дня и усиленных трудов по рыбному промыслу. Средняя температура лета — $+8,95^{\circ}$ по Реомюру. К концу лета поспевают много грибов и ягод: морошка, моховая смородина, брусника, черника, голубика, водяница.

Осень продолжается с половины июля до половины октября, когда опять настает время туманов. Перелетные птицы и промышленники в это время собираются в обратный путь, и Мурман постепенно пустеет. Средняя температура осени — $+2,5^{\circ}$ по Реомюру.

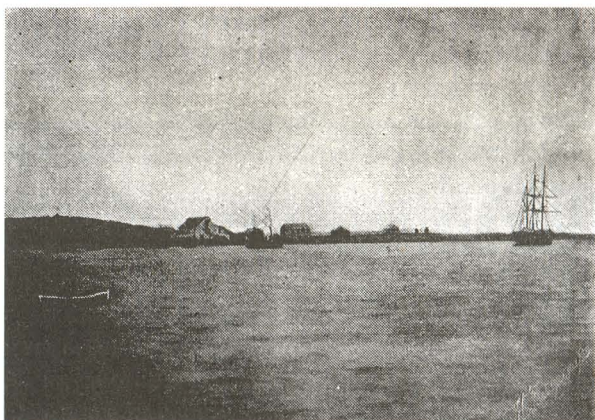
Зима продолжается с половины октября до половины марта; средняя температура зимы — $-6^{\circ}R$, морозы в $10-15^{\circ}R$ считаются на Мурмане редкостью. Снег выпадает в изобилии; особенно много его набивается в расщелины гор — до 7 и 8 аршин; в таких местах он не успевает растаять во все лето. Океан зимою никогда не замерзает, и на нем не бывает плавучих ледяных гор; замерзают только небольшие губы, а по морю плавают не особенно крепкие льдины, несколько, впрочем, не препятствующие мореплаванию. Такие льдины, скопляясь у берегов, образуют иногда целые ледяные горы, так называемые торосы.

С 13 ноября до 9 января — царство постоянной ночи, освещаемой дивными северными сияниями, которые называются здесь сполохами.

Главную основу для промышленной жизни и деятельности на Мурмане служат неисчерпаемые рыбные богатства моря у его берегов.

Первыми русскими рыбопромышленниками здесь были новгородцы, поселившиеся в Коле. О кольских промыслах стало скоро известно во всей Двинской области и постепенно на Мурман начали стекаться жители приморских поселений Мезенского, Архангельского, Онежского и Кемского уездов. На промысел отправлялись обыкновенно отдельными партиями с атаманом во главе. Эти партии, называвшиеся ватагами, располагались в каком-либо удобном для стоянки судов заливе, где промышленники устраивали так называемые становища, строили избы (станы), в которых хранили свои запасы и укрывались во время непогоды. Таких становищ насчитывается теперь около 40, в них до 1000 домов. Большею частью эти домики содержат не более 3—4 кубических сажень воздуха, причем нередко в них проживает до 20—25 человек. Помимо жилья, в станах сушится одежда, рыболовные снасти, готовится пища и т. д. При таких неблагоприятных санитарных условиях, тяжелом труде, однообразной рыбной пище, не приправленной кореньями и овощами, и суровом климате промышленников очень легко поражают различные болезни, среди которых цинга занимает первое место. В настоящее время эти страдания в значительной мере облегчаются благотворною деятельностью архангельского отдела Общества Красного Креста, который ежегодно на время промыслового периода командировывает на Мурман врача, фельдшеров и сестер милосердия и открывает там несколько врачебных пунктов, снабжая их необходимыми медикаментами и продовольственными запасами. Мурманские больницы Общества Красного Креста, спасая жизнь многих сотен людей, пользуются большим доверием промышленников.

Во всех этих становищах постоянно проживает лишь несколько местных колонистов. Большинство же пришлых промышленников населяют обыкновенно излюбленные

Становище Корабельная губа

ими места, но нередко перекочевывают из одного становища в другое, смотря по ходу рыбы — куда приплывает рыба, туда направляются и промышленники. Так, например, несколько лет назад, в становище Цып-Наволоке проживало до 1000 человек; там были выстроены церковь, больница, фактории; но год-другой не ловилась рыба поблизости, и становище опустело; церковь, больница и фактории стоят теперь заколоченными.

Из Архангельского, Онежского и Кемского уездов обыкновенно прибывает на Мурман до 3000 промышленников ежегодно; большинство из них отправляется в начале марта пешком через Кандалакшу и Раз-Наволоку в Колу, откуда пароход товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства, зимующий в Екатерининской гавани, развозит их по становищам.

Самый промысел производится на небольших судах, называемых шняками. Колонисты соединяются обыкновенно артелями по 4—5 человек и улов делят между собою поровну, отделяя известную добавочную часть «корщику», на долю которого выпадает наиболее трудов.

Между пришлыми промышленниками Онежского и Кемского уездов преобладает система покрута. Эта система состоит в том, что судовозяева нанимают на свои шняки 3—4 работников (покручников), которые за свой труд полу-

Становище Трящино

чают $\frac{1}{3}$ добычи. Судохозяин, задолго до начала промысла, зимою, условившись с покручеником, снабжает его всякими припасами, как для него самого, так и для его семьи, и всем необходимым на промысле. По окончании промысла производится расчет: из части, причитающейся на долю покрученика, удерживается стоимость забранного, причем как за товар, так и за улов хозяин, конечно, устанавливает цену по своему произволу. В конце концов, в большинстве случаев оказывается, что промышленник не только ничего не получает на руки, а остается еще в долгу у хозяина. Переходящая из года в год задолженность промышленников хозяевам служит причиной тому, что покрученики до сих пор еще удерживаются среди онежских и кемских промышленников.

Для доставления возможности промышленникам заниматься промыслом самостоятельно, по высочайшему повелению 18 марта 1886 года, было разрешено выдавать поморам ссуды на обзаведение самостоятельных артелей, в размере 430 руб. на артель, промысляющую на шняке, т. е. судне более крупных размеров, и 215 руб. на артель, промысляющую на карбасе. До 1894 года ссудами воспользовались 74 артели, из которых в настоящее время осталось только десять, остальные же распались по разным причинам. Всего выдано ссуд на 16 410 руб., и к 1 января 1895 года оста-

лось в недоимке 4022 руб. Из изложенных данных видно, что эта благотворительная, казалось бы, мера не дала желательных результатов. Невозможность пополнить своевременно ссуды и распадение артелей объясняются тем, что размер выдаваемых ссуд недостаточен для обзаведения промысловым судном, снастями и для обеспечения промышленников и их семейств до получения выручки от промысла. На это понадобилось бы по меньшей мере до 800 руб., а потому, в надежде на удачу, артельщики, взяв ссуду, в то же время занимают недостающую сумму в частных руках, притом, конечно, на самых тяжелых условиях, и, не будучи в состоянии рассчитываться своевременно с кредиторами, лишаются судна, снастей и проч. Несмотря, однако, на указанные неблагоприятные условия, некоторые артели держатся до сих пор, рассчитались с долгами, и некоторые участники артели, после распада последних сделали самостоятельными хозяевами. Впрочем, «покрут» и сам по себе с каждым годом слабеет, так как с учреждением правильного пароходства и с развитием экономической жизни на Мурмане промышленники получили возможность приобретать, хотя бы в долг, суда, снасти, продовольственные припасы и проч. на месте и добычу продавать тотчас после улова там же торговцам, которые устроили на Мурмане склады, лавки и присылают на Мурман суда для на грузки и посолки рыбы, скупаемой непосредственно у промышленников по возвращении их с моря.

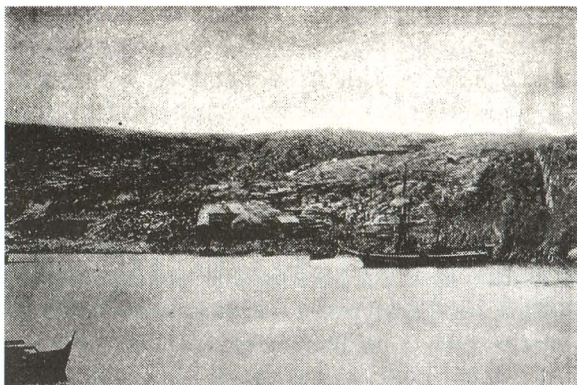
Мы уже не раз говорили, что условия промысла на Мурмане требуют быстрых сношений между отдельными становищами и между рынками сбыта, а потому отсутствие телеграфа было одною из главных причин, тормозивших развитие промысла.

Кроме того, огромный вред делу наносило ненормальное положение соляной торговли на Мурмане. Продажа соли находилась в руках немногих торговцев, которые, пользуясь отсутствием конкуренции, поднимали непомерно высокие цены на соль, иногда до 40—60 коп. за пуд и даже выше, тогда как в то же время цены на рыбу вовсе не соответствовали цене соли. Вследствие такой дороговизны и недостатка соли рыба засаливалась плохо, товар обесценивался. В видах

удешевления соли и чтобы удержать цену ее от произвольных колебаний, вредно отзывающихся на рыбной промышленности, ныне, с разрешения министра внутренних дел и согласно высочайше утвержденному в 1893 года мнению Государственного совета, устраивается на Мурмане несколько казенных соляных складов. Как только было приступлено к постройке соляного склада в становище Териберке, наиболее центральном и наиболее посещаемом промышленниками рыболовном пункте, и было сделано распоряжение немедленно отправить на Мурман, в случае надобности, необходимое количество соли, она тотчас же упала в цене и держалась в течение всего лета в одной и той же норме, около 20 коп. за пуд. Таким образом, благотворное влияние предположенного к устройству казенного склада соли уже сказалось, и цель его устройства вполне достигнута.

Главный предмет промысла на Мурмане составляет треска. Кроме трески, ловится, в сравнительно меньшем количестве, палтус, пикшуй, сайда, зубатка, камбала, морской окунь и морской налим. Все эти рыбы приближаются весною к берегам для метания икры. Опытом дознано, что треска идет к нам с теплым течением Гольфстрима от Норвегии, а потому первые уловы трески бывают всегда на западной стороне, а затем уже промысел переходит на восточную сторону Мурмана. Течение Гольфстрима не всякий год одинаково: в иной год оно подходит ближе к нашим берегам, в другой — дальше. В промысловом отношении это имеет большое значение, так как чем ближе оно подходит к берегу, тем легче промыслить, а так как течение ежегодно меняется, то в одном году приходится выезжать для лова далее в море, другой раз ближе. Обыкновенно улов трески производится на расстоянии 10—30 верст от берега и на глубине 120—160 сажен.

Промышленники-одиночки ловят треску на удочку, состоящую из бечевы в 180 саженей, на конце которой прикрепляется крючок с приманкою; удочка опускается с грузилом на морское дно, и ее нужно постоянно подергивать. Удебный способ требует постоянно большой мышечной работы; между тем, добываемая им рыба — небольших размеров.

Становище Шельпино

Поморы не любят ловить рыбу удочкою, а ловят ее ярусом. Ярус бывает длиною в несколько верст и состоит из веревки толщиною в мизинец, к которой прикреплены тонкие бечевки длиною $1\frac{1}{2}$ —2 аршина на расстоянии одной сажени друг от друга; к свободному концу этих бечевок прикреплены крючки, наживляемые мелкою рыбою — мойвою или песчанкою, а когда не бывает ни той, ни другой — морскими червями и внутренностями ракушек. Длина большого яруса достигает 4000 сажен; к нему прикреплено обыкновенно до 5000 крючков. Ярус опускается на морское дно и лежит в воде около шести часов, после чего его постепенно вытаскивают и снимают с крючков попавшуюся рыбу. Крючков на Мурмане расходуется ежегодно свыше 1 200 000 штук. При сравнении лова ярусом и удочкою оказывается, что первый имеет много преимуществ, но зато и стоит дороже; поэтому не всякий промышленник в состоянии обзавестись ярусом.

Огромное значение в промысле имеет наживка, для которой, как выше сказано, употребляют небольших рыбок — мойву, песчанку и галию или, наконец, песчаного морского червя и содержимое морских ракушек. Лучшее всего треска идет на мойву. Мойва водится в Ледовитом океане; она приближается ежегодно большими стадами к берегам для метания икры и, вместе с тем, спасая себя от прожорливой трески; присутствие мойвы можно узнать по чайкам, кото-

рыя ею питаются. Иногда масса движущейся по воде мойвы бывает так густа, что чайки свободно ходят по ней, а на лодки нет никакой возможности пробраться через нее. По виду мойва похожа на корюшку и очень жирна; она появляется около половины марта, а после 1 июня обыкновенно уходит далеко в море.

Цены на треску за последнее десятилетие колебались на Мурмане от 40 коп. до 1 руб., пикшуя — 10—40 коп., зубатки — 15—35 коп., сайды — 10—30 коп., палтусины — 1 р.—1 руб. 80 коп., тресковой печени — 60 коп.—1 руб. 20 коп., акульей, пикшуевой и сайдовой печени — 40—70 коп. за пуд. Из 100 пудов трески получается обыкновенно около 10 пуд. печени — по местному выражению, максы, или воюксы; а из 10 пуд. воюксы — 5 пуд. жира.

Промысел оканчивается обыкновенно около 15 августа; тогда промышленники спешат — одни в Архангельск на Маргаритинскую ярмарку для распродажи своего товара, а другие — по домам. Прежде чем отправляться домой, шняки вынимаются из воды и осмаливаются, а станы и разное имущество сдаются на хранение местным колонистам и лопарям за условленную плату, и Мурман пустеет до следующего года.

Результаты Мурманского промысла за 1894—1895 годов выразились в следующих цифрах:

Промысел	Число судов	Число промышленников			Добыто		
		Хозя-ев	Покру-ченников	Всего	Пудов		На сум-му
					рыбы	жира	
В 1984 г.							
Местных Мурманских колонистов	278	304	808	1112	149 749	13 613	73 513
Прибывших поморов	719	511	2365	2876	564 147	52 377	277 439
Всего	997	815	3173	3988	713 896	65890	350 952
В 1895 г.							
Местных колонистов	263	126	1013	1129	216 104	15 114	89 430
Прибывших промышленников	700	642	1993	2635	783 221	24 726	426 985
Всего	963	768	3006	3774	999 325	39 840	516415

Из общего количества добытой рыбы отправлено в Санкт-Петербург 323 179 пудов, в Норвегию жира

10 000 пудов, а остальное количество отвезено в Архангельск на Маргаритинскую ярмарку.

Для содействия мурманским промыслам и для наблюдения за порядком во время производства их с 1885 года в распоряжении кольского исправника имеется особый пароход «Мурман». На этом пароходе лежит довольно много обязанностей: ограждать наших промышленников от иностранцев, сообщать своевременно промышленникам о ходе рыбы и наживки, доставлять больных в приемные покои Общества Красного Креста, давать возможность всем служащим и санитарному отряду переезжать из становища в становище для исполнения служебных обязанностей, преследовать продажу крепких напитков, оказывать по возможности помощь всем судам, которые подвергаются авариям, перевозить преступников и, наконец, исполнять все поручения и распоряжения архангельского губернатора. В 1896 году пароход «Мурман» был в плавании с 17 марта по 21 октября, в течение 219 дней. Пароход этот, несомненно, приносит громадную услугу делу; к сожалению, он слишком мал, так что может принять на себя очень небольшое число посторонних пассажиров, а в бурную погоду переезды по открытому океану бывают ему иногда и не под силу.

Помимо парохода «Мурман», для охраны наших северных промыслов от вторжения иностранных промышленников в последние три года посылается особый военный крейсер — что положило конец наездам иностранцев, нарушавших в течение многих лет интересы приморского населения. Пребывание крейсера в Ледовитом океане приносит еще и ту несомненную пользу, что в свободное время офицеры крейсера делают съемки берегов, промеры и иные гидрографические наблюдения, которые послужат важным пособием для плавания в наших северных, так мало еще исследованных, водах.

Нет сомнения, что с колонизациею Мурманского берега, устройством здесь телеграфа, развитием пароходства и экономической жизни улов рыбы может быть увеличен в значительной мере; но, помимо рыбного, тогда могут получить развитие и другие промыслы, которые ныне находятся в полном застое. Так, например, морской звериный промы-

сел на Мурмане мог бы давать значительные выгоды; между прочим, охоту за гренландскими тюленями у Святого Носа, от горла Белого моря, следовало бы начинать с марта месяца; но в это время архангельские промышленники по случаю льдов не могут выйти из Белого моря, тогда как из незамерзающих мурманских вод это было бы вполне возможно.

Судя по развитию китобойного промысла в Норвегии, надо полагать, что и у нас на Мурмане этот промысел должен иметь успех, если только взяться за него с толком; китов в наших водах много, и в настоящее время их никто не пугает. Лет десять назад в порте Владими́ре был уже устроен завод китоловной компание́ю и вслед за сим другой завод, князем Шереметевым, в Ара-губе. Эти заводы убили 300 китов, причем нужно иметь в виду, что Арский завод работал только две навигации; к сожалению, по недостатку капиталов, а главное, по неумелости распорядителей, заводы вскоре прекратили свою деятельность.

Акулий промысел также мог бы давать известные выгоды; в настоящее же время акула попадает лишь случайно, запутываясь в ярусы. С виду акула похожа на осетра, мясо ее белое и не имеет запаха жира, но промышленники его не едят, потому что большинство составило себе убеждение, будто акула питается главным образом человеческим мясом. Из нее вынимается только печень, из которой вытапливается рыбий жир. Акула — враг рыбопромышленников, потому что она часто пожирает рыбу на ярусе. Кольский залив, в особенности зимою, кишит акулами; кольские жители ловят их в это время на крючки и добывают из акульей печени до 2000 пудов жира.

Кроме акул, рыбопромышленникам наносят большой вред и морские звери: тюлени, нерпы и проч., которых промышленники зовут общим именем «коша». Как только является «коша», промыслы прекращаются на некоторое время, потому что звери эти разгоняют рыбу и пожирают попавшуюся на ярус. С тех пор как иностранным промышленникам закрыт доступ в наши воды, тюлени размножились в огромном количестве; бесчисленные стада их выходят весною из Белого моря и плавают у Мурманских берегов, истребляя во множестве рыбу и мешая рыбным промыслам.

Сельдь также в громадных количествах приплывает в заливы Мурманского берега, но сельдяным промыслом пока никто не занимается на Мурмане.

II

Открытие телеграфного сообщения между Колою и Екатерининскою гаванью. — Исследования местности между Колою и Екатерининскою гаванью. — Приискание места для будущего порта и административного центра на Мурмане. — Неудобства г. Колы. — Екатерининская гавань.

К нашему приезду в Колу была начата установка столбов для телеграфной линии от Колы по направлению к Екатерининской гавани, и на месте, где был поставлен первый столб, при стечении всех наличных жителей города, было отслужено благодарственное Господу Богу молебствие.

В течение нескольких дней нашего пребывания в Екатерининской гавани телеграфная линия была уже устроена на пространстве нескольких верст, причем с места работ установлено телефонное сообщение с Колою, для того чтобы производитель работ имел возможность во всякое время сноситься с местными властями и, в случае надобности, обращаться к их содействию, не посылая всякий раз нарочных.

Так как на Мурманском берегу леса вовсе нет, а доставка его из лесных дач Кольского полуострова могла бы замедлиться и обошлась бы сравнительно дорого, то все телеграфные столбы, потребовавшиеся для мурманской береговой линии, в количестве 7200 штук доставлялись из Архангельска на пароходах; во избежание же излишних расходов и замедлений по развозке столбов сухим путем, они подвозились на означенных пароходах, при участии административного парохода «Мурман», ко всем тем пунктам, где телеграф подходит к берегу моря и где оказалась возможною выгрузка, причем как самые столбы, так проволока и прочие телеграфные принадлежности сдавались на хранение местным сельским властям или благонадежным колонистам. Благодаря указанным мерам и в особенности распорядительно-

Охотничья команда Архангелогородского резервного батальона в Екатерининской гавани

сти командированного в Архангельск главным управлением почты и телеграфов инспектора Н. Н. Кормилева и усердию телеграфных инженеров Новицкого, Менделеева и Симановича, вся Мурманская телеграфная линия, от границы Норвегии на Печенгский монастырь, Рыбачий полуостров, Екатерининскую гавань, Колу до Кеми, на протяжении около 1000 верст, была окончена в 1896 году и в октябре того же года открыты уже телеграфные станции с приемом депеш в Печенгском монастыре, Вайда-губе, Екатерининской гавани, Коле, Керети и Ковде.

Отдохнув и переночевав в г. Коле, я посетил на другой день все немногочисленные правительственные и общественные учреждения, и затем мы двинулись в дальнейший путь.

Интересуясь вопросом, что представляет собою местность между Колою и Екатерининскою гаванью и насколько она проходима сухим путем, я решил пройти это расстояние, приблизительно в 50—60 верст, пешком; с этою целью я отправил всю охотничью команду с подполковником Чарковским по нагорной стороне, по прямому направлению к гавани, а сам с остальными спутниками отправился вдоль берега Кольского залива. Путь до Екатерининской

гавани охотничья команда прошла в 36 часов, не встретив никаких особых препятствий. Вся эта местность представляет волнистую, иногда довольно возвышенную каменистую поверхность, покрытую кривою, чахлою березою и вообще тощею растительностью; по всему пути нет никаких тропинок, в долинах — между горами — встречаются тундристые болота и множество мелких озер. В общем, этот переход с горы на гору, по вязкой тундре, при необходимости разыскивать более удобные обходы гор, болот и озер, устраивать мостки через встречавшиеся ручьи, при отсутствии каких бы то ни было приспособлений для перехода, оказался, конечно, несколько утомительным; но каких-либо особых затруднений он не представлял, и устройство здесь пешеходной летней дороги и зимнего сообщения на оленях, при сравнительно небольших затратах, является делом вполне возможным. По дороге попадалась бездна белых куропаток и несколько лисиц. Между прочим охотники видели двух бурых медведей, которые стали так быстро от них улепетывать, что настигнуть их не удалось, пущенные же в них несколько выстрелов только придали им больше энергии убратся как можно дальше.

Наконец, 21 июня мы все собрались в Екатерининской гавани. Ввиду того что нам предстояло провести здесь несколько дней, каждый из нас старался устроиться возможно удобнее — кто на пароходе «Мурман», кто в существующих в гавани домах.

Тут открылись новые таланты повара Павла. Его кулинарное искусство более не требовалось, так как на пароходе был свой повар — на языке моряков «кок», а также достаточный запас провизии. Но беспокойная натура Павла искала дела. Оказалось, что он страстный любитель делать чучела птиц, внимательно изучил их особенности и придает своим чучелам вполне правильные, характерные позы. Как охотник и любитель собирать предметы лесной фауны, я тотчас же воспользовался его талантом и засадил за работу. Ежедневно из его искусных рук выходило по нескольку чучел различных морских птиц, которых доставляли ему наши охотники. Бывало, завидит он где-нибудь птицу, тюленя или морскую свинку, которых еще нет в его коллекции, и тот-

Абрамова пахта в Кольском заливе

час подымет всех на ноги: подай ему их во что бы то ни стало. Больше всего доставалось подполковнику Чарковскому, которого Павел будил иногда ночью, докладывая, что он заприметил какую-нибудь птицу. Добрейший Николай Иванович всегда в этих случаях вставал и прилагал все старания исполнить просимое.

Помнится, как ни старались наши охотники достать Павлу большого баклана, но никак не удавалось — птица очень осторожная; а Павел все ноет — достань и достань баклана. Тогда я обратился к старшему унтер-офицеру охотничьей команды: «Мелихов, возьми шлюпку, мое ружье и несколько человек, и чтоб к завтраму был ему баклан». — «Слушаю-с, ваше превосходительство!» — был короткий ответ. Всю ночь пропадали солдатики — вероятно, пустили в ход все хитрости, но к утру баклан был уже в руках счастливца Павла.

В конце концов, возвращаясь в Архангельск, мы везли с собою целый музей чучел птиц, камней, раковин, крабов, кораллов, морской травы и иных диковин морского царства.

Во время пребывания в Екатерининской гавани я занялся давно интересовавшим меня вопросом — приисканием наиболее соответственного места для устройства будущего порта и административного центра на Мурмане.

Мысль об устройстве такого центра поблизости к открытому океану принадлежит министру финансов С. Ю. Витте.

Посетив в 1894 году Мурманский берег и убедившись в политическом и коммерческом значении Мурмана, С. Ю. Витте нашел, что в настоящее время, с развитием экономической и торгово-промышленной деятельности на Мурмане, с устройством телеграфа и с развитием пароходных сообщений, представляется настоятельно необходимым в ближайшем будущем разрешить вопрос об устройстве постоянного порта на Мурманском берегу, близ океана. Город Кола — как порт и как центр экономической и административной жизни Мурманского побережья — неудобен. Кольский залив вдается далеко в глубь материка, на 70 верст от открытого океана; здесь, при слиянии рек Колы и Туломы, как бы притаилась Кола, вдали от всей промышленной жизни Мурмана. В древние времена, при тогдашних условиях жизни, когда приходилось укрываться от всяких врагов, когда вдоль Мурманского берега сновали еще морские разбойники, тогда, быть может, существование такого укромного уголка, обнесенного стеною с башнями и бойницами и защищенного со всех сторон естественными преградами в виде гор, отмелей и болот, имело известный смысл; но в настоящее время, когда условия экономической жизни на Севере изменились, а промышленная деятельность сосредоточилась по берегам океана, значение Колы совершенно утратилось. Не только удаленность Колы от океана и от пути торгового движения, но и другие природные неудобства в значительной мере умаляют ее значение как порта. Так, например, морские суда не могут близко подходить к городу; пароходы товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства останавливаются в трех верстах от города, и даже такой небольшой пароход, как «Мурман», и тот не может подойти к Коле ближе версты. Кроме того, при отливе берег обсыхает на далекое пространство, так что отмели, камни и быстрота течения, на котором судно не всегда может удержаться даже на якоре, мешают подойти ближе. Парусное судно без попутного ветра не может ни войти в Кольский залив с моря, ни выйти из него в море, так как на сравнительно узком пространстве залива оно не может лавировать. Наконец, зимою залив замерзает на протяжении 25 верст от Колы.

Екатерининская гавань (вид с материка)

Насколько все эти неудобства влияют на экономическое положение Колы, свидетельствует то, что, несмотря на развитие мурманских промыслов, несмотря на то, что Кола в течение многих веков была средоточием торговли и административным центром края, развитие города не подвигается вперед ни на шаг. Напротив, в последнее время даже исконные жители города, кольские мещане, начинают записываться в колонисты и мало-помалу переселяются на Мурманский берег, где уже начинают зарождаться в разных местах довольно бойкие торговые пункты, а Кола с каждым годом все больше и больше пустеет.

Лучшею гаванью на Мурмане, по большинству отзывов, признается Екатерининская гавань близ Кольского залива. Она находится в 15 верстах от открытого океана и от пути следования судов, плавающих вдоль Мурманского берега и идущих из Архангельска в С.-Петербург и за границу. Гавань расположена почти на середине между крайними восточными и западными становищами и промысловыми пунктами Мурманского побережья, непосредственно у материка, и заслонена от моря высоким Екатерининским островом, имеющим в длину с лишком две версты.

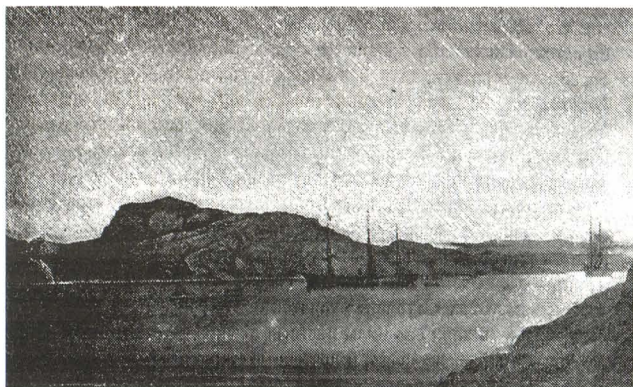
Гавань почти никогда не замерзает, а если в иные годы и покрывается льдом в конце февраля и начале марта, то этот

лед настолько рыхл, что не представляет серьезных препятствий для судоходства в течение круглого года; стоит только небольшому пароходу пройти в то время, когда гавань покроется первым льдом, и разбить лед, как его тотчас же вынесет приливным или отливным течением, которое достигает в гавани и вообще в Кольском заливе 10—12 футов. Так, например, в 1895 году гавань покрылась льдом в начале марта, но зимовавшие в гавани пароходы товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства и административный пароход «Мурман» без всяких затруднений вышли из гавани 20 марта и начали плавание. Гавань имеет в длину 1000 сажень, т. е. две версты, в ширину от 150 до 200 сажень, глубина ее от 10 до 25 сажень, так что в ней могут стоять, чуть не вплотную к берегу, самые большие, глубоководные суда.

Какие бы бури ни свирепствовали на море и в Кольском заливе, в гавани всегда спокойно, как на озере, так как она закрыта отвесными скалами почти от всех ветров. С юго-западной стороны в гавань впадает ручей с превосходною пресною водою; этот ручей не замерзает зимою и питается из нескольких вышележащих на материке озер, из которых первое находится на высоте 95 футов, а другое — на высоте 137 футов над уровнем моря.

Центральное положение Екатерининской гавани между населенными и промышленными пунктами на Мурманском берегу, близость ее к открытому океану и главному северному пути в Архангельск, полная безопасность для стоянки и зимовки судов, незамерзаемость, возможность плавания в течение круглого года, обилие хорошей пресной воды, — все эти несомненные достоинства и преимущества Екатерининской гавани пред другими заливами на Мурмане приводят к мысли о пригодности ее для устройства при ней порта и административного центра для Мурманского полуострова.

Единственный недостаток Екатерининской гавани, в особенности для устройства при ней поселения, представляет то обстоятельство, что непосредственно у гавани вовсе нет места для построек, берега круты, почти отвесны, имеется только небольшая площадка на восточной сторо-

Екатерининская гавань (вид с острова)

не, на которой в настоящее время расположены здания для команды, мастерских и складов административного парохода и для команды зимующего в гавани парохода товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства. Эта площадка так мала, что когда потребовалось построить склад угля для приходящих ежегодно в Северный океан крейсеров, то с трудом было приискано место, причем лишь часть склада могла быть устроена на берегу, а другая поставлена над водою на сваях.

Впрочем, на южной стороне гавани, вдоль отлогого берегового уступа, могут быть устроены довольно обширные пристани на сваях, укрепленных одною стороною в берег. Таким способом строится большинство пристаней и складов как в норвежских портовых городах, так и в наших колониях и становищах. Затем, на западной стороне гавани, при впадении в нее небольшого ручья, есть ущелье, которое может быть приспособлено для дока. Вот и все прибрежные места, которые могли бы быть утилизированы при устройстве в гавани порта.

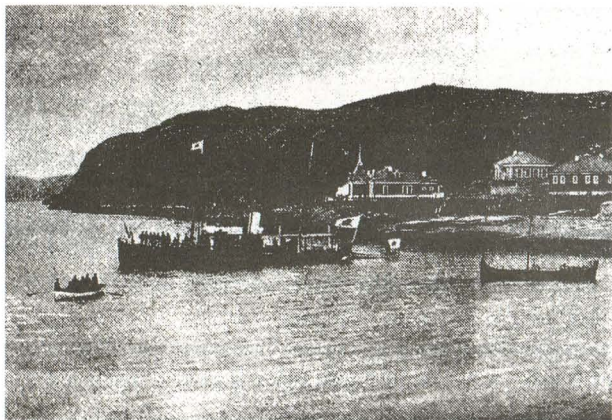
Отсутствие мест для необходимых сооружений при устройстве порта очень озабочивало меня, а потому я сам обошел все окрестности гавани и разослал по всем направлениям своих спутников. Охотничья команда, подполковник Чарковский, командир парохода «Мурман» капитан 2-го ранга А. Е. Таратин, прибывший с нами из Колы местный

лесничий Аувикайно, кстати оказавшийся и землемером, и почтенный старик — кольский исправник В. И. Смирнов должны были излазить все окрестные горы и долины. То, чего искали, оказалось близко под рукою. В недалеком расстоянии от гавани, с юго-западной стороны, приблизительно в 160—200 саженьях от нее, за невысоким сравнительно горным кряжем, А. Е. Таратин указал на обширную долину, защищенную со всех сторон горами. По долине протекает ручей с хорошею, чистою пресною водою; этот ручей выходит из близлежащего озера, которое отделяется от долины естественною каменною плотиною и, пройдя долину, а затем по узкому горному ущелью, впадает к юго-востоку, не далее как в двух верстах, в небольшую гавань Кольского залива под названием «Кислая губа». Между долиною и этою губою, которая сама по себе представляет хорошую защищенную стоянку для мелких судов, может быть устроено сообщение.

От Екатерининской гавани к долине есть между горами проход, по которому при небольших сравнительно работах можно проложить от самой пристани довольно ровную дорогу.

В настоящее время долина представляет покрытую мхом и ягодниками площадь с каменистою подпочвою, которую можно будет легко осушить, если расчистить протекающий ручей и провести к нему несколько поперечных канав. На этой площадке можно расположить довольно значительное поселение, которое будет снабжено отличною пресною водою, защищено со всех сторон от ветра и, кроме того, будет иметь довольно хорошее и близкое сообщение: с одной стороны с Екатерининскою гаванью, а с другой — с Кольским заливом⁵.

⁵ 8 апреля 1896 года высочайше утверждено положение Государственного совета об устройстве на Мурманском берегу в Екатерининской гавани коммерческого порта и городского при нем поселения, причем на расходы по этому предмету в 1896 году ассигновано 160 000 руб. К работам приступлено в июне того же 1896 года. К осени работы находились в следующем положении: 1) вся местность, окружающая Екатери-

Екатерининская гавань. Пароход «Мурман»

Обойдя вдоль и поперек всю окружающую местность и убедившись, что на случай устройства порта при Екатерининской гавани означенная площадь представит собою единственное удобное место для возведения необходимых сооружений для порта и для частных построек, я поручил лесничему Аувикайно снять ее на план, а фотографу Лейцингеру — сделать с той же долины фотографический снимок.

Три дня г-н Аувикайно под постоянным дождем измерял и наносил на план всю местность между частью Екатери-

нинскую гавань, была снята на план землемером Вяхиревым, с обозначением на плане проектированной пристани, расположения городского поселения и высот; 2) произведены нивелировка местности и исследование подпочвы буровыми скважинами; благодаря этим исследованиям определены места для казенных и общественных зданий, причем для осушки местности проведены каналы и расчищен ручей; 3) подготовлено, при помощи динамита, место для набережной и для дорог от пристани к городу и устроена часть набережной; 4) для подвоза строительных материалов устроена от пристани к месту работ узкоколейная железная дорога системы Деконвиля на протяжении около 500 саженьей; 5) построены один дом в 5 комнат, крытый железом, один дом в 4 комнаты, мастерская для столярных работ, кузница и два амбара.

Вид долины, прилегающей к Екатерининской гавани

нинской гавани и Кислою губою Кольского залива, перенося при помощи солдата охотничьей команды свои инструменты с одной возвышенности на другую.

Благодаря его работам, а также работам начальника беломорской съемки лейтенанта Жданко и капитана парохода «Мурман» А. Е. Таратина, был впоследствии составлен подробный план Екатерининской гавани и окрестностей, с обозначением глубины гавани и соседних бухт, высоты соседних озер, их глубины и т. д.

III

Залив Ура. — Порт Владимир. — Колония Ура. — Мотовский залив. — Колония Китовка. — Гавань Озерко. — Тупики. — Ловля трески поддевом. — Остров Кильдин. — Климатические условия Мурмана. — Териберка и Гаврилово. — Подъем духа на Мурмане. — Значение порта на Мурмане. — Возвращение в Архангельск.

В то время, когда производились означенные работы в окрестностях гавани, мы сделали несколько экскурсий на пароходе «Мурман» в Мотовский залив, в порт Владимир, в Ура-губу, к Арским островам, в колонию Китовку, в гавань Озерко, потом к острову Кильдину и к некоторым промысловым становищам.

Чтобы попасть из Екатерининской гавани в порт Владимир, мы должны были выехать из Кольского залива в океан. На море было свежо, дул крепкий ветер, брызги неслись на

пароход, целые потоки воды катились по палубе — но наш маленький «Мурман», под управлением опытного и внимательного капитана Таратина, в подробности изучившего плавание в северных морях, бойко понесся по высоким волнам океана, точно ныряя между ними. Повернув по выходе из Кольского залива на запад и обогнув Погань-Наволоок (мыс), мы вошли в Ура-губу.

Залив Ура врезается глубоко, верст на двадцать, в материк. Посреди этого залива на 10 верст тянется узкою половою остров Шалим, разделяющий, таким образом, Ура-губу на два залива, из которых один называется Большая Ура-губа, а другой — Малая Ура-губа.

У самого устья Малой Ура-губы в остров Шалим вдается довольно обширная бухта Еретики, названная, в память посещения ее Его Императорским Высочеством великим князем Владимиром Александровичем, портом Владимиром.

Порт Владимир представляет хорошую, спокойную гавань для стоянки судов; но, к сожалению, гавань эта расположена на острове, а не у материка. Сама по себе гавань защищена со всех сторон, но вход в гавань из Ура-губы во время сильных северных ветров опасен, так как узкий проход в Ура-губу с севера, т.е. со стороны океана, не защищен.

По берегам гавани встречаются довольно удобные места для построек. Несколько лет тому назад, когда здесь действовал китобойный завод общества «Рыбак», местность была очень оживленная, но с закрытием завода все кругом мало-помалу опустело. Стоящий и поныне на северном берегу гавани завод со всеми его приспособлениями и машинами, заколоченная церковь и покосившиеся от времени кресты на могилах — все это производит грустное впечатление. Единственное здание, в котором заметна еще некоторая жизнь, — фактория (склад товаров) Воронина на южном берегу. Когда мы были в гавани, здесь стояло небольшое двухмачтовое парусное судно и нагружало треску. Уйдем мы, уйдет это судно, и единственными обитателями гавани останутся сторож китобойного завода и сторожиха Воронинской фактории. Из порта Владимир мы отправились далее по Ура-губе, к финляндской колонии Ура, расположенной в самом конце залива. С обеих сторон надвигались мрач-

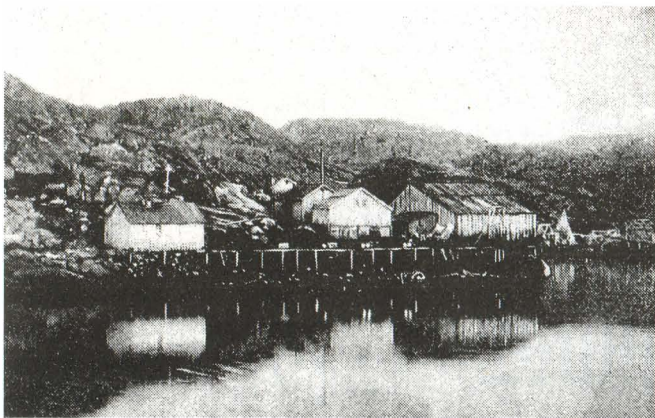

Порт Владимир (бухта Еретики) в Ура-губе

ные скалы, а на уступах сидели неподвижно такие же мрачные бакланы. До самой колонии мы не встретили ни одной долины, ни одного удобного местечка, где бы можно было пристать. Притом глубина залива достигает местами 100—160 сажен, так что на якорь можно стать, только подъехав к самой колонии.

Колония Ура тянется вдоль речки того же названия и заселена исключительно финляндцами, в числе около 200 человек. Проплыв версты три на шлюпке, между рядами камней, мы высадились в колонии и были поражены отсутствием обитателей. Входим в один дом — ни души; подходим к другому двухэтажному, опрятному зданию — дверь замкнута; заглянули в окно — все прибрано, все в порядке: приличная мебель, лампы, коврики, картины, занавески у окон, — но людей нет. На дверях этого дома, между прочим, красуется медная дощечка с именем хозяина дома; для чего она здесь — неизвестно; надо полагать, что и без нее всякий в колонии прекрасно знает владельца каждого дома. Наконец, в следующих домах мы нашли нескольких женщин и детей. Оказалось, что все мужчины до единого на промысле, да и большинство женщин ушли за ягодами, за травой и т. п. предметами домашнего обихода.

Во всех этих домах нас особенно поразили опрятность и порядок, как внутри домов, так и снаружи. В самой бед-

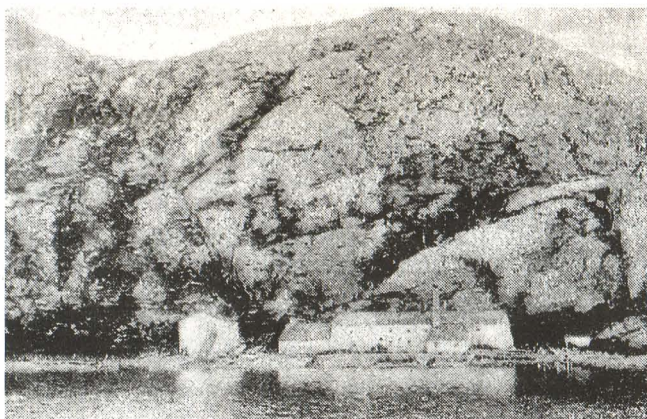

Становище Еретики. Китобойный завод

ной хижине стены, полы, посуда, мебель носили следы самой заботливой чистоты, полы были устланы папоротником, на стенах развешаны картинки, на окнах занавески; женщины были одеты опрятно, также и дети, которые не смотрели, как обыкновенно в деревнях, неумытыми, нечесаными замухрыжками. В каждом доме мы находили шкаф с книгами и даже газеты; детей обучают грамоте сами родители.

В каждом дворе есть несколько коров. Крошечные хлевы, в которые приходилось входить согнувшись, содержатся в безукоризненном порядке и ежедневно по нескольку раз вычищаются. При каждом доме есть молочная, где уже чистота доведена до педантизма. Такой же порядок был и снаружи: нигде ни сора, ни грязи, все прибрано, заготовленные дрова сложены в правильные штабеля, на раскинутых кругом лугах, которые тщательно обрабатываются и удобряются, не заметно ни соринки, каждый камешек прибран, а трава, несмотря на суровость климата, весьма удовлетворительна и, по-видимому, дает возможность колонистам прокормить довольно значительное количество скота.

Ни одна из женщин не говорила по-русски, но, благодаря тому, что с нами был чиновник особых поручений О. С. Янушковский, говорящий по-фински, мы могли поговорить с ними о их жизни. На вопрос, почему они не выучатся русскому языку, знать который им, как русским подданным, необходимо,

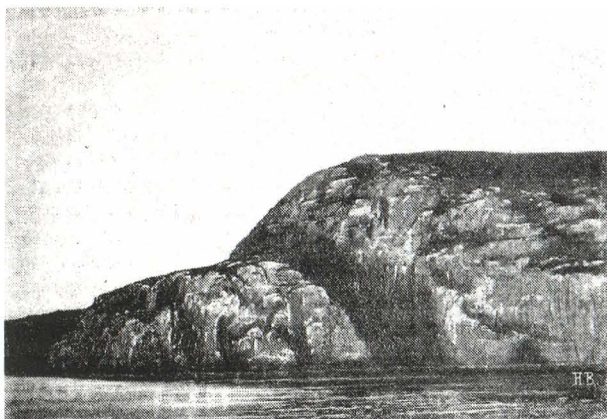
Китобойный завод в Ара-губе

не считая уже того, что при сношениях с русскими властями и торговцами знание русского языка было бы для них и бесполезно, — они отвечали: «Устройте нам русскую школу, мы охотно будем учиться по-русски, пошлем в школу наших детей; теперь мы учим сами и, конечно, только тому, что сами знаем, — ведь на всем Мурмане нет ни одной школы».

Некоторые колонисты занимаются судостроением. Между прочим мы видели на берегу не спущенный еще на воду, не вполне отстроенный листербот довольно больших размеров. Это — палубное судно, по образцу норвежских судов, выстроенное прочно, со знанием кораблестроительного дела. Нам передали, что хозяин его продал недавно такое же судно, построенное и снаряженное им здесь, в Норвегии за 4000 руб., и что это судно строится им по заказу одного из русских промышленников.

На берегу, возле колонии, мы нашли аккуратно сложенными в штабели 600 телеграфных столбов, привезенных из Архангельска, а в кладовой одного из колонистов — проволоку и другие телеграфные принадлежности. Жители колонии с большим сочувствием отнеслись к постройке телеграфа и обещали оказывать всякое содействие при изысканиях и по развозке материалов по линии.

Из Ура-губы мы направились далее в Мотовский залив. Подходя к Арскому острову, вблизи Ара-губы, мы обра-

Арский остров. Птичий базар

тили внимание на морских птиц величиною с голубя, во множестве плававших в море. При приближении парохода птицы стремглав, как брызги, бросались от него по сторонам, не то бегом, не то вплавь, шлепая крыльями по воде. Оказалось, что это тупики, или так называемые мурманские попугаи; все брюшко у них снежно-белое, пушистое, на шее черный галстук, щеки серые, вокруг глаз красный ободок, ножки красные, спина и крылья черные, большой тупой клюв с красными яркими полосками, а вокруг клюва желтый, довольно толстый нарост; несоразмерно большой красный клюв имеет вид приставного носа. Мне хотелось добыть несколько экземпляров таких птиц. Для этого нужно было пристать к острову, где они, по-видимому, гнездились в расщелинах отвесных утесов. Но не так-то легко было подойти к нему: остров представлял собою одиноко стоящую в море скалу, море было беспокойно, а укрыться где-нибудь за узким островом не было возможности, потому что ветер дул вдоль него.

Подходя к острову, мы проверили лотом глубину и бросили якорь на 18 саж. Была спущена шлюпка, и мы отправились на охоту за этою интересною птичкою. Однако прибой волн к гранитным скалам острова был так силен, что нам с большим трудом удалось выпрыгнуть из лодки и вскарабкаться по уступам чуть ли не отвесной скалы.

Наверху остров представляет волнистую поверхность, в трещинах и расщелинах покрытую мхом и морошкой. Тупики, оказывается, большие любители этой ягоды; они в большом количестве водятся также на Айновских островах, у входа в Печенгскую губу. Эти острова принадлежат Печенгскому монастырю и сплошь покрыты морошкой, которою издавна беспрепятственно и мирно лакомились тупики. Но несколько лет тому назад наших попугайчиков сильно пощипали какие-то промышленники: их пушистые шкурки потребовались за границу, и много тысяч тупиков заплатились жизнью для каких-то модных дамских нарядов.

На острове мы нашли несколько гагачьих гнезд, откуда повыбрали весь пух. Но тупиков было нелегко добыть: они сидели по уступам на отвесных скалах, обращенных к морю, подобраться к ним было довольно трудно, а убитые и подстреленные падали в море или на уступы скал, на которые не было никакой возможности спуститься. Однако ловкие матросы с «Мурмана», оставленные нами в шлюпке, подобрали их в море, вскарабкались на скалы и достали почти всех, так что целый десяток тупиков и несколько других птиц пополнили нашу коллекцию птичьих чучел.

В то время как мы совершали экскурсию по острову, остававшиеся на пароходе матросы занялись ловлею трески по способу так называемого поддёва. Этот способ лова заключается в следующем: на конце бечевки, длиною смотря по глубине места, где ловят, в данном случае около 20 сажен, прикрепляется крючок и грузило для того, чтобы крючок опустился до дна; к крючку привязывается белая узкая лента, обыкновенно вырезанная из кишок той же трески; забросив такую удочку, ловец постоянно дергает за бечевку, по возможности широкими взмахами. По возвращении на пароход и мы присоединились к этому лову. Почему треска попадает на крючок при таком способе лова — объяснить трудно; матросы уверяли нас, будто треска задевает за крючок, играя привязанною к нему ленточкою; но если бы это было так, то, хватая ленточку, рыба срывала бы ее и попадалась на крючок ртом; между тем все время, что мы ловили, ленточки на крючках оставались целыми, а рыбу вытаскивали

Лов трески на поддев с парохода «Мурман» в Мотовском заливе

то за бок, то за хвост. Мне кажется, явление это проще всего объясняется множеством рыбы, так что крючок удочки при взмахах совершенно случайно задевает то ту, то другую — за что попало. Мы так увлеклись этой ловлей, что все замахали бечевками и в каких-нибудь полчаса натаскали пуда три превосходной крупной трески и между ними несколько зубаток.

Когда после того мы с аппетитом ели превосходную уху из свежей, наловленной нами трески, с жирною, нежною, вкусною максою (тресковою печенью), нам невольно вспомнилось, в какую сравнительно мерзость превращается эта вкусная в свежем виде рыба, попадая на всемирный рынок, в виде столь любимой жителями Севера соленой вонючей «трещочки», или сушеного и вяленого лабардана и штокфиша, а нежная вкусная печень — в виде аптекарского рыбьего жира.

Идя по Мотовскому заливу, мы зашли в колонию Китовку, где застали несколько больших судов кораблей, нагружавших рыбу, преимущественно пикшу; попробовали ловить на поддев — пикшуй попадался точно так же, как и треска. Пройдя далее в глубь залива, а потом на шлюпке в речку, мы имели случай видеть, как промышленники вдоль песчаных отмелей ловили сетями песчанку, неболь-

шую рыбку, которая при недостатке мойвы служит наживкою и на которую также охотно идет треска, пикшуй, зубатка и т. п. Здесь же, поблизости, было приступлено к установке столбов для телеграфной линии от Екатерининской гавани на Рыбачий полуостров и к Печенгскому монастырю. Телеграфный техник Симанович, заведывавший работами, с замечательным усердием и настойчивостью принялся за дело и своим примером воодушевлял рабочих, которые нередко приходили в уныние от трудности работы. Каждый столб нужно было тащить на своих плечах по крутым скалам, а чтобы установить его на твердом граните, столб обкладывали тяжелыми камнями, которые добывали, взрывая иногда порохом скалы. Исходив все окрестные горы, любуясь сам своею работою и обращая наше внимание на красоты окружающей местности, Симанович заставлял нас карабкаться по скалам и перебираться по горным потокам. Нагроможденные в беспорядке дикие утесы, шумные ручьи, каскадами падавшие в расщелины скал, и вдали бушующее море представляли действительно грандиозную картину суровой и дикой северной природы.

Из Китовки мы зашли в самую глубь Мотовского залива, в гавань Озерко, расположенную у перешейка, отделяющего Рыбачий полуостров от материка. Перейдя этот узкий, шириною в версту с небольшим, перешеек, в ясную погоду можно видеть берега Норвегии. О гавани Озерко много говорили при обсуждении вопроса об устройстве порта на Мурмане; между прочим указывалось на эту гавань как на удобную стоянку для судов. Правда, гавань Озерко совершенно покойная, она защищена со всех сторон, и хотя вход в нее несколько затруднителен, но его, кажется, не особенно трудно расчистить. Кругом гавани много свободного ровного пространства для возведения построек; по имеющимся сведениям, она замерзает редко, и если замерзает, то покрывается лишь тонким льдом. Тем не менее едва ли эта гавань пригодна для порта — она слишком удалена от океана: чтобы добраться до нее, нужно пройти 80 верст Мотовским заливом, следовательно, судам приходилось бы делать лишних 160 верст; в то же время она слишком удалена от центра Мурманского берега, от места промыслов и от бли-

жайшего пункта, куда может выйти рельсовый путь с материка к океану. Лучшим доказательством того, что эта гавань, несмотря на все ее хорошие качества, не может иметь практического значения, служит то обстоятельство, что до сих пор при ней не устроилось ни колонии, ни становища, и в Озерко никогда не заходят не только парусные, но и промысловые суда.

В другой раз мы направились к острову Кильдину. Этот обширный остров находится при выходе из Кольского залива, с восточной стороны, в самом океане, и отделяется от материка узким проливом, шириною от одной до трех верст. Поверхность острова представляет совершенно другой вид, чем берега материка. На материке огромные глыбы гранита, самых причудливых и неправильных форм, круто спускающиеся в море, тогда как у Кильдина берег довольно отлогий, постепенно, ровными уступами поднимающийся вверх. Эти уступы покрыты зеленью, среди которой местами пасутся олени, и только с восточной и северо-восточной стороны высокий берег отвесно падает в море. Не только наружный вид, но и строение почвы на острове совсем иные: материк состоит из гранита; на Кильдине гранита вовсе нет, и весь остров сложен из темного сланца.

Лет 25 назад архангельским губернатором Качаловым был возбужден вопрос об устройстве коммерческого порта в Монастырской бухте на острове Кильдине. На Мурман была командирована особая экспедиция из представителей министерств внутренних дел, финансов, государственных имуществ и морского. Эта экспедиция и состоявшая при министерстве финансов комиссия для изыскания мер к экономическому развитию Северного края согласились с мнением губернатора Качалова о необходимости устройства коммерческого порта в Монастырской бухте на Кильдине; мысль эта, однако, не получила осуществления.

Ознакомившись ближе с местными условиями, можно указать на те преимущества и недостатки, которые эта гавань имеет в сравнении с Екатерининскою гаванью. Монастырская бухта на острове Кильдине расположена в юго-восточной оконечности острова, в проливе между островом и материком; бухта эта сравнительно мала, имеет в длину

и ширину всего около 160 сажен. Хотя весь южный берег острова Кильдина на протяжении около двух верст представляет очень хорошую стоянку для судов всякой величины, тем не менее эту стоянку в открытом проливе нельзя назвать гаванью. Монастырская бухта защищена от северных, северо-восточных и восточных ветров, чаще всего дующих на Мурмане, но открыта для волнения при западных и юго-западных ветрах — правда, сравнительно редких. На берегу Кильдина, как в Монастырской бухте, так и по всему южному берегу, имеется обширное пространство земли, удобной для построек. Кильдинский пролив никогда не замерзает. Как Кильдин, так и Екатерининская гавань находятся на середине Мурманского побережья, и Кильдин имеет даже то преимущество, что он расположен у самого океана, непосредственно на пути следования всех судов, тогда как Екатерининская гавань лежит несколько в стороне. Но, при всех достоинствах Монастырской бухты и всего южного берега острова Кильдина, главный недостаток этой гавани, помимо того, что она мала и открыта для западных и юго-западных ветров, заключается в том, что бухта расположена на острове, а не на материке, от которого она отрезана Кильдинским проливом. Поэтому, сравнивая все недостатки и достоинства этой гавани с Екатерининскою, нельзя не отдать предпочтения последней.

Изучая вопрос о Мурмане, о климатических его условиях и о колонизации Мурманского берега, нам приходилось нередко читать и слышать, что на Мурмане жить нельзя, что колонизация его невозможна, что никакое здоровье не может вынести его сурового климата и т. д. Приведенные выше данные свидетельствуют как раз обратное: климат вовсе не так уж суров, как его представляют, принимая лишь в расчет близость Мурмана к северному полюсу; пресловутая полярная ночь в течение двух месяцев не так уж темна и не мешает даже мореплаванию и работе на некоторых промыслах; что же касается того, какое влияние оказывает климат на здоровье человека, то мы имели случай воочию убедиться, что жители Мурмана пользуются отличным здоровьем и доживают до глубокой старости. Возьмите, например, почтенного кольского исправника В. И. Смир-

нова — ему с лишком 60 лет, и, несмотря на такие годы, он целое лето плавает на пароходе и в лодках, переезжая из одного становища в другое, в какую бы то ни было погоду, а всю зиму проводит в Коле и в разъездах по уезду на оленях. Во всех наших экскурсиях он не отставал от нас, взбирался на скалы, ходил по тундрам, никогда не жалуясь на усталость. Мы видели седого старика-колониста, который один, ничего не смущаясь, в бурю и непогоду переезжал довольно значительные пространства по морю в небольшой лодке. На Кильдине, в Монастырской бухте, живет норвежец, принявший русское подданство; он поселился там лет двадцать назад, жил долго в бедности, в землянке, питаясь почти исключительно изловленной им рыбою, потом обзавелся домом, оленями и теперь живет безбедно; у него восемь дочерей и — посмотрите на них: все кровь с молоком, как на подбор. В Екатерининской гавани мы насчитали 15, кажется, детей из семей механика парохода «Мурман», сторожа и колониста: бегают они босые по камням, живут там всю зиму — и здоровы. Все эти примеры прекрасно показывают, что климат на Мурмане едва ли можно считать пагубным для здоровья человека.

1 июля за нами прибыл в Екатерининскую гавань пароход товарищества Архангельско-Мурманского пароходства «Владимир», только что выгрузивший на Рыбачьем полуострове около 1000 телеграфных столбов, и мы в тот же день вечером снялись с якоря и направились к Архангельску.

Кроме нашей компании, на пароходе был еще турист, какой-то австрийский барон, который, интересуясь Севером, приехал в Архангельск и, пользуясь случаем, отправился на Мурман; он был снабжен в изобилии ружьями всех систем, стрелял в каждую пролетавшую птицу и в каждого тюленя, высовывавшегося из воды, — но и птицы, и тюлени как-то благополучно отделялись от его выстрелов. Впоследствии этот барон отправился на Новую Землю, где и оставался два месяца до следующего пароходного рейса.

Вообще в последнее время наши северные берега усердно посещаются иностранцами: в Коле мы встретили целую компанию англичан, с бездною чемоданов разных форм и размеров; по их словам, они приехали на Мурман, чтобы

Посолка и укладка трески

поохотиться и поудить рыбу; на Новую Землю, кроме барона, отправились также какая-то дама-шведка, стокгольмский профессор и др. Проезжая многолюдные становища Териберку и Гаврилово, мы порадовались их особенному оживлению и кипучей деятельности. Сотни шняк выезжали в море на промысел, тысячи промышленников были заняты кто ловлею рыбы, кто чисткою, приготовлением и солением наловленной рыбы, кто нагрузкою судов. Рыба раскупалась нарасхват, а горы тресковых голов и другой рыбы, привезенной с промысла, свидетельствовали о богатом улове. Тысячи неугомонных обжорливых чаек плавали вокруг и глотали выброшенные внутренности, исполняя, таким образом, обязанности санитаров; без них вся эта бездна внутренностей, подвергаясь гниению, заражала бы воздух, а убирать их некому и некогда — все заняты промыслом.

Вообще мы заметили необычайный подъем духа на Мурмане. Кроме удачного промысла, весть об устройстве телеграфа, об устройстве маяков по берегам Мурманского побережья, о том, что в будущем году пароходы из Архангельска будут ходить еженедельно, а не в две недели раз, как теперь, и что по западной стороне Мурманского берега будет ходить особый местный пароход, в значительной мере возбудили энергию и предприимчивость как промышленников, так и торговцев. В Териберке, например, купец Мерзлютин стро-

Сушка трески

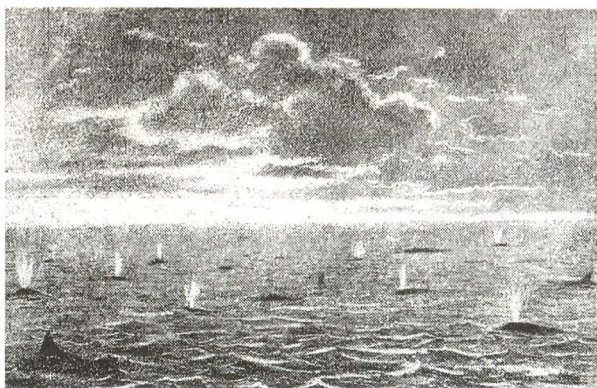
ит особую пристань, к которой могут приставать пароходы, соляной склад на 100 000 пудов соли, склад угля и, что особенно важно, казарму для рабочих на несколько сот человек. Купец Савин заводит пароход для перевозки мойвы, устраивает для нее особые садки и предполагает даже искусственно замораживать мойву, чтобы сохранять ее на то время, когда она отходит уже от берегов в океан. На Иоканских островах вблизи Святого Носа устраивается помещение для рабочих с тем расчетом, чтобы с весны заняться промыслом тюленей. Г. Гебель купил в порте Владимир находившийся уже много лет в бездействии китобойный завод и намерен вновь открыть китовый промысел, но главным образом организовать лов и развозку мойвы и лов сельдей. Наконец, на Мурман стремится большое число новых поселенцев; я завален их просьбами, израсходовал уже все деньги, ассигнованные в пособие на обустройство новым поселенцам, и все-таки удовлетворил далеко еще не всех.

Да, близко уже то время, когда Мурман получит, наконец, подобающее ему коммерческое и политическое значение, указанное самою природою. С развитием пароходства, сооружением телеграфа и постройкою Екатерининского порта, колонизация Мурманского побережья и промышленная деятельность края в ближайшем будущем получат, конечно, более широкое развитие. Наглядным тому приме-

ром могут служить соседние берега норвежского Финмаркена, которые еще недавно представляли такой же пустынный вид, как и наш Мурман; но, как только норвежским правительством были организованы пароходные сообщения, проведен телеграф, а гавани приспособлены для стоянки судов, и оказано содействие различным промышленным предприятиям, — здесь закипела жизнь, появились благоустроенные города Вадзе, Варда, Гаммерфест, несмотря на то что Финмаркен севернее Мурмана и его климатические условия более суровы.

Тем не менее пока еще сделано только наполовину. Нет сомнения, что с устройством Екатерининского порта Россия прорубит себе широкое окно не только в Европу, но и на весь мир; однако пока к этому окну нельзя будет подойти во всякое время из дома, т. е. с материка, пока к Екатерининскому порту не будет проложен рельсовый путь, до тех пор хозяину трудно будет дышать, несмотря даже на открытое настежь окно. Путь для железной дороги в Екатерининский порт намечен ясно на Колу, Кандалакшу и Кемь; по этому пути ежегодно идут тысячи промышленников, утопая в снегу и переноса множество трудов и лишений, по этому же пути проложен ныне телеграф. Я имел уже случай говорить о предполагаемой железной дороге от Кеми на Петрозаводск в С.-Петербург, затем от Кеми до Екатерининского порта останется менее 600 верст; государственное значение этой дороги неоспоримо: она свяжет всю Россию с открытым во всякое время океаном и в то же время откроет новый, безостановочный путь для международной торговли; в незамерзающих водах Мурмана, в его огражденных неприступными гранитными скалами заливах русский флот найдет себе удобную стоянку и будет иметь возможность выйти на простор океана во всякое время, когда потребуют того обстоятельства.

3 июля мы уже подходили к Святому Носу. Вот прошел из Белого моря огромный иностранный пароход, высоко над палубой нагруженный множеством досок; кругом нашего парохода тысячи тюленей, кувыряясь и гоняясь, вероятно, за рыбою, подымали такую возню, что море казалось кипящим, а вдали, то тут, то там, рассыпаясь мелкими брызга-

Киты у Святого Носа

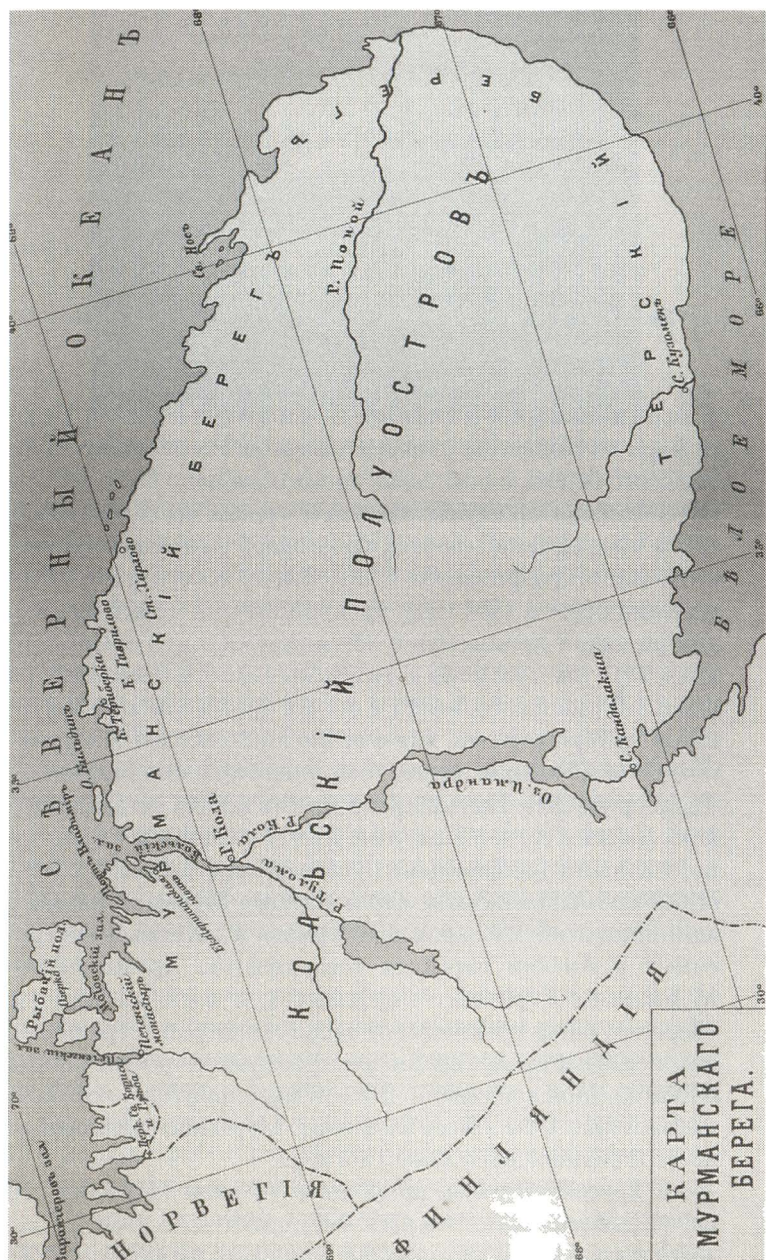
ми, мелькали фонтаны воды, выбрасываемой сновавшими во множестве китами... Наконец, мы и в Белом море. Пройдя Городецкий, Сосновый и Зимнегорский маяки, входим в Двинский залив и затем на бар реки Двины. Здесь день и ночь работает землечерпательная машина, прочищая канал на баре. Великое дело сделали для Архангельска землечерпательные работы на баре. Несколько лет тому назад на баре было всего 11—12 футов глубины, вследствие чего догрузка иностранных судов производилась за баром при помощи лихтеров и мелких судов. Чего это стоило и как тяжело ложились эти накладные расходы на нашу отпускную торговлю! Теперь все изменилось: на баре не видно ни одного судна, землечерпательными работами глубина его доведена уже до 19 футов, и предполагается еще углубить до 22 футов; все пароходы свободно проходят до самого Архангельска и, нагрузившись на пристанях в городе или у лесопильных заводов, беспрепятственно выходят в море.

Таким образом, углубление бара и очистка русла Двины сделали Архангельск одним из лучших и обширнейших портов в Европе; гавань и пристани, к которым могут приставать суда, занимают ныне на реке Двине 20 верст береговой полосы, причем это пространство может быть еще расширено на много верст.

Пройдя от бара устьем Двины около 60 верст, мимо десятка лесопильных заводов, обложенных кругом беско-

нечными штабелями бревен и досок, из-за которых торчат дымящиеся заводские трубы и слышен свист от движения пил, мимо ряда стоявших у пристаней пароходов и судов, на которые спешно производилась нагрузка товаров, мы 4 июля вечером благополучно пристали к Соборной пристани в Архангельске.

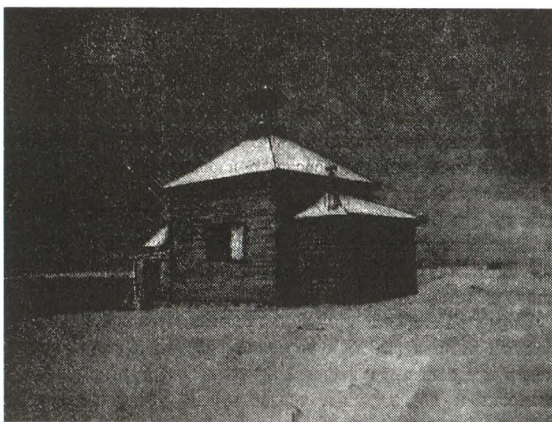
Новая Земля

I

Экономическое значение восточных побережий Ледовитого океана.

На наше западное побережье Ледовитого океана, от Белого моря до Норвегии, носящее название Российского Мурманского берега, в последнее время обращено было серьезное внимание как правительства и ученых исследователей, так и повременной печати. Благодаря деятельному участию министра финансов С. Ю. Витте, посетившего Мурманский берег в 1894 году, предпринят был целый ряд мер для развития промыслов и колонизации этого обширного края. Мы уже говорили о телеграфе, который проводится вдоль Мурманского берега и оттуда чрез Кольский полуостров до города Кеми, для соединения с общео телеграфною сетью Империи; кроме того, близ становищ Гаврилова, Териберки, Цып-Наволоки и в других местах устанавливаются маяки и сигнальные огни. Для сношений между всеми населенными прибрежными пунктами и для оказания содействия промышленникам вдоль берегов Мурмана плавают административный пароход «Мурман» и два новых, построенных в Англии парохода товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства, а военный крейсер оберегает наши промыслы от эксплуатации иностранцами; наконец, в настоящее время приступлено к устройству порта в Екатерининской гавани. Все эти мероприятия, несомненно, послужат к быстрому заселению Мурмана и оживлению промышленной деятельности в крае.

С другой стороны, природные условия Мурмана, его неисчерпаемые богатства рыбою и морскими зверями и всегда открытый океан представляют широкий простор для про-

Церковь в Малых Кармакулах на Новой Земле

мышленной деятельности и мореплавания; теплое течение Гольфстрима делает климат Мурмана, несмотря на географическое его положение на далеком Севере, сравнительно умеренным и в то же время относит от его берегов плавающие льды Северного океана, что делает судоходство на Мурмане возможным круглый год, а незамерзающие гавани его представляют превосходные стоянки для судов. В то время, когда Белое море и восточная часть океана покрыты еще льдом и промышленники, вследствие этого, не могут выйти на промысел морских зверей, тюленей, моржей и проч., во множестве приплывающих к берегам Новой Земли, Колгуеву острову и к горлу Белого моря в феврале и марте, — с Мурмана, по свободному океану, есть полная возможность во всякое время года отправиться на этот выгодный промысел.

Когда Екатерининская гавань превратится в благоустроенный торговый порт, тогда и нашим военным судам представится возможность пользоваться этим портом как удобною и вполне безопасною стоянкою. Таким образом, с развитием торговли и судоходства на Севере наши северные моря, в связи с коммерческими и экономическими интересами, получают и подобающее им политическое значение.

Отсюда нетрудно заключить, как велико экономическое и государственное значение наших западных бере-

гов Ледовитого океана и какую блестящею может быть их будущность, но в то же время немалый интерес представляет и восточная часть нашей северной окраины. Обилие морских зверей по побережью Ледовитого океана, у берегов Новой Земли, Колгуева и Вайгача; множество пушных зверей и дичи, обширное оленеводство в необъятных тундрах Печорского края, огромное пространство нетронутых до сих пор лесов, минеральные богатства, источники нефти по реке Ухте, залежи медной руды по реке Цыльме, притокам реки Печоры, наконец, путь чрез Карское море к Енисею и в глубь Сибири — все это, несомненно, представляет исключительно благоприятные условия для развития здесь торговли и промыслов. Но богатства эти, вследствие отсутствия каких-либо путей сообщения и способов передвижения, оставались пока недоступными и почти нетронутыми, и, чтобы вызвать их к жизни, прежде всего необходимо было создать эти пути.

Побывав несколько раз на Мурмане почти во всех его становищах, в Коле, в Печенгской обители, на Паз-реке у границы Норвегии, я близко познакомился с характером этой местности, ее населением и промыслами, но о восточной половине нашей северной окраины не имел еще правильного представления и знал ее только по рассказам и книгам. Поэтому, чтобы лично ознакомиться с этою местностью и убедиться в возможности плавания по Печоре, я решил посетить Новую Землю и пробраться к устьям Печоры, как с моря, так и сухим путем. Вместе с тем, с целью поднять производительные силы края, мною были возбуждены ходатайства о геологическом исследовании Новой Земли, об учреждении пароходства по Печоре и о сооружении телеграфа в с. Усть-Цыльму — главный административный центр Печорского уезда. В то время производились уже работы по сооружению сухопутной почтовой дороги от Мезенского уезда к Печоре, через Тиманскую тундру и Тиманский горный хребет.

Плавание к Печоре считалось до последнего времени крайне опасным и необеспеченным, потому что между Новою Землею и материком в июле месяце встречаются еще льды, а в устье Печоры пароходы не решались входить,

так как фарватер не был достаточно обследован. Поэтому, согласно моему ходатайству, морским министерством был командирован в 1894 году к устьям Печоры для производства необходимых гидрографических работ крейсер «Вестник» и транспорт «Бакан».

Я условился с командирами этих судов съехаться в устьях Печоры около 15 июля; для этого мы решили, что я отправлюсь 5 июля на пароходе товарищества Архангельско-Мурманского пароходства на Новую Землю, куда 10 июля придет за мною с Мурмана крейсер «Вестник», и затем с Новой Земли мы отправимся уже на крейсере прямо к устьям Печоры, а транспорт «Бакан» и нанятое на месте поморское парусное судно с запасом угля направятся из Архангельска на Печору, вдоль берегов Северного океана, несколькими днями ранее моего отъезда на Новую Землю.

II

Снаряжение на Новую Землю новых колонистов-самоедов. — Крещение самоедских детей. — Переезд из Архангельска на Новую Землю на пароходе «Ломоносов». — Наш груз. — Мои спутники. — Встреча с транспортом «Бакан». — Полуночное солнце.

Постоянное население на обширном пространстве, которое занимает остров Новая Земля, состояло к 1894 году из 10 семейств самоедов в числе 50 человек, перевезенных туда в семидесятых годах. Между тем богатые промыслы на острове дают полную возможность прокормить значительно большее число поселенцев. Поэтому, собираясь ехать на Новую Землю, я заблаговременно поручил чиновнику по крестьянским делам Печорского уезда, в видах дальнейшей колонизации острова, предложить нескольким самоедским семействам Большеземельской тундры Печорского уезда переселиться на Новую Землю. Охотников явилось много, но из них были выбраны более привычные к морским промыслам и проживавшие по берегам океана, — все-

Новые колонисты-самоеды

го 8 семейств в числе 37 человек, которые и были привезены в Архангельск.

Находясь в Архангельске, в ожидании отправления на Новую Землю самоеды заготавливали себе необходимую зимнюю одежду, сети для ловли рыбы, лодки и прочие орудия для производства промыслов.

Два-три месяца, проведенные самоедами в городе, совершенно преобразили этих грязных, косматых полудикарей, прикрытых оленьими шкурами; вымытые и причесанные, одетые в ситцевые рубахи и шерстяные куртки, а женщины — в сарафаны, с платками на головах, они несколько не походили на прежних уродов. В то же время преосвященный Никанор, епископ Архангельский, позаботился об их духовном просвещении; с этою целью он лично обучал детей и вел беседы со взрослыми, которые почти ежедневно посещали церковь. Между детьми оказались три некрещенные девочки 6—7 лет. Таинство крещения над ними совершил сам владыка, при пении архиерейского хора, произносившего, между прочим, слова прошений «Господи, помилуй» («Нум сингириптэ») и «Подай, Господи» («Нум да») на самоедском языке, что произвело на присутствовавших самоедов сильное впечатление.

5 июля 1894 года мы отплыли из Архангельска на лучшем в то время и самом большом пароходе товарище-

Самоедки

ства Архангельско-Мурманского пароходства «Ломоносов», который весь был нагружен самыми разнообразными предметами для поселенцев Новой Земли. Между прочим, мы везли с собою в разобранном виде целый большой дом, в 6 комнат, для проживающих на Новой Земле иеромонаха и псаломщика и для школы. На постройку этого дома, по моему ходатайству, было отпущено Священным Синодом в распоряжение епархиального начальства 5000 руб. Кроме того, здесь был и другой дом, для становища в Маточкин-ом Шаре, где до сих пор не было еще постоянного здания. На постройку этого дома и на ремонт существовавших на Новой Земле зданий было отпущено министерством внутренних дел 2000 руб. Затем, мы взяли с собою 120 сажен

дров для топлива, доски, кирпич, глину, годовой запас предметов продовольствия для всех проживающих на Новой Земле колонистов, несколько пудов пороха, свинца, целый арсенал ружей, патронов и проч., несколько больших лодок для выезда на промысел, 60 собак для разъездов поселенцев по острову, 10 000 пудов каменного угля для крейсера «Вестник», около 100 бочонков солонины, 8 быков, запас картофеля, овощей и других предметов для команды крейсера.

Кроме 37 самоедов и нескольких плотников и печников, взятых для постройки вышеупомянутых зданий, со мною ехали на Новую Землю: правитель канцелярии Сидоренко, на которого было возложено снабжение новоземельских колонистов всем для них необходимым и ведение денежной отчетности, а также сбыт в Архангельске предметов их промысла; доктор Большесольский, взявший на себя труд изучения санитарных условий быта поселенцев и наиболее подходящих по местным условиям мер для предупреждения между ними болезней; чиновник особых поручений Сосновский и подполковник Чарковский — в качестве туристов и собирателей образцов фауны, флоры и минералов; фотограф Лейцингер и, наконец, состоявший у меня в услужении дагестанец Магома, сопровождавший меня во всех моих экскурсиях и охотах. Всегда веселый, довольный, внимательный, услужливый и безгранично преданный, Магома был неоценимым слугою в подобных путешествиях; ничто его не удивляло, он не признавал никаких опасностей и в своей жизни видал всякие виды: проводя детство в горах Кавказа, он служил несколько лет у одного офицера в Туркестане и в Мерве, из знойных степей Центральной Азии попал в С.-Петербург и оттуда ко мне, в полярные северные страны.

Наше плавание было чрезвычайно удачно; море было довольно покойно, туманы не затрудняли путь, а не сходящее все время с горизонта солнце светило нам день и ночь. Пароход шел со скоростью 12 узлов и быстро прорезал воды Белого моря, так что на другие уже сутки мы миновали Канин Нос и вступили в открытый океан. Вдруг мы заметили вдаль какую-то темную точку. Что бы это могло быть? Острова здесь нет, а корабль — необычайная редкость;

изредка разве можно встретить поморское судно, направляющееся к Новой Земле на промысел. Мы изменили курс по направлению этой точки и вскоре в бинокль ясно различили пароход.

Когда мы подошли ближе, то, к нашему немалому удивлению, оказалось, что это стоит на якоре транспорт «Бакан», который, по расчету времени, должен был бы прибыть уже к устьям Печоры.

Мы остановились и узнали от командира транспорта, что, подойдя к острову Колгуеву, «Бакан» встретил лед, после чего пробовал обойти остров сперва с юга, потом с севера, но море оказалось всюду покрытым густым льдом. Пробиваться сквозь него командир не решился, тем более что судно было старое и дослуживало последние годы, а потому он поворотил назад и, зная, что мы будем проходить мимо Канина Носа, остановился здесь на якоре.

— Куда же девалась парусная шкуна с углем, которая вышла вместе с вами? — спрашиваю я капитана.

— Пошла одна на Печору. Как ни уговаривали мы хозяйина шкуны (крестьянина Архангельского уезда Антуфьева) возвратиться, но он не согласился; говорит, что взялся доставить к 12 июля уголь на Печору, деньги взял немалые, 25 копеек с пуда, заработок хороший, «так что мне льды! попробую их обходить, а то проберусь и так, между ними»...

Обсудив дело, мы с командиром решили, что льды не могут долго продержаться — первым же ветром их, вероятно, отнесет от берегов в океан, а потому транспорту следует продолжать путь к Печоре, придерживаясь южного направления, поближе к матерiku, где можно укрыться в какой-нибудь бухте и в крайнем случае, при особом несчастье, выйти с командой на берег.

Пополнив запасы угля на «Бакане», мы расстались с транспортом и направились прямо к Новой Земле. Скрылись берега, и кругом нас расстилался широкий простор беспредельного океана. Как будто исчезла всякая жизнь, возле парохода не кружатся даже назойливые чайки, не высовывают более из воды свои круглые морды тюлени, изредка только покажется кит и из него брызнет фонтан...

Полуночное солнце в Ледовитом океане

12 часов ночи с 6-го на 7-е июля. Солнце стоит довольно высоко на горизонте, его лучи играют в мелкой ряби океана. Фотограф пользуется редким случаем снять полуночное солнце, при безоблачном небе, под 72° северной широты, в открытом океане. В море как-то скоро привыкаешь к известной прохладе: термометр показывает 4° , а как вспомнишь, что и до полюса не так уж далеко, то кажется совсем тепло. Но вот начали появляться, хлопая крыльями по воде, гагары, люрики, кайры, чайки, сперва одиночками, парами, а затем все в большем и большем количестве, — наконец, сотнями, тысячами, — явный признак, что близка земля. Чаше и чаще попадаетесь разбитый лед, и грузно покачиваются огромные льдины, на которых кучками сидят всевозможные морские птицы.

III

Прибытие на Новую Землю. — Выгрузка. — Крейсер «Вестник». — Лейтенант Жданко. — Сведения о Новой Земле. — Западные и русские экспедиции. — Экспедиция

*горного инженера Чернышева. — Каменный уголь. — Рас-
тительность. — Морские животные.*

Наконец, вдали показалась темная полоска берегов Новой Земли. Мы минуем Северный Гусиный Нос, входим в залив Моллера, у входа в гавань Малые Кармакулы ясно вырисовывается крест, стоящий на высоком утесе. При нашем входе в гавань грянул пушечный выстрел — один, другой; это приветствуют нас обитатели Новой Земли. На берегу у пушки суетятся самоеды, в стороне виднеется высокая фигура иеромонаха Ионы, а псаломщик, исполняя обязанности бомбардира, заряжает пушку, которая бог весть как сюда попала.

Для жителей Новой Земли приход парохода, конечно, большой праздник: целый год они не видят постороннего человека, целый год не знают, что делается на свете, пароход несет им известия с родины, новую провизию и т. д.

«Ломоносов» остановился не далее как в 100 саженях от становища. Загремели якорные цепи, грохнулся якорь, со всех сторон начали подъезжать утлые лодчонки самоедов, которые вмиг очутились на палубе. Началась выгрузка. «Первым делом — долой собак!» — командует капитан. Собаки ему порядком надоели; их вой и лай на различные голоса неумолкаемо раздавался из трюма во все время пути от Архангельска; ни ласки, ни угрозы — ничто не могло их уговорить. Высаженные на берега, они почувствовали себя, по-видимому, много лучше, чем в душном трюме; но тут на них набросились местные собаки, и началась невообразимая грызня; впрочем, собаки быстро перезнакомились между собою и скоро все успокоилось.

Вслед за нами пришел в Кармакулы и крейсер «Вестник». Прибывший на крейсере начальник партии беломорской съемки, лейтенант Жданко, которому мы обязаны многими работами по гидрографии Северного океана, тотчас съехал со своими инструментами на берег для производства астрономических и магнитных наблюдений. Некоторые офицеры с крейсера разделились на партии для промера гавани, правитель канцелярии Сидоренко занялся выгрузкою привезенных нами материалов, приемом от самоедов-

колонистов того, что они напромышляли за год, и расчетами с ними, а я и мои спутники, доктор Большесольский, чиновник особых поручений Сосновский, подполковник Чарковский и присоединившийся к нам с крейсера мичман Игнатьев, захватив с собою Магому, четырех матросов с крейсера и в качестве провожатого самоеда Вылку с собакою, отправились на двух лодках в охотничью экскурсию в глубь острова.

Остров Новая Земля расположен между 70 и 77-ю параллелями северной широты и с запада на 51,5° восточной долготы от Гринвича. Так называемым Маточкиным Шаром (проливом) Новая Земля разделяется между 73 и 74-й параллелями на два острова, из которых северный почти в два раза больше южного. В длину, с юга на север, остров простирается с лишком на 1000 верст, а в ширину занимает в среднем около 200 верст. Новая Земля составляет как бы дальнейшее продолжение Уральских гор — хребта Пай-Хоя; между нею и северными отрогами последнего лежит остров Вайгач, такой же гористый, как и Новая Земля.

Кем и когда открыта Новая Земля, за отсутствием точных и определенных исторических данных решить трудно, но не подлежит никакому сомнению, что она открыта русскими.

Русские промышленники посещали этот остров задолго до того времени, когда о нем появились сведения в Западной Европе. Это подтверждает и самое название острова, об этом же свидетельствуют и имеющиеся письменные памятники. Так, итальянский писатель XVI века Мавро Урбино пишет: «Россияне из Биармии, плавающие по северному морю, открыли около 100 лет назад остров, дотоле неизвестный, показываемый на картах — Новая Земля»⁶. В XVII же веке Новоземельский остров входил уже в круг административных забот правительства и был предметом попечений духовной власти. В библиотеке Антониева-Сийского монастыря Архангельской губернии хранится грамота патриарха Иоасафа II игумену Сийского монастыря Феодосию, от

⁶ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан в 1821—1824 гг., СПб., 1828. С. 13.

Становище Малые Кармакулы

1 января 1672 года о посылке на Новую Землю священника с псаломщиком. Литературные данные о Новой Земле относятся к середине XVI столетия, ко времени известной экспедиции Ченслера. В особенности расширены сведения о Новой Земле благодаря голландской экспедиции Баренца. В июле 1594 года Баренц достиг Новой Земли и думал обогнуть ее с севера, но, встретив льды, вынужден был в августе возвратиться обратно в Голландию. 20 мая 1696 года из Амстердама вышла новая экспедиция, под командою того же Баренца. После невероятных усилий он достиг в конце августа северной оконечности острова, но вскоре судно его было окружено льдами, возвращение в Голландию оказалось невозможным, и экспедиция вынуждена была зимовать под 76° северной широты. К счастью, на берегу нашлись занесенные сюда морскими течениями деревья, из которых представилось возможным построить жилище. Экипаж, вынужденный вести борьбу со стужей и с нападавшими на него белыми медведями, испытывал всевозможные страдания и лишения, которые еще больше увеличились, когда 14 ноября солнце совершенно скрылось с горизонта с тем, чтобы показаться снова лишь в следующем году, в феврале. Между людьми появилась цинга. Не имея возможности

освободить судно из льдов, Баренц решился 25 мая выехать на лодках; но лишения и цинга дали себя почувствовать — в конце июля умер от цинги сам Баренц, а за ним погибло и несколько матросов; остальные его спутники встретились 7 августа с русскими промышленниками, которыми были радушно приняты и доставлены в Норвегию. После Баренца надолго прекратились экспедиции западных народов в Ледовитый океан; исследования Новоземельского острова продолжались преимущественно уже русскими, причем немаловажную побудительную причину было установившееся мнение о богатствах острова.

Из русских экспедиций более известны следующие. В 1760 году лоцман Савва Ложкин отправился для промыслов на восточные берега Новой Земли и, благодаря своей настойчивости, в три года обогнул ее и этим доказал, что Новая Земля — остров, в чем до того времени географы сомневались. В 1768 году была снаряжена экспедиция под начальством лейтенанта Размыслова для исследования Новоземельского острова и снятия его на карту; экспедиция эта зимовала на восточном конце Маточкина Шара, в так называемый Тюленьей губе. В 1807 году горный инженер Дудлов был командирован на Новую Землю для проверки слухов о ее минеральных богатствах и хотя таковых не нашел, но сделал весьма тщательное геологическое описание острова.

В 1819 году русским правительством была снаряжена экспедиция лейтенанта Лазарева, но эта экспедиция также не имела успеха. В течение 1821—1824 гг. Новую Землю четыре раза посетила экспедиция под начальством адмирала графа Ф. П. Литке, подробно обследовавшая западный берег острова.

В 1832 году архангельский купец Брандт снарядил на свой счет экспедицию с целью открыть путь к Енисею и, между прочим, составить карту восточных берегов Новой Земли, где он предполагал производить охоту на моржей. Исследование восточных берегов Новой Земли было поручено штурманскому поручику Пахтусову, который, прозимовав на острове, летом 1833 года успешно выполнил возложенное на него поручение и, пройдя через Маточкин Шар, 12 сентября вернулся на Печору, в Пустозерск.

Затем в 1834—1835 годах на Новую Землю была командирована правительством экспедиция на двух судах, из которых одним командовал поручик Пахтусов, а другим — прапорщик Циволька. Прозимовав на южном берегу Маточкина Шара, экспедиция вернулась в Архангельск.

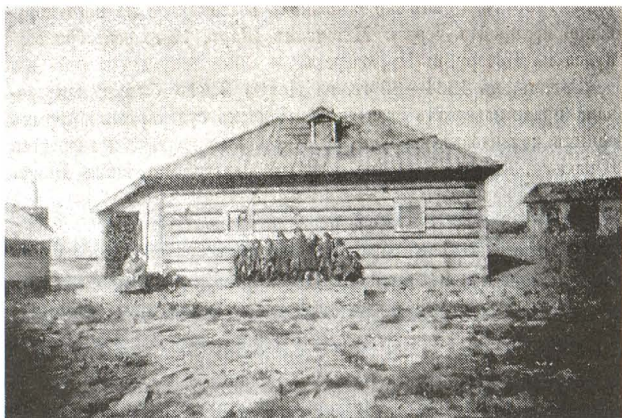
В 1838 году, с целью окончательной съемки Новой Земли, была снаряжена правительством новая экспедиция под начальством Цивольки и лейтенанта Моисеева. Зимовка этой экспедиции на восточном берегу острова, у Мелкой губы, дорого ей обошлась: двадцать пять человек из экипажа заболели цингою; из них девять умерло, в том числе и сам Циволька.

После этого русские экспедиции на Новую Землю почти прекратились и остров посещали только норвежцы, которые давно уже развивали у себя китовый промысел и, за оскудением добычи на Шпицбергене, стали ежегодно промыслять на Новой Земле.

В 70-х годах Новую Землю посещали проездом некоторые из иностранных полярных экспедиций. Так, в 1872 году известная экспедиция графа Вильчека посетила Маточкин Шар, губу Грибовую и Костин Шар.

В 1875 году Норденшильд, направляясь к Енисею, посетил Маточкин Шар.

В 1895 году министерством земледелия и государственных имуществ была снаряжена геологическая экспедиция под руководством горного инженера Чернышева. Мне часто приходилось слышать, что на Новой Земле имеются значительные залежи каменного угля, хотя научных исследований в этом отношении до сих пор не было еще сделано. Возможность иметь местный уголь, конечно, весьма важна для пароходов, плавающих в наших северных водах. До сего времени весь уголь привозился в Архангельск исключительно из Англии; между тем пароходство по Белому морю и Северному океану развивается с каждым годом; так, в настоящее время учреждены правильные рейсы из Архангельска, вдоль берегов Белого моря, к Мурману, на Печору и к Новой Земле; на Мурмане устраивается коммерческий порт, где со временем, быть может, будет признано необходимым учредить стоянку военных судов, для которых потребуется зна-

Дом и группа детей-самоедов в Малых Кармакулах

чительное количество каменного угля. Само собою разумеется, снабжение этого порта местным углем, помимо того, что весьма желательно, представляется особенно важным в том случае, если по каким-либо политическим осложнениям доставление угля из Англии окажется затруднительным. Поэтому я и просил министра земледелия и государственных имуществ о командировании на Новую Землю геологической экспедиции для исследования там каменно-угольных залежей.

Отправившись из Архангельска 10 июня, экспедиция посетила Маточкин Шар, губу Грибовую, Малые и Большие Кармакулы, Пуховый залив, северный берег Гусиной Земли и прошла поперек Новоземельский остров, из Кармакул к Карскому морю. Экспедиция пришла к заключению, что Новая Земля вообще не богата разными рудами, но что найденный там каменный уголь, несомненно, местного происхождения и той же юрской формации, как и уголь Печорского края; между тем большинство прежних исследователей, находивших в разных местах Новой Земли уголь, полагали, что этот уголь выбрасывался на берега волнами моря. Угленосные слои, по мнению экспедиции, в большей своей части размыты и сохранились отдельными островками; определение их потребовало бы продолжительных разведок и больших средств, чем те, которыми обладала экспеди-

ция. Наиболее надежными местами, где, по словам поморов, они собирали уголь для топлива в значительном количестве, нужно считать Крестовую губу, куда инженер Чернышев и предполагал отправиться на крейсере «Джигит»; к сожалению, несчастный случай, происшедший во время шторма в Маточкином Шаре, когда крейсер сел на мель и едва не потерпел аварию, сделал эту попытку невозможной.

Другую местностью, где разведочными работами сравнительно скоро можно было бы разыскать неразмытые залежи угля, представляется Гусиная Земля. Здесь экспедицией найдены были довольно большие количества угля, лежавшего, очевидно, в близком расстоянии от коренного залегания.

Что касается качества найденного угля, то, по исследованиям, произведенным профессором Горного института Алексеевым, оказалось следующее: при коксовании угольного порошка сначала летят искры, а потом получается светлое пламя; остаток от прокаливания сохраняет вполне вид порошка; выход кокса равен 44,96%; при анализе найдено — углерода 55,88% и золы 4,8%; тепловая способность вычислена в 5200 единиц тепла. На основании всех этих данных новоземельский уголь нужно отнести к бурым углям, лигнитам, т. е. к ископаемому топливу среднего достоинства.

Растительность на Новой Земле крайне бедна, и там нет ничего сколько-нибудь похожего на древесную растительность. Скалы большею частью совершенно голы, а долины покрыты мхом и тощею травкою; только в южной части острова встречается тальник и ползучая полярная березка, поднимающаяся не выше 8 вершков над землею. Впрочем, в июне местами можно встретить довольно большие пространства, сплошь покрытые ярко окрашенными цветами, в особенности незабудками; замечательно, что большинство растений, изобилуя яркими цветами, прикрепленными к крошечному стебельку, почти не имеют листьев.

Животное царство на Новой Земле гораздо богаче; здесь водятся в значительном количестве белые медведи, дикие олени, лисицы, песцы (белые и голубые) и пеструшки. Самым выгодным промыслом на Новой Земле является в настоящее время охота на белого медведя, шкура

которого ценится довольно высоко (60—70 руб.). Белый медведь — царь зверей полярных стран; шерсть на нем совершенно серебристая; вся жизнь его проходит среди вечной зимы; он плавает на льдинах, лазит по ледяным горам, вполне наслаждаясь жизнью только там, где холодно и где есть лед; на лето он уходит на север Новой Земли, покрытый вечным снегом. Белый медведь питается преимущественно тюленями и рыбою; обладая гигантскою силою, он нападает даже на моржей — громадных животных, достигающих иногда до 80 пудов веса, но на человека не нападает и благоразумно от него удаляется, вследствие чего охота на белого медведя не представляет особенной опасности.

Из морских животных на Новой Земле встречаются главным образом тюлени разных пород и белухи. Из рыб — сайка и гольцы. Сайка похожа на сельдь, очень жирна, является к берегам Новой Зеили для метания икры. Голец — род семги, очень вкусная рыба, только мельче, круглее и без чешуи; он постоянно следует за сайкою, которою питается, заплывает в конце августа в реки, мечет там икру, а потом заходит в озера на зимовку; по вскрытии льдов голец возвращается в океан.

IV

Пернатые Новой Земли. — Скала Птичий базар. — Гуси. — Новоземельские промыслы. — Благие мероприятия великого князя Алексея Александровича. — Новоземельские самоеды. — Срочные пароходные рейсы на Новую Землю. — Заботы администрации о новоземельских самоедах.

Новая Земля изобилует пернатыми, между которыми встречаются: лебеди, гуси, утки, гаги, гагары, чайки, топорики, чистяки, лурики, кайры, кулики, белые полярные совы и т. п.; особенно много здесь луриков. У птиц есть свои излюбленные места, где они гнездятся и собираются в огромном количестве; так, например, при входе в гавань Малые Кармакулы есть остров в виде одиноко стоящей в океане, почти отвесной скалы, названный Птичьим базаром. Этот остров

в течение всего лета сплошь покрыт птицами; с криком носятся они тысячами вокруг острова и покрывают поблизости все видимое пространство океана.

В одну из наших экскурсий мы отправились на шлюпке к этой скале с целью поближе познакомиться с обитающим на ней пернатым царством и, если представится возможным, добыть яиц и несколько экземпляров птиц.

Когда мы подплыли к скале и укрылись от прибоя волн в одну из ее расщелин, кругом творилось нечто невообразимое; тысячи птиц носились вокруг нас, целые тучи их бросились со скалы в море и своим криком и хлопанием крыльев производили такой шум, что расслышать друг друга не было никакой возможности. Подполковник Чарковский, Магома и несколько матросов выскочили из шлюпки и стали карабкаться по скале, все уступы которой были унизаны гнездами; сидевшие на яйцах птицы и не думали улетать при приближении наших смельчаков, которые хватали их руками и бросали к нам к лодку. Бывшие с нами мешки быстро наполнились птицами, и доктор Большесольский, на которого при всех наших охотах возлагалось хранение добытой дичи, начал молить о пощаде; свой плащ-разлетаюку он обратил также в мешок, но с птицами решительно не было сладу: они у него постоянно вырывались и искусили даже до крови руки. Между тем бомбардировка делалась все опаснее: птицы со страху срывались со скалы целыми тучами и, бросаясь в море, попадали в шлюпку. Матросы настолько увлеклись охотой, что не обращали внимания ни на прибой волн, ни на кручи скалы, по которым ползли и по которым вслед за ними катились яйца и камни. Насилу удалось мне восстановить порядок, собрать всех в лодку и убраться из этого ада. Хорошо еще, что никто из нас не вздумал стрелять по птицам, а то бы это могло кончиться довольно печально; спугиваемые с места птицы, тучами срываясь со скалы, могли бы сбить кого-нибудь из нас с ног и просто засыпать нашу лодку. Отъехав уже на довольно значительное расстояние от скалы, мы сделали несколько выстрелов, вслед за которыми поднялся целый ураган от шума крыльев и птичьего крика. Замечательно, что по всей скале рядом с чайками и гагарами сидели белые полярные совы, рельеф-

Остров Птичий Базар близ гавани Малыя Кармакулы

но выделяясь на темном фоне скалы белыми точками; почти у каждой совы в лапах находилась какая-нибудь птица, которую она нехотя ощипывала. Легкость добычи, обилие и однообразие пищи приучили этих хищников относиться апатично к окружающей их массе птиц; с своей стороны, последние не обращали никакого внимания на сов и спокойно сидели рядом в гнездах. Они, по-видимому, инстинктивно чувствовали, что при громадном их количестве вероятность для каждой быть съеденною совою так ничтожна, что не стоит быть на стороже.

В другой раз мы отправились охотиться на гусей на внутренние озера. Гуси обыкновенно очень осторожны, и охота на них сопряжена с большими затруднениями, но как раз в то время, когда мы отправлялись охотиться за ними, они линяли и поэтому не могли далеко улетать.

Охота в это время бывает иногда чрезвычайно удачна; так, подъезжая к Кармакулам, мы встретили довольно большой карбас, весь нагруженный гусями, убитыми самоедом-колонистом, который отправился на охоту со своим семейством и собаками и в два дня напромышлял около 300 гусей, причем большая часть их была изловлена собаками и пере-

Остров Птичий Базар

бита палками. Самоеды солят гусей впрок и сохраняют почти круглый год.

Экскурсия наша была очень интересна. Проплыв 16 верст частью морскими заливами, глубоко врезавшимися в материк, частью по речкам, впадающим в эти заливы, то между отвесными скалами, то по широким плесам, окаймленным горами, покрытыми по большей части снегом, мы, наконец, добрались до озер, где предполагали найти гусей. По дороге нам попалось множество чистиков, уток, гоголей и известных своим пухом гаг (гагачий пух), но, опасаясь спугнуть боязливых гусей, мы не стреляли. Все берега были сплошь усеяны гусиными перьями, которые гуси теряют при линьании; этими перьями можно было бы наполнить целый корабль. Нам нередко приходилось пробираться между льдинами, по порогам и перетаскивать лодки по льду, причем мы старались производить как можно меньше

шума, потому что гуси очень чутки и, заметив человека, тотчас скрываются в горы и прячутся в неприступные расщелины скал. Окружающая местность представляла поразительную, сказочную картину какого-то хаоса: кругом горы, частью покрытые снегом, на воде плавающие льды, над берегами нависли целые ледяные и снежные скалы, с которых крупными каплями стекала вода, с гор с шумом неслись потоки — все это было закутано в дымку тумана, так что трудно было разобрать, где начинался берег, где вода, где горы, где небо. Наконец мы увидели вдаль стада гусей, которые, как только заметили нас, далеко еще вне выстрела, бросились бежать в горы; впрочем, это не спасло их: от нас бы они, пожалуй, и скрылись, но с нами была собака, которая не дала им покоя даже в самых неприступных местах. Мы оставили у лодок нашего всегдашнего спутника, доктора Большесольского, так как он не охотник, стрелять не умеет и по своей тучности не только не может карабкаться по скалам, но и по ровной дороге не особенно охотно ходит, что не мешает ему, однако, страстно любить разные экскурсии; сами же, с ружьями в руках, бросились врассыпную за гусями. Скоро они были найдены, послышалось тявканье собаки, выстрелы; по вершинам скал замелькали наши матросы и охотники. Гуси бегут так скоро, что за ними трудно угнаться, и при этом прячутся за острыми камнями, которые по цвету подходят к их оперению. Вот преследуемый собакою гусь срывается со скалы; за ним, догоняя, скатывается охотник, ловит его и тащит к доктору, а сам спешит за другим. У доктора набралась уже довольно большая куча убитых и несколько живых гусей, как вдруг мы замечаем, что с ним совершается нечто странное: сорвав с себя куртку и шляпу, он начинает бегать по берегу, по острым камням, хватая что-то такое и, обессиленный, ложится навзничь на сырой песок. Оказалось, что сданные ему на хранение гуси разбежались, и как он ни старался связывать им ноги платками, ремнями, но некоторым все-таки удалось вырваться. Добросовестно исполняя возложенные на него обязанности, несчастный доктор стал гоняться за гусями, не щадя себя, и — нужно отдать ему справедливость — лег костями, но ни одного гуся не упустил. Измученные и изодранные,

Охотничья поездка на внутренние озера на Новой Земле

начали мы собираться, таща кто живого гуся, кто убитого; недоставало только подполковника Чарковского, по обыкновению своему забравшегося в какую-нибудь глушь или в самое непроходимое и неприступное место; наконец, мы увидели его на вершине высокой горы, покрытой плотным слоем снега. «Как-то он оттуда доберется к нам», — подумали мы. Обходить кругом — далеко, а спуститься прямо казалось почти невозможным. Однако он не остановился перед казавшимся препятствием — огляделся кругом, сел на снежок и, точно на салазках, скатился сажен 20—30 вниз по снежному откосу, потом стал пробираться зигзагами к нам. Отдохнув, мы отправились в обратный путь и тут уже вдоволь настреляли попадавшейся на пути дичи.

Климат на Новой Земле нельзя назвать особенно суровым; течение Гольфстрема оказывает и здесь известное влияние, в особенности на западную сторону острова. Западные берега Новой Земли, приблизительно до 75° северной широты, освобождаются к июлю месяцу от льдов, тогда как восточные берега, по Карскому морю, редко очищаются от него. Зимой средняя температура — $-19,66^{\circ}\text{C}$, самая низкая — $-31,0^{\circ}$ и самая высокая — $-1,0^{\circ}$; летом средняя $+2,53^{\circ}$; бывают иногда в июле теплые дни до $+12^{\circ}$; средняя годовая температура для западного берега — $-8,37^{\circ}$, для восточного — $-9,45^{\circ}$. Таким образом, на Новой Земле несколь-

ко холоднее, чем на Шпицбергене и в Якутске, но теплее, чем, например, в Нижне-Колымске ($-10,0^{\circ}$) и Устьянске ($-15,24^{\circ}$), где, однако, люди уже с давних времен ведут оседлый образ жизни.

В первых числах ноября солнце скрывается за горизонт на целых три месяца, вплоть до февраля, и постоянную ночь освещает одно северное сияние. Затем с 1 мая солнце светит непрерывно до августа; с половины мая горы освобождаются от снежного покрова и появляется зелень, а в начале октября Новая Земля опять покрывается снегом. На Новой Земле, в особенности зимою, часто господствуют сильные ветры, которые иногда срывают с гор камни и разносят их на далекое пространство; ходить тогда по открытому месту становится совершенно невозможным; в то же время целые дома засыпаются снегом, который проникает в самые узкие щели строений.

Большинство поселявшихся в прежнее время на Новой Земле погибали от бича полярных стран — цинги; одни только самоеды могли выносить здешний климат. Убийственная сырость, полярная ночь, сильные ветры, сопровождаемые снежными метелями, заставляют новоземельских обитателей по целым неделям прятаться в своих жилищах, оставаться без всякого движения и проводить большую часть времени во сне; все это, в связи с недостатком растительной пищи, способствует заболеванию цингой.

Несмотря, впрочем, на все опасности, Новая Земля издавна привлекала своими богатыми промыслами как наших поморов, так и норвежских промышленников. Но начиная с сороковых годов текущего столетия число поморских судов, плавающих на Новую Землю, с каждым годом стало уменьшаться, а в последние годы ее посещают только два брата Воронины из Сумского посада. Причиной упадка русских новоземельских промыслов была невозможность конкурировать с норвежцами. Беломорские порты весною поздно освобождаются от льдов и осенью рано замерзают, вследствие чего русские промышленники, являвшиеся на Новую Землю двумя месяцами позже норвежцев, находили зверя уже распуганным, осенью же, не рискуя зимовать на Новой Земле, они спешили возвратиться пораньше

домой. Эти неблагоприятные для развития русских промыслов на Новой Земле обстоятельства обратили на себя внимание Его Императорского Высочества великого князя Алексея Александровича, посетившего этот остров в 1870 году. На пожертвованные Его Высочеством средства, в 1872 году близ Костина Шара была поставлена изба; затем, по инициативе великого князя, Обществом спасения на водах в 1877 году в становище Малыя Кармакулы была устроена спасательная станция с целью доставить промышленникам надежное убежище как на время промыслов, так и на случай непредвиденной зимовки, а вместе с тем и для подания помощи экипажам судов в случае крушения их около этого острова. Кроме того, для охраны возведенных построек и для занятия там промыслами тогда же были доставлены на Новую Землю и поселены в Малокармакульском становище пять самоедских семейств из Мезенского уезда в числе 24 человек; их снабдили теплою одеждою, обувью, ружьями, порохом, свинцом, продовольственными запасами и другими орудиями для охоты и промыслов. Командированный на Новую Землю для устройства спасательной станции поручик корпуса флотских штурманов Тягин встретил там две самоедские семьи, состоявшие из 11 человек, которые кочевали около залива Моллера уже в течение восьми лет. Эти самоеды посланы были сюда одним печорским промышленником, причем снабжены были хорошими средствами для промыслов, но растратили их и, не рискуя вернуться на родину, совершенно сжились с Новою Землею. Оказавшись в полнейшей экономической зависимости у одного из промышленников-поморов, который снабжал их необходимыми припасами, взамен этого — разумеется, по баснословно дешевым ценам — отбирая у них предметы промыслов, самоеды просили Тягина включить их в привезенную на средства Общества спасения на водах самоедскую артель. Таким образом, в 1877 году на Новой Земле было уже семь семейств постоянных колонистов-самоедов в числе 35 человек.

Затем, по ходатайству главного управления Общества спасения на водах, в 1880 году последовало высочайшее соизволение на то, чтобы один из пароходов товарищества

Новоземельский самоед и его хозяйство

Архангельско-Мурманского срочного пароходства ежегодно совершал два рейса на Новую Землю, вследствие чего Обществу представилась возможность ежегодно снабжать новоземельских колонистов-самоедов жизненными припасами, покрывая расходы на покупку их деньгами, вырученными от продажи их промыслов.

Впоследствии дело снабжения колонистов-самоедов припасами было передано Обществом спасения на водах в ведение архангельского губернатора. По распоряжению губернатора, два раза в год командировается на Новую Землю один из состоящих при нем чиновников, которому вменяется в обязанность забирать у самоедов в первый приезд, по особой именной описи, весь годовой их промысел, продавать его в Архангельске по существующим рыночным ценам и на вырученные деньги заготавливать необходимые для поселенцев, по их требованиям, на целый год припасы и прочие предметы, которые и отвозить им на Новую Землю со вторым рейсом парохода. Самим же колонистам, во избежание эксплуатации их и ввоза водки, до которой самоеды страстные охотники, воспрещено продавать свой промысел частным промышленникам. Вместе с тем учреждена должность новоземельского фельдшера, на которого возложены заведывание продовольственной частью и надзор за содержа-

нием в должном порядке и исправности новоземельских построек. Некоторые из самоедов, бывших в Малых Кармакулах, переселились в Маточкин Шар, где оказалась более прибыльная охота на белых медведей, вследствие чего пароход Архангельско-Мурманского товарищества с навигации 1890 года начал каждый раз заходить из Кармакул и в Маточкин Шар для снабжения всем необходимым живущих там самоедов и для приема от них добычи. Вполне обеспеченные всем необходимым на целый год, снабженные всеми принадлежностями для охоты, самоеды охотно занимались промыслами, так что деньгами, выручаемыми от продажи их добычи, вполне покрывались все расходы по их содержанию.

V

Новое самоедское становище. — Самоедское население, его содержание и промыслы. — Новоземельские постройки. — Церковь. — Отец Иона. — Новая церковь. — Новый дом для причта. — Духовное просвещение самоедов. — Санитарные условия. — Венчание самоедов.

Сосредоточение в двух пунктах всех новоземельских колонистов, число которых значительно увеличилось с привезенными нами 37 самоедами, было признано неудобным, главным образом потому, что при скученности в одном поселении самоеды мешают друг другу в производстве промыслов. Сами самоеды в течение промыслового времени расселяются ежегодно по разным пунктам острова: одни промышляют на Гусиной Земле, другие — около Костина Шара и т. д. Вследствие этого я нашел необходимым устроить новое становище близ Гусиной Земли, в южной части острова. Но переселение самоедов на новое место было бы возможно лишь в том случае, если бы это становище стал ежегодно посещать пароход товарищества Архангельско-Мурманского пароходства, доставляя колонистам все необходимое и отбирая на месте предметы их промыслов, а для этого необходимо было выбрать якорную стоянку, сделать промеры и поставить опознавательные знаки; поэтому я просил морское министерство

поручить крейсеру «Джигит», командированному в навигацию 1895 года в Ледовитый океан для охраны русских промыслов, произвести означенные исследования. К сожалению, крейсер едва не потерпел крушения в Маточкином Шаре, во время сильного шторма 20 июля 1895 года, и не мог выполнить этого поручения.

В настоящее время устройство становища на Гусиной Земле представляется тем более желательным, что в этой местности геологическою экспедициею инженера Чернышева найдены были значительные количества каменного угля, указывающие на близкое присутствие там каменноугольных залежей⁷.

В настоящее время на Новой Земле проживает всего 16 семейств самоедов, в числе 83 человек обоего пола и 10 детей: в Кармакулах — 10 семейств и в Маточкином Шаре — 6. Из числа взрослого населения: мужчин — 41, женщин — 12, способных заниматься промыслом — 23 человека. Кроме того, по сведениям, полученным от одного из поморов, промышлявшего на Новой Земле, на южной оконечности острова проживают уже несколько лет 4 семейства (2 русских и 2 самоедских), переселившихся туда на лодках из Печорского уезда, — но состав этих семейств неизвестен.

Нижеследующия цифры показывают, сколько стоило ежегодно содержание самоедов и сколько выручено от продажи их промыслов за время с 1891 по 1895 год.

	Употреблено на содержание	Выручено от продажи промыслов
В 1891 году	1752 р. 00 к.	2049 р. 78 к.
В 1892 году	2583 р. 18 к.	4228 р. 17 к.
В 1893 году	2473 р. 10 к.	4665 р. 35 к.
В 1894 году	2863 р. 17 к.	3781 р. 40 к.
В 1895 году	4005 р. 69 к.	6135 р. 90 к.

⁷ Упомянутые исследования сделаны в 1896 году транспортом «Самоед». Им найдена удобная якорная стоянка в Белужьей губе, произведены промеры и проч., так что новое становище, вероятно, будет устроено в навигацию 1897 г.

Предметы промыслов и выручка за них в эти годы были следующие:

1891 год		Выручено
Шкур: нерпы	479	288 р. 00 к.
гренландского тюленя	2	4 р. 50 к.
моржа	6	240 р. 00 к.
морского зайца	4	20 р. 00 к.
белух	5	30 р. 00 к.
белого медведя	7	420 р. 00 к.
Сала (пудов)	1144	1047 р. 28 к.
<i>Итого</i>		<i>2049 р. 78 к.</i>

1892 год		Выручено
Шкур: нерпы	554	332 р. 40 к.
тюленя	2	5 р. 00 к.
моржа	2	50 р. 00 к.
зайцев	40	160 р. 00 к.
белух	2	12 р. 00 к.
медведей	33	1650 р. 00 к.
Сала (пудов)	1356	2018 р. 77 к.
<i>Итого</i>		<i>4228 р. 17 к.</i>

1893 год		Выручено
Шкур: нерпы	330	264 р. 00 к.
тюленя	4	8 р. 00 к.
зайцев	10	25 р. 00 к.
медведей	43	3300 р. 00 к.
оленей	15	18 р. 00 к.
песцов	48	18 р. 00 к.
Живых медведей	2	80 р. 00 к.
Ремней (сажен)	620	43 р. 35 к.
Сала (пудов)	617	819 р. 00 к.
<i>Итого</i>		<i>4665 р. 35 к.</i>

1894 год		Выручено
Шкур: нерпы	356	356 р. 00 к.
серки	20	20 р. 00 к.
зайцев	4	9 р. 00 к.

моржа	1	15 р. 00 к.
медведей	36	2457 р. 00 к.
песцов белых	8	18 р. 00 к.
песцов голубых		15 р. 00 к.
Ремней (сажен)	100	10 р. 00 к.
Сала (пудов)	696	881 р. 40 к.
<i>Итого</i>		<i>3781 р. 40 к.</i>

1895 год		Выручено
Шкур: нерпы	437	305 р. 90 к.
моржа	1	10 р. 00 к.
зайцев	4	9 р. 00 к.
белух	6	24 р. 00 к.
медведей	69	4445 р. 00 к.
олений	68	102 р. 00 к.
Сала (пудов)	992	1240 р. 00 к.
<i>Итого</i>		<i>6195 р. 90 к.</i>

Таким образом, ежегодно, за покрытием расходов по содержанию самоедов, из вырученной от продажи их промыслов суммы получается значительный остаток, который, за отчислением 10—12% валовой выручки на образование особого запасного капитала, предназначенного для удовлетворения разных нужд вообще по колонизации Новоземельского острова, всецело поступает в собственность самоедов. Означенная прибыль распределяется между самоедами соответственно личной добыче каждого из них; поэтому есть между поселенцами такие, долг которых не покрывался стоимостью добычи, но зато есть и такие, у которых составились значительные сбережения. Благодаря этим сбережениям некоторые из них обзавелись хорошими скорострельными ружьями и разными предметами относительной роскоши, а один, у которого накопилось более 900 руб., пожелал иметь в Кармакулах собственный дом, который и был ему доставлен в навигации 1896 года.

Сбережения эти хранятся в архангельском отделении Государственного банка для приращения процентами, так как самоеды, будучи всем обеспечены, не нуждаются

в наличных деньгах, которые, кроме того, на Новой Земле и тратить некуда.

Каждому из самоедов выдается особая книжка за подписью губернатора, в которой обозначается принадлежащая хозяину книжки сумма.

Такие благоприятные результаты получились, конечно, потому, что прежняя эксплуатация самоедов совершенно прекращена. Теперь они получают все необходимые для них предметы лучшего качества и по той же цене, какая на них существует в Архангельске, а их промыслы продаются по наивысшей цене, какая может быть за них выручена; так, например, медвежьи шкуры проданы в 1896 году кругом по 60—70 руб. за штуку, тогда как в прежнее время самоеды выручали за них 5—10 руб., и то выменивая их частью на товар, частью на водку.

Из упомянутых ежегодных отчислений 10—12% с валовой выручки от продажи промыслов образовался запасный капитал, достигший в 1895 году суммы в 3022 руб. 40 коп. Капитал этот служит оборотным фондом и расходуется между прочим на оказание первоначальной помощи новым поселенцам на Новую Землю. За счет этого источника произведены были расходы по переселению на Новую Землю в 1894 году 37 человек самоедов, причем на доставку их из Печоры в Архангельск, на содержание здесь в течение трех месяцев и на снабжение их одеждою и всеми необходимыми предметами для промыслов и охоты было израсходовано 2172 руб. 2 коп., которые и зачислены долгом за ними.

По мере того как капитал этот будет увеличиваться, представится возможность продолжать колонизацию Ново-земельского острова; охотники же селиться там при таких льготных условиях, несомненно, найдутся.

В 1894 году, согласно высочайше утвержденному 14 марта мнению Государственного совета, здания спасательной станции на Новой Земле были переданы в ведение министерства внутренних дел, причем тогда же было отпущено единовременно, на ремонт этих зданий, 1500 руб. и разрешено отпускать на поддержку зданий ежегодно по 500 руб. В том же году здания были капитально отремонтированы и, кроме того, была достроена изба в Маточкином Шаре, при-

Спасательный приют, устроенный К. Д. Носиловым
в Маточкином Шаре

везенная туда еще в 1891 году, но, по недостатку средств, остававшаяся недостроенною, а также исправлен домик, в котором в 1888 году жил известный путешественник К. Д. Носилов; затем, в навигацию 1895 году, в Маточкином Шаре представилось возможным поставить еще одну новую избу. Таким образом, в настоящее время в Кармакулах находятся четыре здания, из которых в двух помещаются самоеды, третье занято квартирою фельдшера и складом припасов и четвертое обращено в амбар, где хранятся запасные строительные материалы, а зимою — спасательный бот. В Маточкином Шаре имеются три небольших домика, занятых самоедами.

В религиозно-нравственном отношении новоземельские колонисты обставлены очень хорошо. Со времени открытия спасательной станции епархиальное духовное начальство ежегодно посылало летом на Новую Землю священника для отправления треб и богослужений в устроенной там небольшой часовне. В 1887 году часовня эта была обращена в церковь, и на зиму 1887/88 года туда был командирован из Николо-Корельского монастыря иеромонах Иона

с псаломщиком; они были снабжены в достаточном на год количестве припасами, одеждою, хозяйственною утварью, богослужебными предметами, пособиями для обучения детей грамоте, а также евангелиями и брошюрами для раздачи поселенцам. Устройство храма с причтом при нем произвело на новоземельских колонистов сильное впечатление и оказало самое благотворное влияние. Вскоре по прибытии на Новую Землю о. Иона убедился, что религиозные представления у самоедов крайне смутны и перепутываются еще с языческими верованиями; в некоторых местах им были открыты даже идолы. Таким образом, для отца Ионы предстояла нелегкая миссионерская деятельность, которую он и выполнил с замечательною любовью и усердием: каждое богослужение он сопровождал поучениями и беседами, посещая жилища самоедов или приглашая их к себе, обучал их молитвам и в то же время вел школьные занятия с самоедскими детьми. Кроме того, о. Ионою было сделано две поездки: одна на восточный берег острова, к Карскому морю, где он отыскал и уничтожил идола, служившего олицетворением бога-покровителя оленьей охоты, а другая — в Маточкин Шар, где им совершено было таинство крещения над двумя лицами.

Обращенная из часовни новоземельская церковь оказалась малопоместительною: она занимала в длину всего 1 сажень 10 четвертей, в ширину 1 сажень 4 четверти и в высоту 1 сажень, так что в ней могло поместиться не более 20 человек, притом она была холодна и пришла в ветхость.

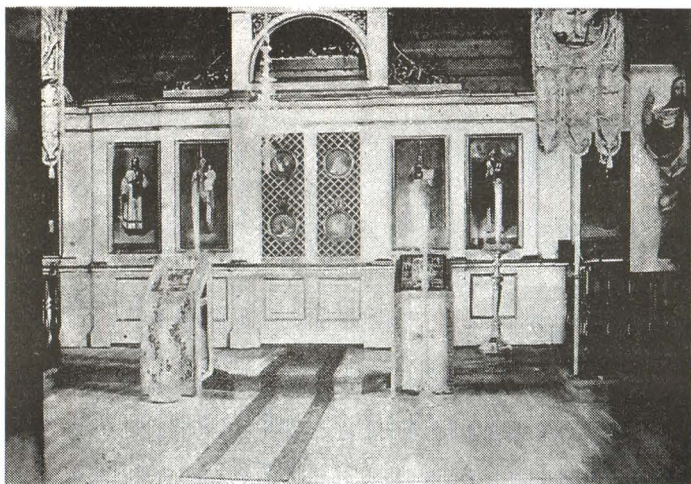
Вследствие этого решено было построить в Кармакулах новую церковь, тем более что необходимые на ее постройку средства были предоставлены жертвователями, пожелавшими остаться неизвестными. Здание церкви было срублено в Архангельске и отвезено на Новую Землю. 18 сентября 1888 года состоялось освящение этой новой церкви. Церковь снабжена колоколами, прекрасными иконами и довольно ценною церковною утварью. Затем, в 1889 году, с разрешения Священного Синода на Новой Земле был учрежден монашеский скит, приписанный к Николо-Корельскому монастырю, который обязан был оказывать скиту матери-

Никольский храм в Малых Кармакулах

альную поддержку; вместе с тем в пособие на содержание скита в течение первых трех лет со времени его учреждения было отпускаемо Священным Синодом ежегодно по 700 руб.

Но содержание скита для бедного Никольского монастыря оказалось весьма обременительным, и, кроме того, необходимо было соорудить отдельный дом для причта, так как иеромонах помещался в одном из казенных зданий спасательной станции, где ныне живет фельдшер; поэтому пред Священным Синодом было возбуждено новое ходатайство об отпуске одновременно на постройку дома 6000 руб. и ежегодно на содержание скита 1000 руб. Суммы эти были отпущены, и новый дом, срубленный в Архангельске, привезен на пароходе, с которым я отправился на Новую Землю. В настоящее время дом вполне отстроен; в нем шесть комнат, из которых одна отведена для церковной школы, снабженной всеми необходимыми классными принадлежностями и учебными пособиями. Таким образом, в настоящее время новоземельский монашеский скит имеет хорошо устроенное, отапливаемое помещение и материально вполне обеспечен. Миссионерская деятельность о. Ионы (ныне игумена) в течение 1887—1895 годов, за исключением зимы

Иконостас церкви в Малых Кармакулах

1892/93 года, которую он провел для поправления здоровья в Архангельске, — увенчалась полным успехом. Колонисты-самоеды, оставив совсем язычество, в настоящее время охотно посещают храм и несут туда свою посильную лепту в виде восковых свечей, которые очень любят ставить пред иконами за каждым богослужением; перед отправлением на промысел всякий из них считает своим долгом помолиться в церкви. Обучение детей грамоте идет также вполне успешно: все дети школьного возраста посещают школу, а некоторые читают и поют в церкви во время богослужений, так что в недалеком будущем на Новой Земле неграмотных вовсе не будет. Вот что рассказывал между прочим о. Иона. Как-то после обеда он пошел навестить самоедов в их жилищах, чтобы побеседовать с ними. При входе в одну из казарм глазам его представилась следующая картина: в углу стоит стол, накрытый скатертью, на котором расставлены принадлежности чаепития и кое-какие яства; пред иконою теплится лампадка, а кругом стола стоит группа девочек-самоедок, учениц школы, и, обратившись лицом к иконе, тянет нараспев молитвы. Не замеченный девочками, о. Иона остановился при входе. Пропев несколько молитв, девочки чинно уселись за стол и приступили к чаепитию. Тут только они заметили

о. Иону и, смущенные его внезапным появлением, объяснили ему, что одна из девочек была в этот день именинница и, желая отпраздновать день своего ангела, пригласила к себе своих товарок на чай. Похвалив детей за их пение и усердие, о. Иона сел за стол и вместе с хозяйкой-именинницей и ее гостями стал угощаться чаем. Отец Иона пользуется вообще большим уважением и любовью самоедов и сам сильно привязан к своей пастве. Оставшись на зиму 1892/93 года в Архангельске для поправления здоровья, он сильно скучал по Новой Земле и с нетерпением ждал навигации, чтобы опять отправиться в эту страну холода и мрака.

Санитарные условия жизни на Новой Земле в настоящее время представляются вполне удовлетворительными: вот уже третий год, как не было случаев цинги ни между самоедами, ни между русскими, — вероятно, потому, что условия, при которых развивается эта болезнь, изучены теперь и против нее приняты соответствующие меры. Особенно неблагоприятна была зима 1892/93 года, когда от цинги умерли иеромонах Варахиил, командированный вместо о. Ионы, жена и сын фельдшера, русский колонист, монастырский рабочий и две самоедки. Вся беда состояла в том, что, по случаю неурожая в Архангельске овощей, в этот год не было доставлено на Новую Землю картофеля, капусты и т. д. Кроме того, развитию болезни, по всей вероятности, немало способствовало и отсутствие о. Ионы, который всегда неукоснительно требует, чтобы никто из обитателей не залеживался, и наблюдает за доброкачественностью пищи.

Заботы наши о новоземельских самоедах простирались до таких, например, подробностей: в числе колонистов были между прочим брат и сестра, достигшие возраста, когда первому требовалась невеста, а второй — жених. На Новой Земле таковых не оказалось, и по просьбе родителей мы в числе новых поселенцев привезли им с собою жениха и невесту. Представив их друг другу, я дал им час времени, чтобы познакомиться, — через час должна была состояться свадьба. Привезенная нами невеста понравилась новоземельскому жениху, а он в свою очередь невесте. «Ну, что? — спрашиваю невесту. — Каков жених?» — «Хорош, настоящий самоед». И в самом деле: смуглый, косматый, скуластый,

Двенадцатилетний самоед, охотник на белого медведя,
и его сестра

глаза узкие, в виде косых щелей... Таким образом с этою парочкою дело уладилось скоро. Не то вышло с нашим женихом — невесте он не понравился. «Какой это самоед — он еще ошкуя (белого медведя) не бивал; вон у меня малый брат, лет 12, и тот уж нескольких убил, да я сама десятка два оленей застрелила; а он что — только за ручными оленями ходил. Нст, не пойду за него». Как мы ее ни уговаривали, уперлась и — ни за что. Так наше сватовство и не удалось, и жених пока остался ни при чем. Делать нечего, пришлось ограничиться одною свадьбою. Жениха приодели по-городски: кто дал ему шляпу, кто пиджак, кто ботин-

ки; невеста одела сарафан и бездну бус; нужно было видеть эту уморительную парочку, когда они под руку отправились в церковь. Я был посаженным отцом, а Л. В. Сидоренко и И. В. Сосновский — шаферами. Церковь была парадно убрана, и венчание вообще вышло торжественным. После венчания о. Иона устроил свадебный пир, причем к закуске были приглашены молодые и все прибывшие из Архангельска гости, а также родители жениха, которые обрадовались случаю и тотчас же поспешили напиться. Что касается молодых, то они вели себя с достоинством; супруг объявил, что он намерен со своею молодою женою уехать на два месяца в Архангельск, затем побывать в Соловецком монастыре и со следующим рейсом вернуться на Новую Землю; у него есть запасных триста рублей, так что он может позволить себе эту роскошь и, кроме того, желает доставить удовольствие своей подруге.

VI

Маточкин Шар. — Суровость природы. — Поездка в Маточкин пролив. — Новоземельские собаки. — Гурии. — На крейсере «Вестник». — Медведица Машка и лайка. — Судно Воронина. — Крушение его в 1896 г. — Новоземельские медведи.

Выгрузив с «Ломоносова» все, что предназначалось для Кармакул, мы отправились дня через два далее на север, в Маточкин Шар, куда и прибыли благополучно на другой же день.

Природа здесь еще суровее, но в то же время окружающая картина более грандиозна: горы кругом нагромождены одна на другую, достигают высоты 3000 футов и по большей части покрыты вечными ледниками; здесь настоящее царство белых медведей и моржей, всюду голый камень и лед, растительности никакой, только в нескольких впадинах, обращенных к солнцу, мы встретили между камнями мох, усеянный множеством ярко-розовых и голубых цветов, на коротеньких, не больше как в полвершка, стебельках. Даже

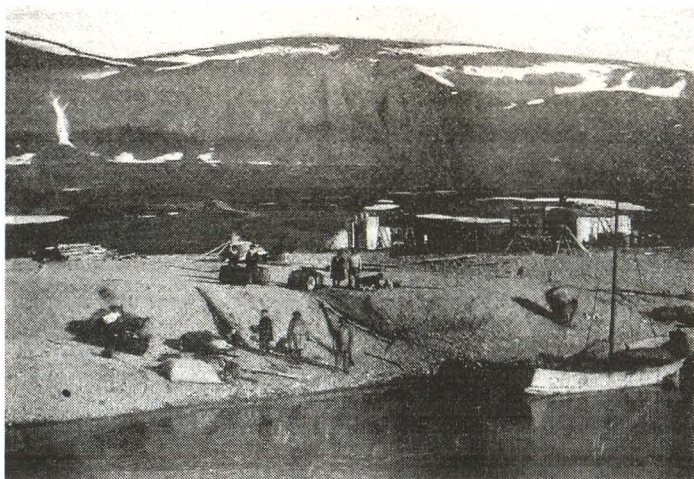

Вид Маточкина Шара

морские птицы, которых так много близ Кармакул и далее к югу, здесь мало заметны.

Пока происходила выгрузка и обычная приемка товара от самоедов, мы отправились на шлюпке в Маточкин пролив, но, проехав не более десяти верст, принуждены были вернуться, потому что весь пролив оказался загроможденным льдами, и пошли бродить по горам. Любители карабкаться по кручам, Сосновский и Чарковский полезли на ближайшую гору, вышиною около 2000 футов, с тем, чтобы непременно взобраться на самую вершину; я тем временем осмотрел находившиеся в становище постройки, самоедские чумы и их хозяйство и проехался на собаках.

Самоеды на Новой Земле не держат ручных оленей, так как с ними пришлось бы все время перекочевывать с места на место для пастбы, а потому для переезда по острову им служат исключительно одни собаки, которые впрягаются, или, лучше сказать, привязываются веревками к обыкновенным самоедским саням, какие употребляют самоеды для переездов на оленях по тундрам Мезенского и Печорского уездов: в сани впрягается обыкновенно 10—12 собак. Пока усаживаешься в эти крайне неудобные санки, собаки стоят смирно, но, как только возница возьмет в руки свою длинную палку, которою он указывает им направление и в

Становище в Маточкином Шаре

то же время немилосердно бьет тех, которые в чем-нибудь провинятся, все сразу вскакивают и стремглав, кусая друг друга и повиливая хвостами, с лаем бросаются в указанном направлении и несутся вперед, несмотря ни на камни, ни на рытвины или пригорки; впрочем, такая бешеная и шумная езда продолжается недолго, версты две-три, затем лай постепенно смолкает, хвосты перестают вилять и опускаются — и дальнейший путь уже продолжается умеренною рысцою.

Летом подобная езда очень неудобна, каждую минуту рискуешь опрокинуться и расшибиться о камни, тем более что управлять собаками, за отсутствием вожжей, нет возможности. Беда, если по пути собаки завидят песца или оленя; тогда ни крики, ни палка — ничто не помогает: они стремглав бросаются за зверем, и обыкновенно дело кончается тем, что санки опрокидываются, собаки перепутываются, а которым удастся оторваться, надолго пропадают, преследуя зверя. На Новой Земле собаки редко плодятся, а потому для пополнения их убыли с каждым пароходным рейсом доставляется из Архангельска около 60 собак. Привозятся собаки всевозможных пород, какие попадутся под руки; более нежные, холеные и слабые вскоре погибают; осталь-

Новоземельская упряжка

ные же через год-другой принимают один общий новоземельский тип — даже один и тот же серо-желтый цвет — и обрастают густою мохнатою шерстью.

Своих собак самоеды содержат очень плохо; о каком-либо правильном кормлении их нет и речи. «Пускай сами промышляют; ну, а нет промысла, так пускай грызут кости, вон их много валяется на берегу», — говорил мне самоед. Хороши эти кости — по большей части выброшенные морем позвонки тюленей, в которых осталась одна известь. Зато когда промысляют оленя или какого другого зверя, тогда люди и собаки приступают к общей трапезе, и самоед здесь ничего уже не жалеет для своих собак.

При нас привезли убитого дикого оленя. Тотчас возле чума собралась вся компания и приступила к пиршеству. Схватив зубами кусок мяса, самоед ловко обрезает его ножом над самым ртом, съедает и запивает кровью; мальчишки с собаками миролюбиво обгрызают с разных концов одну и ту же кость; кругом суетятся и тявкают остальные собаки, стараясь ухватить что-нибудь; тут же три белых медведя в возрасте 2—3 месяцев, которых, в знак особой признательности, самоеды подарили потом мне, воюют с собаками из-за брошенной им кости и не дают себя в обиду; ручной

Новоземельские собаки

юрский песок также прибежал за своею долею; все вымазались в крови, — вообще картина этого пира представляла довольно дикий и отвратительный вид.

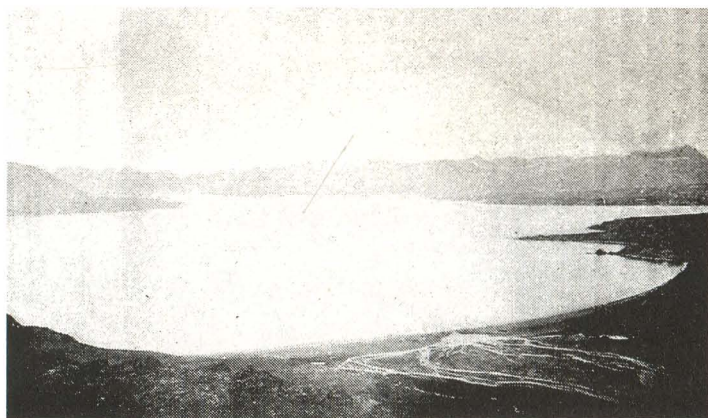
Все мы давно уже собрались на пароход и, конечно, не досчитываемся подполковника Чарковского, который, по обыкновению, забрался в самую что ни на есть трущобу. Мы знали, что он пытался взобраться на одну из соседних гор и с ним был также Сосновский, но последний, пройдя больше половины и видя, что дальше приходится уже ползти почти по отвесной круче, благоразумно вернулся назад. Оказалось, что Чарковский добился-таки своего. Прилагая всевозможные усилия, частью ползком, он добрался до вершины горы, причем, подползая уже под самый верх, заметил между прочим какой-то особенно ярко блестящий предмет; как ни трудно было до него добраться, он, однако, умудрился уцепиться за него, но оступился и покатился вниз, не упуская из рук трофея, который оказался большим, довольно чистым кристаллом горного хрусталя, вершка два длины и полвершка толщины. Он скоро справился и настоял на своем — взлез на самую вершину горы и, на память о своем там пребывании, сложил из камня довольно большого гурия. Хотя гора представляла собою почти правильную пирамиду и находилась у самой гавани, но нам все его проделки простым глазом не были видны; только

Вид на Новую Землю с горы Маточки

потом, когда он благополучно спустился с горы и рассказал нам свои похождения, мы в бинокль рассмотрели поставленного им гурия, казавшегося крошечною кучкою камня.

На Севере вообще существует обычай ставить на возвышенных местах пирамиды из камней, по местному выражению «гурии», или, еще чаще, большие кресты, в память разных событий и счастливого избавления от грозившей опасности. Эти пирамиды и кресты служат отчасти маяками для определения той или другой местности. Не считая могильных крестов, все берега Поморья, Мурмана и острова усеяны подобными памятниками; в становище Маточкин Шар стоит большой крест, поставленный князем Г. С. Голицыным в память посещения им Новой Земли; близ Малых Кармакул находятся пирамида и крест князя Н. Д. Голицына; на берегу Карского моря о. Иона водрузил крест с надписью: «Освятися и водрузися крест сей на поклонение православным христианам», в память уничтожения им на этом месте последнего идола. В воспоминание моего пребывания на Новой Земле и для указания морякам входа в Кармакульскую гавань сооружена на вершине скалы, при самом входе в гавань, большая пирамида из плитняка и на ней установлен девятиаршинный крест с надписью о времени его водружения. Крест сделали плотники, которых мы привезли с собою для возведения новых построек, а пирами-

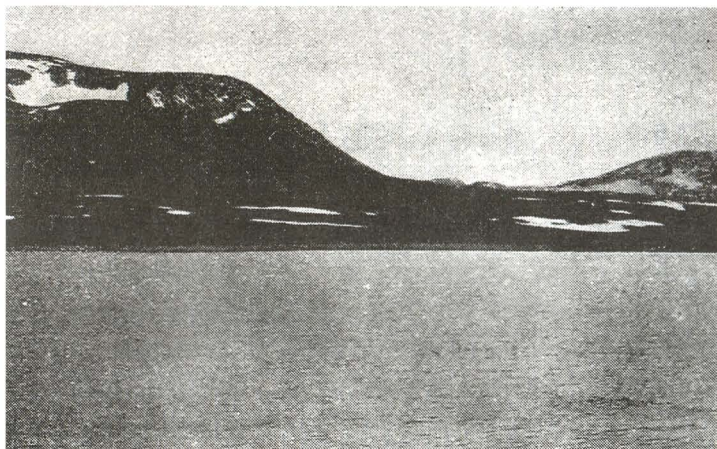
Вид Маточкина Шара с горы Чумовой

Вид Маточкина Шара из повой колонии

ду в течение двух дней строили 60 матросов с крейсера «Вестник». Лейтенант Жданко определил астрономический пункт и отметил на карте место постановки этого знака.

Возвратясь из Маточкина Шара, я перешел на крейсер «Вестник», на котором, согласно нашему плану, мы и отправились к устьям Печоры, обогнув Новую Землю. Командир крейсера, капитан 2-го ранга Ларин, любезно предложил мне помещение в своей каюте, а мои спутники, Чарков-

Гора Энгельгардта у Маточкина Шара

ский и Сосновский, разместились в офицерских каютах. Монотонную жизнь на крейсере разнообразили, развлекая команду своею вечною вознею и всевозможными проделками, черная медведица Машка, белый медведь и лайка. Черную медведицу месяцев трех Сосновский подарил каюткомпании еще в Архангельске. Машка совсем освоилась на пароходе: живая, большая проказница, она была общемою любимицею; лайку офицеры достали на Мурмане, а белого медведя я предложил им из числа тех, которые были мне подарены самоедами в Маточкином Шаре. Эта компания представляла полнейшую противоположность друг другу, напоминая собою лебедя, рака и щуку; но вместе все эти звери были очень забавны. В конце концов, навозившись вдоволь, они обыкновенно перессорятся и передерутся между собою. Машка тогда бросается на рей, где она неуязвима ни для лайки, ни для белого медведя, который по веревкам лазить не может; в свою очередь, белый медведь, когда ему приходится плохо, бросается в свою родную стихию — в воду, куда ни черный медведь, ни лайка за ним не смеют последовать; на палубе остается одна лайка, которая и принимается неистово лаять то на того, то на другого; ссора, впрочем, продолжается недолго, так как матросы быстро восстанавливают порядок, водворив всех по своим местам.

Вид Маточкина Шара с горы Маточки

Вскоре по уходе из гавани «Ломоносова» поднялся довольно сильный шторм. Помнится, я куда-то ездил на паровом катере и, возвращаясь к крейсеру, с трудом мог до него добраться; даже в гавани волны захлестывали в катер, и, подойдя к крейсеру, требовалось немало ловкости, чтобы не стукнуться об него и, уловив момент, вскочить на трап. В это самое время мы заметили, что по морю несется какое-то судно на парусах и, лавируя то в одну, то в другую сторону, старается, по-видимому, войти в гавань; одно время мы уже опасались за его участь, но, к нашему удивлению, оно лихо, на всех парусах, влетело в гавань, повернуло в сторону, отдало якорь, а через несколько минут его команда подъехала уже в лодке к крейсеру. Судно это оказалось поморской шкуною Воронина, ежегодно вот уже тридцать лет приходящей на Новую Землю для промысла белух, тюленей, гольца и т. д. Офицеры расхвалили поморов за ловкое и лихое управление шкуною, но те так сжились с морем и опасностями, что подобный шторм представлялся им явлением вполне обыкновенным. Впрочем, впоследствии нашим храбрецам пришлось испытать все ужасы крушения.

20 июля 1895 года, в тот самый день, когда страшным штормом в Маточкином Шаре сорвало с якорей крейсер «Джигит» и нанесло его на мель, где он едва не погиб, шку-

Гора Вильчека в Маточкином Шаре

на Воронина, стоявшая в заливе Рогачева, в Костином Шаре, потерпела аварию; дно, где стояла шкуна на якоре, оказалось из гладкого камня, якоря не держали, и шкуну выбросило на берег. Все, что можно было снять с судна, сложили на берегу, а команда, частью на лодках, частью пешком, с невероятными усилиями и лишениями добралась до Малых Кармакул, где, до прибытия парохода из Архангельска, ее приютили на спасательной станции. Хозяин судна Воронин потерял почти все свое состояние и не имел бы возможности вновь достроить шкуну и продолжать промысел, если бы на помощь ему не явился состоящий при с.-петербургском отделении Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству комитет для помощи поморам Русского Севера. Комитет выдал ему в ссуду 1600 руб., на которые, при даровом отпуске леса из казенных дач, Воронин в течение зимы успел выстроить новое судно, а с открытием навигации отправился снова на Новую Землю, где нашел в целости спасенные снасти от погибшей шкуны. Что касается груза, который состоял из 600 пудов сала и шкур, то большую часть его успели растаскать медведи, которые в этом отношении крайне дерзки и смелы. На Новой Земле, даже вблизи обитаемых становищ, медведи уничтожают все съедобное, конечно, если его плохо оберегают. В Кармакулах, напри-

Самоедский чум и его обитатели в Маточкином Шаре

мер, медведь однажды взобрался по сугробу на крышу здания, где живет фельдшер; к крыше этого дома прикреплен был для украшения череп оленя с рогами, который, вероятно, и привлек внимание медведя, и он, желая полакомиться олеиной, не задумался взлезть на крышу, но, найдя только череп и рога и предполагая, что самый олень находится под крышею, принялся ее разламывать. Это услышали жившие в доме люди, и медведь поплатился за свое нахальство жизнью. Так как медведь был убит при содействии чуть ли не всего населения становища и даже в присутствии о. Ионы, то шкуру его пожертвовали на церковь.

VII

Уход крейсера «Вестник» на Печору. — Во льдах. — На подводном камне. — Недостаток гидрографических исследований в северных водах России. — Опасение за участь транспорта «Бакан». — Отход крейсера на Печору.

16 июля мы вышли на крейсере «Вестник» из Кармакул и благополучно обошли Гусиный Нос, южную часть Новой Земли; но на пути к Печоре, на 70° параллели, нас сперва окутало туманом, затем температура быстро упала

до 0° и мы очутились в сплошных льдах. Насколько можно было видеть в бинокль и подзорные трубы — весь океан был покрыт льдом. Предполагая, что лед сюда нагнало через Карские ворота из Карского моря, так как все время господствовали северо-восточные ветры, мы повернули на юго-запад, рассчитывая, таким образом, обойти льды с юга. Так, вдоль льдов, прошли мы до самого Колгуева, но здесь льды упирались в самый остров, и прохода не было никакого.

Не теряя, однако, надежды обойти их, мы обогнули Колгуев с западной стороны — но и на южной стороне также оказался всюду лед. Таким образом мы бродили около льдов целых три дня; форсировать же проход и войти во льды, чтобы их пересечь, представлялось опасным, тем более что запас угля подходил уже к концу. «Вестник» может взять с собою 12 000 пудов угля, т. е. запас не более как на десять дней. В открытом море при попутном ветре крейсер пользуется своими парусами, но, когда приходится идти постоянно под парами, например вблизи берегов или, как в данном случае, вблизи льдов, запас угля быстро истощается. Если бы крейсер не сжигал такого громадного количества угля, то можно было бы, конечно, обождать несколько дней поблизости Колгуева — переменился бы ветер, лед разнесло бы по океану, и тогда можно было бы продолжать путь к Печоре; но при данных условиях оставалось одно — спешить в Архангельск. Так мы и сделали — и взяли курс прямо к Канину Носу. Но здесь, когда мы подошли настолько близко к берегу, что можно было простым глазом рассмотреть пасущиеся там стада оленей, произошел случай, который при иных обстоятельствах мог бы кончиться довольно печально: крейсер вдруг на полном ходу налетел на подводный камень и остановился.

Ни полный ход вперед, ни задний ход не могли его сдвинуть с места. К счастью, море было спокойно; тотчас спустили все шлюпки и тяжелый паровой катер, чтобы облегчить крейсер, но и это не помогало. Как оказалось потом, мы остановились во время отлива, так что крейсер постепенно, вместе с отливом, стало кренить набок; оставалась одна надежда на прилив. По сделанным вычислениям пришли к заключению, что с полной водою, т. е. часов через шесть,

«Вестник» сойдет с камня, который, при прозрачности воды, был даже виден. Тем временем офицеры занялись исследованием окружающей местности и наметили вехами путь, по которому крейсеру надлежало выйти в открытый океан, а я со своими спутниками, чтобы не мешать работе, взял шлюпку и драгу и наловил довольно много крабов и водорослей. С приливом крейсер выпрямился и затем свободно, без всякого толчка сошел с камня; все перекрестились — всем стало легко на душе. В данном случае едва ли можно было винить командира, штурмана или вахтенного офицера; правда, идти так близко от берега не было надобности, но карты показывали в этих местах достаточную глубину и о подводных камнях ничего не упоминали; а какой уж там приглубый берег, когда, отойдя на шлюпке каких-нибудь 20—40 сажен по направлению к берегу, можно было прекрасно разглядеть все дно и достать веслом камни, до берега же оставалось по меньшей мере еще с полверсты.

Беда вся в том, что у нас нет правильных карт, северные наши моря не обследованы и наши военные суда не посещают их; только в последние годы посылаются сюда по одному крейсеру в год. Когда военные суда будут почаше посещать Север, когда наши моряки изучат условия плавания в северных морях и будут произведены необходимые гидрографические исследования — тогда, конечно, подобных случаев повторяться не будет.

Опасность плавания в наших северных морях совсем не так велика, как об этом обыкновенно говорят; наши поморы шныряют на своих допотопных суденышках по всем направлениям, и крушения бывают сравнительно очень редки; пароходы товарищества Архангельско-Мурманского пароходства вот уже двадцать лет ходят по Белому морю и Северному океану, и за все время в пределах наших вод не было ни одного крушения.

Обойдя Канин Нос, мы затем благополучно прибыли в Архангельск, израсходовав весь запас угля до последнего пуда.

Таким образом, главнейшая цель моей поездки на крейсере — пройти к устьям реки Печоры, определить условия плавания к Печоре и исследовать фарватер на Печорском

баре — не только не была достигнута, но явились опасения за участь транспорта «Бакан», так как ни о нем, ни о поморской шкуне Антуфьева с запасом угля не было никаких сведений; возникали даже сомнения относительно возможности правильных постоянных пароходных сообщений с Печорой. Конечно, неудача на первых же порах могла бы надолго отодвинуть разрешение вопроса о пароходстве к Печоре. Поэтому было необходимо во что бы то ни стало выяснить окончательно положение дела.

С разрешения морского министерства крейсер, запасшись в Архангельске углем, снова пошел в океан по направлению к Печоре, имея целью прежде всего разыскать шкуну «Бакан», а затем уже, если представится возможным, исполнить совместно возложенное на них поручение обследования фарватера в ее устьях. Я же решил отправиться в Печорский край, имея в виду сделать по пути необходимые распоряжения об оказании помощи экипажу «Бакана», если бы это судно потерпело где-либо крушение, а затем все-таки добратсья, так или иначе, к устьям Печоры, куда в то же время, как ныне сделалось известным, отправился пароход купца Сибирякова «Норденшильд», на котором ехал сам хозяин, по пути в Сибирь. Я рассчитывал застать Сибирякова на Печоре, сговориться с ним и произвести необходимые исследования Печорского бара при содействии его парохода.

Печорский край

I

Из Архангельска в Мезень. — Мезенский уезд. — Пространство, население и промыслы. — Зимний берег. — Остров Моржовец. — Село Койда. — Тюлений промысел. — Город Мезень. — От Мезени до села Койнас. — Новая дорога и телеграф к Печоре. — Тиманский горный хребет.

Поехал я на Печору 26 июля — сперва морем в Мезень, затем от Мезени до с. Койнас, вдоль реки Мезени, на лошадях, а от с. Койнас, по вновь проложенной дороге, Тиманскою тайболою, через Тиманский горный хребет, в с. Усть-Цыльму на р. Печоре. Так как большую часть пути приходилось делать на лошадях, то я мог взять с собою только чиновника особых поручений Сосновского и Магому; остальным же моим спутникам, которые ездили со мною на Новую Землю, пришлось остаться в Архангельске.

Мезенский уезд занимает огромное пространство в 21 150 000 десятин; южная часть уезда покрыта лесом, а северная и северо-восточная части составляют Канинскую и Тиманскую, или Малоземельскую, тундры. Все население уезда состоит из 25 915 душ обоего пола; из них в Мезени проживает 1915 и в уезде 24 000 человек. Из общего числа жителей числится русских 24 440 душ и самоедов 1475 душ. Русские живут, главным образом, по берегам Мезенского залива и вдоль реки Мезени, а самоеды кочуют по тундрам.

Главное занятие жителей составляют: морской звериный промысел, рыбный промысел, лесная охота и заготовка и сплав леса к лесопильным заводам. В 1895 году результаты этих промыслов выразились в следующих цифрах: морских зверей убито 12 200 штук, на сумму 38 000 руб.; семги поймано 1730 пудов на 14 500 руб.; наваги — 13 500 пудов на 21 500 руб.; зверей и дичи добыто: зверей (в том числе преимущественно белки) 11 000 штук и птиц (белых куро-

патов, рябчиков и глухарей) 26 000 пар, всего на 14 500 руб.; заготовлено и сплавлено леса к заводам 102 000 бревен; за заготовку и сплав выручается крестьянами приблизительно, 60 коп. за бревно.

Так как часть леса заготавливалась по реке Мезени и ее притокам в Мезенском уезде, а часть в Вологодской губернии, то на долю крестьян Мезенского уезда приходится сравнительно меньшая часть; остальная сплавляется из Вологодской губернии местными зырянами.

Хлебопашеством, вследствие суровых климатических условий, население занимается очень мало, а ранние морозы в начале августа часто убивают посевы; сеется исключительно ячмень; между прочим, в 1895 году посеяно было 5800 четвертей и собрано 16 800 четвертей. Скотоводство, благодаря обилию поемных лугов, могло бы получить довольно широкое развитие. Знаменитая прежде порода мезенских лошадей — мезенок, происшедшая от помеси местных лошадей с лошадьми, выведенными сосланным сюда при Петре Великом князем Голицыным, и известная своею выносливостью и быстротою бега, теперь, к сожалению, постепенно вырождается. В настоящее время в уезде имеется 9100 штук рогатого скота, 4900 лошадей, 13 000 овец и 38 000 оленей.

Из Архангельска я отправился на пароходе Русанова «Обь», любезно предоставленном в мое распоряжение представителем фирмы Русанова Н. О. Шарвиным. Этот пароход принадлежал прежде купцу Сибирякову и, несмотря на небольшие размеры, плавал не раз к устьям р. Печоры, а в настоящее время поддерживает сношения между Архангельском и лесопильными заводами Русанова в устьях р. Мезени и в Кандалакшском заливе, в Ковде.

Обойдя восточный берег Белого моря, известный под названием Зимнего берега, мы вошли между островом Моржовцом и селом Койдою в Мезенский залив. Берега Мезенского залива составляют главное место для промысла морских зверей; сюда ежегодно, в феврале и марте, собирается от двух до трех тысяч промышленников, частью из Архангельского, но главным образом из Мезенского уездов.

Позднюю осень, в октябре и ноябре, приплывают из приполярных стран, преимущественно к Зимнему берегу

Мезенский промышленник на тюленя

Белого моря и к берегам Мезенского залива, огромные стада («юрова») тюленей («кожа»), иногда в несколько тысяч штук. Эти звери стремятся в Белое море и к другим заливам Северного океана за рыбою, которою они исключительно питаются и которая к осени уходит также из океана, ближе к берегам; затем тюлени остаются на зиму в тех же местах для деторождения. В феврале тюлени собираются на прибрежные льдины, где и производят на свет детей. Новорожденные звери не плавают в воде, потому что шерсть на них в это время слишком мягка и пушиста. Матери плавают неподалеку и своим теплым дыханием проделывают иногда продушины во льду, через которые выходят из воды. Первое время звери имеют чисто белый цвет и потому называются бельками. Через месяц белая шерсть выпадает клочками, почему их называют тогда хохлушками; затем начинает показываться плотная, гладкая, желто-серебристого цвета шерсть — и звери получают название серка. Серки уже могут плавать и покидают родителей. Через год серки называются серунами и только через два года делаются совсем взрослыми. Взрослый самец называется лысун, а самка — утельга. Они отличаются друг от друга тем, что у самца вдоль всего тела есть черные полосы, так называемые крылья, а у самок их нет. Все вышеупомянутые названия тюленей по возрастам относятся преимущественно к гренландскому тюленю, который составляет главный предмет промысла у наших северных берегов.

В апреле звери как бы отдыхают, и тогда их можно встретить в ясные солнечные дни на льдах огромными стадами. Обернувшись на спину и грея брюхо на солнце, они протаивают теплотою своего тела во льду как бы корыта, в которых лежат неподвижно целые дни. В начале мая они уплывают вслед за своими детьми в океан.

Всего чаще встречаются следующие породы тюленей:

Нерпа или обыкновенный тюлень (*Phoca vitulina ufoetida*), длиной от 1½ до 2 аршин, с него получается сала 2—3 пуда.

Гренландский тюлень (*Phoca groenlandica*), длиной 2—2½ аршина, дает сала 4—6 пудов.

Значительно реже встречаются:

Морской заяц (*Phoca leporina*), длиной около 3 аршин, сала дает 6—10 пудов, и

Тювяк (*Phoca cristatus monachus*), длиной до 4 аршин, сала дает около 10 пудов.

Охота на этих зверей представляет немало опасностей и требует много смелости и ловкости; промышленникам приходится иногда забираться далеко в море, переходить с одной льдины на другую, чтобы добраться до зверя; при этом они тянут за собою лодку, потому что лед часто ломает ветром и волнением. Лодки приспособлены так, чтобы их было удобно тащить по льду, для чего ко дну с каждой стороны приделываются полозья, так что лодка в то же время служит и санями. Но и лодки не всегда спасают промышленников — случается, что поднявшийся ветер уносит их на льдинах в открытый океан. Постоянная опасность в борьбе с бурным морем, с суровым климатом развила у наших северных промышленников-поморов решительность, энергию и предприимчивость и выработала в них дух взаимопомощи. Помор не боится опасности и всегда готов выручить из беды товарища, несмотря ни на какие опасности. Белков бьют обыкновенно палками с железным на конце крючком, а больших зверей стреляют из винтовок. В прошлом году я выписал из Главного артиллерийского управления 100 берданок кавалерийского образца и роздал их промышленникам, которые с тех пор не нахвалятся ими. Те, у кого не было берданок, жаловались мне, что им приходится теперь, с их прежними винтовками,

совсем бросить промысел, и просили достать и для них берданок. «Подползаем мы, — рассказывали они, — со всякими хитростями и с большими трудами к зверю, а те, что с берданками, смеются, стреляют издали и перебьют зверя; зверь выстрела не боится — ему кажется, что это трещит лед; а стреляют берданки метко, бьют зверя наповал, так что не спугивают соседей — те ничего и не замечают».

Требую значительных затрат на организацию, этот промысел подвергается частым случайностям и, с лихвою вознаграждая в иной год затраты и труд промышленника, приносит в другой раз только убытки. Больше всего успешность промысла зависит от направления ветра во время промысла; при юго-западном ветре лед обыкновенно отрывается от берегов и вместе с зверем уносится в океан; напротив, при северо-восточном ветре промысел большею частью бывает очень удачный.

Далее за с. Койдою, по берегу Мезенского залива, расположено с. Долгощелье на реке Кулое и с. Семжа. Жители этих сел, кроме охоты за морским зверем, занимаются преимущественно рыбною ловлею: в августе и сентябре ловлею семги и нельмы, которые заходят из океана в реки для метания икры, а в ноябре и декабре — ловлею наваги.

Приближаясь к устьям р. Мезени, я заметил, что мы стоим почти на одном месте, несмотря на то что пароход шел полным ходом. Отливное течение здесь неимоверно сильно; вода несется со страшною быстротою, наносит целые горы песку и постоянно изменяет таким образом фарватер; она представляет какую-то грязно-желтую жидкость, а после отстоя в ведре оказывается целая треть песку. Прилив достигает 25 футов, так что там, где в полную воду свободно проходят пароходы, после отлива, иногда на огромном расстоянии, видна песчаная отмель. Плавание в устьях Мезени представляется крайне опасным; нередко случается, что пароход, застрявший во время отлива, в течение нескольких часов совсем заносится песком. Причина такого явления объясняется сильным напором приливной воды от севера и стеснением ее в горле Белого моря.

В устьях р. Мезени расположены два лесопильных завода: Русанова и К° и мезенского купца Ружникова. К этим

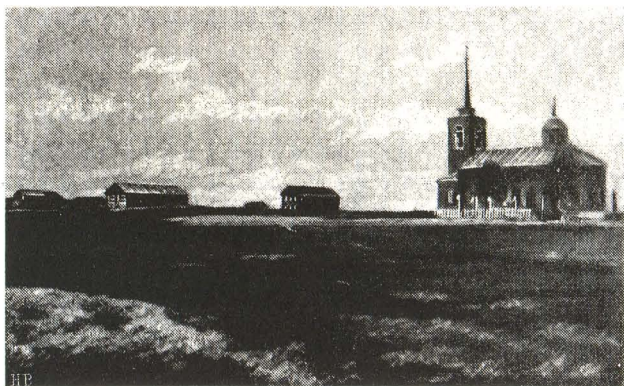
В устьях реки Мезени

заводам лес сплавляется по р. Мезени и с ее притоков, частью из Архангельской, частью из Вологодской губерний; на заводах распиливается около 100 000 бревен в год на доски, которые отправляются за границу, обыкновенно в Англию.

Осмотрев завод Русанова, я прошел в соседнюю с заводом тундру. В это время года тундра представляет оригинальную картину. Как раз поспевали ягоды, и вся тундра, насколько видно было глазу, имела вид ярко-пестрого, бесконечного ковра из ягодника, покрытого бесчисленным количеством ягод всяких цветов: оранжевой морошки, красной брусники, синей голубицы и черной вороницы. Особенно выделялась ярко-золотистая крупная морошка, которая в этом году была особенно урожайна и вкусна. На каждом шагу вылетали белые куропатки, которые в изобилии водятся в тундрах Мезенского и Печорского уездов.

Далее, до Мезени, верст 25 мы проехали на лодках.

В Архангельской губернии все уездные города вообще невзрачны, но из них печальнее всех Мезень; в губернии пайдутся многие села значительно богаче, благоустроеннее и многолюднее этого города. Уездным городом Мезень сделана в 1780 году; бывшее до того времени на этом месте поселение именовалось Окладникова слобода; она основана была в XVI веке выходцем из Новгорода Окладниковым. В городе нет, кажется, ни одного каменного здания, да и деревянные как-то обветшали и смотрят уныло.

Миссионерская церковь в селе Пеше

Посещение присутственных мест заняло немного времени, и на другой же день мы продолжали путь в сопровождении исправника и чиновника по крестьянским делам Попова; ему была поручена постройка новой дороги на Печору в пределах Мезенского уезда, по которой нам предстояло проехать.

Почтовая дорога от Мезени до станции Большенисогоры, где она поворачивает на Пинегу, очень хороша, как и все вообще большие почтовые дороги в Архангельской губернии. Мне редко приходилось видеть в других губерниях, чтобы почтовые дороги содержались в таком порядке, как в Архангельской, несмотря на болотистую преимущественно почву. Правда, при громадных здешних расстояниях хорошие дороги представляют вопрос первостепенной важности, притом их и немного: так называемые столичные, т. е. петербургская — из Архангельска на Холмогоры, с. Сию и далее до границы Олонецкой губернии, и московская — от с. Сии на г. Шенкурск, до границы Вологодской губернии. Кроме «столичных» дорог, существуют еще две, соединяющие Архангельск с уездными городами, — одна от Холмогор на г. Пинегу и г. Мезень, а другая — от Архангельска до г. Онеги. По всем этим дорогам зимою после каждой метели проходят треугольниками, а в тех местах, где можно ожидать снежных заносов, устраиваются защиты; поэтому почти всюду можно проехать тройкою в ряд, и по дорогам

Город Мезень

почти не бывает ухабов; все болотистые места сплошь замощены бревнами, поверх которых сделана насыпь из песка; обрывы ограждены перилами, а мосты и переправы содержатся в порядке.

От ст. Болшенисогоры до с. Койнас путь наш шел по проселку, который, впрочем, в настоящее время уже обращен в почтовую дорогу, значительно расширен и постепенно приведен в надлежащий вид; в то же время, когда я проезжал там, он представлял что-то совсем первобытное, ничуть не похожее даже на самые отвратительные дороги, например в Центральной России, с которыми мы давно уже свыклись; довольно сносно можно было ехать только по тем местам, где, собственно говоря, никакой дороги не было — вдоль реки, по плотному песку, или по заливным лугам; но где значилась дорога, там приходилось скакать по камням, пням и корням, тащиться по топям, ехать у самого обрыва по берегу реки, взбираться на многоярусные горы и спускаться по кручам. На таких крутых спусках всегда заготовлены заранее колья, которые закладываются в оба задних колеса телеги, а то просто привязывается к ней сзади целое сосновое или еловое дерево, служащее тормозом. Все это, впрочем, понятно, так как местным жителям дороги почти не нужны: по ним они никогда не ездят. Все поселения расположены исключительно по берегам реки Мезени и по некоторым ее притокам, и, если кому нужно перебраться из одной

деревни в другую, тот едет на лодке. Впрочем, летом и разъезжать некому, потому что все мужское население находится на промыслах, а гужевое движение, перевозка товаров на ярмарки и в города производится исключительно по зимнему пути, который прокладывается также по рекам для того, чтобы избежать неприятных переездов по горам. Вдали от рек, в глуши лесов, нет никаких поселений; следовательно, и ехать туда незачем, ни зимой, ни летом; в лесах бродит только охотник да кочуют самоеды со своими оленями, которые перевозят их по болотам и тундрам во всякое время года — летом и зимою, все в тех же самоедских саночках.

От г. Мезени до с. Койнас мы ехали все время вдоль реки Мезени. Гористые, обрывистые берега ее довольно живописны и тянутся бесконечною, красною или белую лентою, покрытою зеленью мхов; они состоят преимущественно из плотного красного мергеля, а местами из белого выветрившегося известняка. Села встречаются довольно часто, и многие из них носят названия, вероятно, по цвету прибрежных обрывов, как, например, Белошелье, Красношелье, Палошелье и т. д.

Река Мезень довольно широка, но усеяна мелями, порогами и перекатами, так что неудобна для плавания значительного размера судов, и нам несколько раз приходилось ее переезжать в больших плоскодонных лодках, на которые устанавливалась телега и лошади. Сначала как-то жутко было ехать на таких лодках без бортов — от воды до борта оставалось не более 2—3 вершков, — так и казалось, что стоит лошади пошевелинуться и несколько накренить лодку — и кувырнешься в воду; но привычные к таким переездам лошади стояли смирно. Я видел, что на таких же лодках перевозили на другую сторону реки, на пастбища, вплотную уставленных коров.

По реке все время проносились стаи самых разнообразных пород уток и раздавался резкий, несмолкаемый крик гагар.

Чем далее мы подвигались, тем чаще по берегам попадались лиственницы — сперва отдельными деревьями, а после целыми группами. В южной части Мезенского, Пинежского и Печорского уездов лиственницы разбросаны по всем

Город Мезень. Собор

лесам; особенно же много их по берегам рек. Стройные, почти без сучьев до самой вершины, лиственничные деревья достигают здесь высоты 10—15 сажен. К сожалению, это превосходное, твердое и гладкое дерево не имеет пока никакого сбыта. Древесина лиственницы так плотна, что спилить или срубить ее очень трудно, и, кроме того, лиственничное бревно тонет в воде, а потому сплавлять его можно только на плотках из других древесных пород. Для жилых построек лиственница не годится, потому что на открытом воздухе, на солнце и от тепла дерево лопается и в стенах образуется множество щелей. Одно время лиственница требовалась на подкладку, под обшивку броненосцев, ввиду свойства лиственничного леса сохраняться веками в воде и земле. Пока для лиственницы не будет найдено какого-либо более широкого применения, нашим прекрасным лиственничным лесам придется произрастать бесполезно.

Село Койнас — последний населенный пункт перед Печорою; отсюда до Усть-Цыльмы, на протяжении 250 верст предстояло ехать по глухой тайболе, где, кроме вновь выстроенных станционных домиков, нет ни одного жилья.

Первая половина новой дороги, в пределах Мезенского уезда, от с. Койнас до ст. Барковской на границе Печорского уезда оказалась вполне удовлетворительною. Просека через лес сделана на 6 сажен, а самое полотно дороги

Мезенские типы женщин

занимает 3 сажени; верхний моховой слой на полотне снят, пни и корни выкорчеваны, по болотистым местам проложены гати; станционные домики, в общем, довольно удобны и поместительны. Всех станций пять: Косамская, Нижнесульская, Фоминская, Верхнесульская и Барковская, — расстояние между соседними станциями равняется приблизительно 25 верстам. Фоминская станция находится на высоте 3000 футов над уровнем моря; отсюда начинаются отроги Тиманского горного хребта и водораздел реки Мезени и реки Печоры. Над устройством этой дороги чиновнику по крестьянским делам Попову пришлось немало потрудиться. Все лето, целых три месяца, он провел на дороге, проживая большею частью в палатке. При помощи местных промышленников-охотников он лично производил изыскания пути, стараясь по возможности обходить болота и горы и в то же время не удлинять дороги. Благодаря заботам и трудам г. Попова, дорогу удалось окончить в два года, несмотря на все трудности и на исключительно неблагоприятные условия — каменистую, болотистую почву и отсутствие рабочих, которых приходилось вывозить за несколько сот верст и доставлять для них продовольствие. При этом постройка дороги обошлась сравнительно недорого: всего около 120 руб. верста, вместе со станционными домиками,

Мезенские типы

мостами и проч. Почти все станции расположены по берегам речек, где встречаются довольно удовлетворительные луга, с которых собирают сено в достаточном для прокорма станционных лошадей количестве. Большая часть содержателей этих станций переселилась сюда со своими семьями; они деятельно принялись за разделку лугов и начали даже посев ячменя, урожаи которого более чем удовлетворительны для этой местности. Дичи кругом — глухарей, тетеревов, рябчиков, белых куропаток и зайцев — изобилие; в каменистых, порожистых речках множество рыбы из породы форелей и сигов, так что со временем вокруг этих станций образуются, вероятно, целые поселки. Нередко нам приходилось видеть по дороге тетеревов и куропаток, которые при нашем приближении вовсе не думали улетать, и мы успевали выйти из телеги и достать ружья; даже после выстрела многие из них преспокойно усаживались на ближайшие деревья.

На одной из станций — кажется, Нижнесульской — ко мне явился старик-крестьянин с жалобой на беду, которая стряслась с ним.

«Живу я здесь, — говорил он, — поблизости от станции, верстах в двух, лет уже 30 будет. Переселился сюда с семейством из с. Койнас, построил дом, расчистил лес под луга и пашню, завел скот. Дичи в лесу и рыбы в речках доволь-

но, всегда можно добыть сколько нужно, — так что жил без нужды; сыновья ходили на промысел за белкою, росомахой и медведями. Раз в год отправлялись мы в Койнас, а то и в Мезень или Пинегу, на ярмарку. Проберемся туда, сбудем добытые шкуры зверей, привезем с собою муки, что нужно из одежды и прочего по хозяйству, справим дела и волости, повинности, какие следует, отдадим — и опять домой.

Но пришел наш дом в ветхость, и вот задумал я в прошлом году построить новый. Сделал заявку в волость, просил взять, какие следует, в казну деньги, но их не приняли, объявив, что нужно дозволение от лесничего. Делать нечего — сходил в Мезень (за 300 верст) к лесничему, чтобы выправить билет, да на беду не застал лесничего дома; попросил тогда знакомого обхлопотать, что требуется по закону, а сам, вернувшись домой, приступил к рубке леса и заготовил 42 бревна».

Надо заметить, что крестьянам Архангельской губернии земельные наделы еще не отведены и не отграничены; крестьяне свободно пользуются землями, которые они теперь возделывают, и вправе производить новые расчистки леса под пашни и луга. Затем все незанятые земли, в том числе и лес, составляют собственность казны. Лес отпускается крестьянам на домашние надобности по особой таксе, которая очень умеренна и сама по себе вовсе не обременительна, но неизбежные при этом формальности — по отводу мест для рубки, получению билетов, освидетельствованию вырубленных лесных материалов — создают много хлопот и отнимают нужное время, в особенности если принять во внимание громадные пространства между селениями и от места пребывания лесных чинов и громадные районы лесничеств, вверенных одному лицу. Само собою разумеется, что при таких условиях население нередко уклоняется от легального приобретения леса, не столько из-за того, чтобы избежать уплаты следуемых за него денег, сколько во избежание проволочек и непроизводительной траты времени. В результате возникают постоянные недоразумения между лесною стражею и населением и множество дел по нарушению лесного устава. Между тем пользование лесом имеет для жителей Архангельской губернии особенно важное

Пинега. Никольская ярмарка

значение: суровые климатические условия требуют более солидной постройки жилых и хозяйственных помещений, а продолжительная зима — заготовки большого количества топлива. Поэтому весьма важно, чтобы лесные материалы доставлялись населению без особых затруднений, тем более что глубокие снега, холод, продолжительность рабочего дня и количество необходимых лесных материалов требуют и без того большой затраты труда и времени. Весь лесной сбор за лесные материалы для домашних надобностей с крестьян Архангельской губернии не превышает 16 000 руб. в год по всей губернии, а потому казалось бы, что этот сбор было целесообразнее разложить на крестьян в виде общего лесного налога, предоставив им свободное пользование лесом для домашних потребностей из ближайших лесных дач, или отвести им особые лесные участки. Лишнего никто рубить не станет уже потому, что самая вырубка и вывозка достается нелегко. Насколько мне известно, вопрос о пользовании крестьян лесом на домашние надобности в настоящее время уже возбужден и разрабатывается в лесном департаменте. Окончу рассказ злополучного крестьянина.

«Так вот, случился у нас лесной пожар. И прежде бывали, конечно, пожары, но, когда дороги еще не было, лесничий о пожаре не знал, да и добраться ему до нас не было возможности. А тут чиновник по крестьянским делам, который был на работах при дороге, рассказал лесничему о пожа-

ре, да еще похвалился, что потушил его своими рабочими. Спустя некоторое время приезжает лесничий, остановился у меня и видит заготовленные мною бревна. „Покажи, — говорит, — билет“. А у меня никакого билета нет. Я объяснил, что ходил к нему за билетом и в волости объявлял. Но он этого в резон не взял, а составил акт и сказал, что с меня за самовольную рубку взыщет штраф в 76 руб., срубленные же бревна заарестовал, сдал мне их на хранение и больше рубить не велел. Тем временем хата валится, зиму негде будет жить, да и штрафа заплатить не могу, не продав последнего имущества».

Вот один из многочисленных примеров тех неудобств, которые представляют существующий порядок пользования лесом. За вырубленный крестьянином лес, по таксе ему пришлось бы заплатить всего по 4 коп. за бревно, следовательно, 1 руб. 68 коп.; а тут одного штрафа 75 руб., заарестование нарубленных бревен, приостановка необходимой постройки и, пожалуй, полное разорение, несмотря на то что крестьянин хлопотал, ходил за 300 верст, исполняя требования закона.

В этом случае, положим, все обошлось благополучно, — я разрешил крестьянину приступить к постройке, рассказал управляющему государственными имуществами обстоятельства дела, и, по его распоряжению, дальнейшее производство дела о штрафе было прекращено.

Совсем другую картину представляет вторая половина дороги по Печорскому уезду. Как оказалось, печорский исправник, на которого была возложена постройка дороги, лично не производит изысканий, положился на командированного им урядника и вырубку просеки и корчевку леса сдал подрядчикам, а сам занялся постройкою ближайших к Усть-Цыльме станционных домов. Подрядчики из личных, конечно, выгод выбирали для дороги места, где лес был помельче, по тундрам и болотам, тогда как, напротив, дорогу следовало вести там, где лес крупнее, что указывало бы на более плотную и сухую почву; работы по устройству самого полотна производились, по-видимому, без всякой системы и без заранее обдуманного плана — больше напояз. В результате вышло то, что станции были постро-

Мезенский охотник с собакою лайкой

ены с излишнею роскошью, на них была потрачена бóльшая часть ассигнованных денег, а дорога оказалась никуда не годною.

Всех станций здесь шесть: Вальская, Фатеевская, Мыльская, Усинская, Усть-Усицкая и Волочек, на левом берегу Печоры, против Усть-Цыльмы, которая расположена на противоположном правом берегу.

Переезд по этой половине дороги был крайне труден и утомителен. Лошади вязли по брюхо в моховом болоте, потому что гати если и были устроены, то затонули в этих топких местах; там же, где кончались болота, подымались высокие скалистые горы. Например, между Фатеевскою и Мыльскою станциями дорога пролежала по сплошному горному кряжу Тиманского хребта, причем на всем протяжении этой станции пришлось перебираться через 16 гор, по крутым спускам и подъемам. Казалось бы, что тут-то уже не должно быть болотам, между тем, только что взберешься на гору, а там, наверху, опять завязнешь в тундре; к довершению всего, на нас нападали тучи комаров, оводов и других наскомых.

Однако как ни плоха была дорога, но меня все же поразило, когда на одной из станций, просматривая книгу, я заметил, что почта прошла один перегон в 23 версты за 16 часов. «Почему это? — спрашиваю содержателя станции. — Дорога, правда, плоха, но все же ехать 23 версты 16 часов много.

Телега, что ли, сломалась?» Содержатель несколько замаялся, но затем объяснил, что в действительности перегон проехали в 3—4 часа, но, когда прибыли на станцию, почтальон прилег на лавочку и заснул как убитый. Разбудить его не было возможности — так он и проспал 12 часов подряд. Чтобы ему не отвечать перед начальством, содержатель станции записал, что ехали 16 часов. Из дальнейшего выяснилось, что один и тот же почтальон сопровождает почту от Мезени до Усть-Цыльмы с лишком 500 верст, во всякую погоду, не отдыхая ни днем ни ночью, а дорога такая, что на пути в телеге не заснешь. Немудрено, что разбитый и несколько дней не спавший почтальон сваливался наконец, как сноп.

Неудобства дороги и мучения, которые мы испытывали от комаров, сглаживались до некоторой степени тем интересом, который представляла собою местность: шумные порожистые речки, многоводные реки Мылва, Цыльма и, наконец, Печора, своеобразные горы, местами прекрасный сосновый бор и лиственничный лес. Но всего более ободрило меня известие, посланное мне навстречу с нарочным из Усть-Цыльмы, что крейсер «Вестник», транспорт «Бакан» и шкуна с углем благополучно прибыли к устьям Печоры и что в Усть-Цыльме меня ждет частный пароход чердынского купца Черных. Я тотчас же отправил с нарочным извещение об этом в Архангельск, по телеграфу, с ближайшей — правда, за 300 верст — телеграфной станции в Большенисогорах. Все наши невзгоды были забыты, и мы весело продолжали путь.

Между прочим, интересна была одна встреча. Идет по дороге мужик, а за ним, с бляхой на груди, тщедушная бабенка: встреча в такой глуши с человеком вообще дело исключительное. Спрашиваем: кто, куда и зачем? Оказывается, баба, изображая собою десятского, ведет здорового мужика-арестанта, который препровождается в тюрьму в Мезень; она должна сдать его ближайшему полицейскому десятскому, а этот ближайший полицейский чин находится в Койнасе, т. е. в 250 верстах, которые баба, без всякой опаски, идет себе с арестантом в безлюдной тайболе, по невозможной дороге.

В Архангельской губернии, в Поморье и других отдаленных местах, где на лето все мужчины уходят на промыслы,

которыми исключительно живет население, нет никакой возможности удержать в это время на службе сельских должностных лиц, исключая разве волостных старшин, которые получают за свою службу жалованье. Поэтому издавна установился обычай, что женщины исполняют служебные обязанности за своих мужей или братьев и надевают при этом на себя их служебные знаки. Надо отдать им справедливость — службу несут они добросовестно и, во всяком случае, не хуже, если даже не лучше мужчин.

Узнав, что я губернатор, баба-десятский обратилась ко мне с просьбою, нельзя ли ее освободить от дальнейшего сопровождения арестанта до Койнаса, объясняя, что арестант ведь и один найдет дорогу и она уже предлагала ему взять у нее пакет, с которым он препровождался, и самому явиться с ним куда следует; но он не соглашался, говоря, что арестанту одному идти не полагается и его должен сопровождать десятский. Я распечатал конверт — арестант оказался не из важных. Поэтому я отпустил бабу-десятского и, передав арестанту бумагу, сказал ему, чтобы он отправлялся в Мезень один и явился в полицейское управление, да по дороге не засиживался бы, а спешил в Мезень, не то придется дольше сидеть. «Слушаю-с, — отвечал арестант, — беспременно буду поспешать, самому не расчет мешкать. Благодарю покорно, а то с бабами да с провожатыми все задержка». Впоследствии я справлялся, пришел ли арестант своевременно в Мезень. Оказалось, что по дороге он уже нигде не требовал десятских для сопровождения, а явился прямо в полицейское управление и подал пакет. «А где же арестант?» — спросили у него. «Я самый и есть», — отвечал он изумленному чиновнику и тут же рассказал о встрече со мною.

Наконец добрались мы до реки Печоры, которая у Усть-Цыльмы имеет в ширину более двух верст; мы ее переехали в большой лодке под парусами и прибыли в Усть-Цыльму, сделав переезд в 250 верст по новой дороге в четверо суток.

В настоящее время эта дорога не представляет уже тех неудобств, которые пришлось нам испытать. После моего проезда были приняты меры к приведению ее в порядок,

произведены новые изыскания, болота и горы по большей части обойдены и гати укреплены, так что почта из Усть-Цыльмы в Архангельск ходит летом и зимою, по утвержденному расписанию, не более 7 дней. Наконец, по той же дороге проведен телеграф, и с октября 1895 года Усть-Цыльма соединена уже с общео телеграфною сетью Империи.

II

Печорский уезд. — Пространство. — Реки и озера. — Минеральные богатства. — Ухтинская нефть. — Усть-Цыльма. — Ижма. — Мохча. — Пустозерск. — Население.

Печорский уезд Архангельской губернии занимает громадную площадь в 25 931 000 десятин. С севера он граничит с Ледовитым океаном, с востока — Уральскими горами, с юга — с реками Ухтою и Вешью, и, наконец, с запада граница, отделяющая его от Мезенского уезда, проходит по Тиманской тундре.

Северная часть уезда, образуя огромное равнинное пространство, представляет собою необозримую тундру, местами покрытую мелким лесом, а по большей части мхами и мелким ивняком. На запад от реки Печоры расположена Тиманская, или Малоземельская, тундра, а на восток от Печоры до Уральских гор — Большеземельская. Тундры эти прорезываются горными хребтами. От верховьев рек Пезы и Цыльмы довольно значительный хребет гор, известный под названием Чайцынского камня, пересекает Тиманскую тундру. Между системами рек Мезени и Печоры, почти параллельно Уралу, тянется Тиманский горный хребет. В северо-восточной части уезда от северной оконечности Урала отделяется горный хребет Пай-Хой. Южная же часть Печорского края в большей своей части представляет равнину с весьма незначительными холмистыми пространствами. Тиманский хребет, составляющий западную границу Печорского края, в северной своей оконечности состоит из огненных пород — гранита и роговообманкового сланца; к югу — из девонского песчаника и мергеля. В окрестностях встречаются в изоби-

Северный Тиман. Водопад на реке Суле

лии серый колчедан, лигнит и небольшие залежи свинцового блеска, а в разрезах южного склона Тиманских гор находится горючий сланец — доманик, представляющий собою известково-глинистый шифер, пропитанный минеральными смолистыми веществами. По реке Ухте он образует обнажения, площадь которых простирается на 14 верст в ширину и на 250 в длину. По обеим сторонам доманика лежат девонские пласты, состоящие из зеленоватых и сине-сероватых мергелей и песчаников, содержащих слюду.

По реке Ухте, в 45 верстах от впадения ее в реку Ижму, встречается нефть, которая, по местным преданиям, добывалась еще в прошлом столетии одним московским купцом, имевшим здесь даже завод. В последние годы по реке Ухте были произведены изыскания нефти екатеринбургским купцом Галиным, которым сделаны многочисленные разведки и которому правительство предоставило значительные льготы для разработки нефти. Залежи ее расположены на водоразделе рек Печоры, Камы и Западной Двины, представляющих удобные пути для сплава нефти по всем направлениям.

Ископаемые богатства Печорского края не ограничиваются одною нефтью. Медные руды встречаются по реке Цыльме и ее притокам. Попытки разрабатывать медную

Западный склон Чайцынского камня

руды были уже во времена Иоанна Грозного. В позднейшее время купец Рязанцев производил разведки по Цыльме в 1839 и 1841 годах. Поверенный Рязанцева присылал ему много ящиков с прекрасною рудою, но дело вперед не подвигалось, и в конце концов Рязанцев убедился, что поверенный его обманывал. В конце 1860-х годов архангельским губернатором была организована комиссия для исследования рудных месторождений Печорского края. Между прочим, комиссия описывает одну местность, в 165 верстах от Усть-Цыльмы, в 5 верстах от речки Рудянки и в 20 верстах от притока Цыльмы Космы, где ясно заметны следы существовавшего завода. Местность эта представляет отлогий берег, который сажень на восемь состоит из мергелей; на нем видны следы старых работ. Срубы колодцев совершенно сохранились. В народе до сих пор ходит предание, что в давние времена здесь работал немецкий рудокоп с московскими людьми. Серебряных руд комиссия здесь не встретила, но нашла много медной руды в уступах береговой террасы. Руда эта, по словам комиссии, содержит до 50% металла⁸. В истоках реки Сулы встречаются небольшие залежи свинцового бле-

⁸ В 1896 году было приступлено уже к разработке этих руд.

Река Ижма, приток Печоры

ска, содержащего серебро, и медные руды. Резюмируя свои исследования в Печорском крае, комиссия пришла к заключению, что минеральные богатства Тиманских гор заслуживают полного внимания. Впоследствии, в 1890 году, геологические исследования Тиманского хребта произведены были горным инженером Ф. Н. Чернышевым.

Главным водным путем всего Печорского края служит река Печора, — длина всего ее течения простирается до 2000 верст. Более значительные притоки Печоры, впадающие в нее с правой стороны: река Илыдь, длиною около 400 верст, очень порожнистая, река Щугор, длиною около 400 верст, и река Уса, длиною более 500 верст; все они берут начало в Уральских горах. С левой стороны в Печору впадают: реки Мылва, длиною около 300 верст; река Кожва, длиною более 200 верст; река Ижма, длиною до 500 верст, имеет много порогов; и река Цыльма, длиною около 200 верст, также порожнистая.

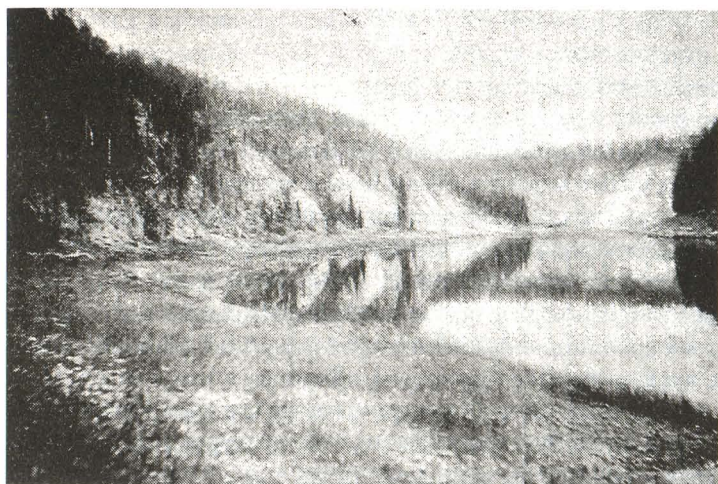
Печора судоходна на протяжении около 1300 верст, начиная от Якшинской пристани; навигация начинается со второй половины мая и кончается в сентябре. В пизовьях Печора образует много островов, которые произошли вследствие изменения направления течения реки.

Из множества озер, которые встречаются как в южной, так и в северной части Печорского края, более замечательны в Тиманской тундре: Урдюга, Индижские озера и Ям-озеро. Все эти озера изобилуют рыбою.

Перевозка грузов по реке Печоре производится на одномачтовых, лодкообразных, довольно значительной величины судах, называемых каюками, из которых некоторые поднимают до 7000 пудов.

В начале 1880-х годов по Печоре стали ходить и буксирные пароходы, принадлежащие чердынским крестьянам — Черных и Суслову.

Административный центр Печорского уезда — с. Усть-Цыльма расположено на правом берегу реки Печоры, при впадении в нее реки Цыльмы. Здесь сосредоточены все правительственные учреждения: полицейское управление, казначейство, почтовое отделение, а ныне — телеграфная станция и больница; здесь же имеют местопребывание чиновник по крестьянским делам, мировой судья, он же судебный следователь, акцизный надзиратель и уездный врач. Основание слободки Цыльмы, как видно по двум сохранившимся грамотам, относится ко временам Иоанна Грозного. В настоящее время с. Усть-Цыльма растянулось почти на 3 версты, имеет более 1000 строений, с населением около 4000 душ, превышающим по численности любой из уездных городов Архангельской губернии. Такая скученность населения свидетельствует, что село это — естественный географический центр всего Печорского края. Впрочем, в торгово-промышленном отношении первенство пока остается за селом Ижмою, лежащим на реке Ижме, в 100 верстах от впадения ее в Печору. На противоположном берегу реки Ижмы, против села Ижмы, расположено село Мохча, где находится волостное правление и имеют местопребывание чиновник по крестьянским делам, мировой судья, сельский врач и становой пристав. Таким образом, села Ижма и Мохча являются вторым значительным центром в уезде. Население этих сел, взятых вместе, превышает 5000 душ. Река Ижма судоходна только в полную воду, а потому эти села, по своему географическому положению находящиеся в стороне от главной артерии края реки Печоры, не представ-

Река Мыла, приток Цдыльмы

ляют в торгово-промышленном отношении тех выгод, как село Усть-Цдыльма. Между тем в настоящее время торговая деятельность этих сел весьма значительна; последнее объясняется тем, что эти села служат центром зырянского населения, в руках которого сосредоточены значительные капиталы и вся торговля края.

Затем, некоторый исторический интерес представляет собою бывший городок Пустозерск, расположенный в 20 верстах от реки Печоры, на озере Пустом, от которого он и получил свое название. Неприглядна и уныла местность вокруг Пустозерска: господствующими здесь постоянно северными и западными ветрами насыпаны песчаные холмы, а на восток тянется бесконечная пустыня-тундра. Пустозерск основан в конце XV века, когда была построена крепостца-острог, куда посылали ратных людей для защиты края от нападений самоедов, которые в те времена представляли довольно воинственный народ и напирали из-за Урала. Впоследствии Пустозерск сделался местом ссылки; так, сюда были сосланы в 1659 году известный раскольничий протопоп Аввакум и затем, в 1676 году, «ближний боярин, царския печати и государственных посольских дел оберегатель» Артамон Сергеевич Матвеев, который

в 1682 году был вызван в Москву, где ему возвратили все прежние почести. В 1691 году в Пустозерск должны были перевести сосланного в Яренск врага Матвеева, любимца царевны Софьи, князя Василия Голицына, но непогода на море помешала ехать далее Мезени, где Голицыну и разрешено было остаться. Последним этапным пунктом князя Голицына было с. Кологоры, где он и умер в 1714 году; его похоронили в Красногорском монастыре (Пинежского уезда Архангельской губернии). В настоящее время Пустозерск представляет невзрачную маленькую деревню, а вся торговля и промышленная жизнь края перешла в села Великови-сочное и Кую на берегах реки Печоры.

Все население Печорского уезда состоит в настоящее время из 35 900 душ обоего пола; из них русских — 9200, зырян — 21 320 и самоедов — 5380 душ. Русские проживают по реке Печоре в Усть-Цыльменской и Пустозерской волостях; зыряне — в южных, пограничных с Вологодской губернией, Усть-Кожвенской, Кедвавомской, Мохченской и Красноборской волостях, а самоеды кочуют в Больше-земельской и Тиманской, или Малоземельской, тундрах; их старшина имеет пребывание в Пустозерске, а его помощники — один в селе Усть-Цыльме, а другой — в селе Ижме; соответственно этому, все самоеды Печорского уезда причисляются к Пустозерской, Усть-Цыльменской и Ижемской волостям. Оседлые самоеды проживают только в одном селении Усть-Кожве, где они занимаются даже хлебопашеством.

III

Зыряне

*Исторические сведения. — Стефан Пермский. — Обы-
чай. — Язык. — Оленеводство. — Спор между зырянами
и самоедами о пользовании тундрами.*

Часть Печорского уезда Архангельской губернии, весь Усть-Сысольский и две трети Яренского уезда Вологодской губернии населены зырянами, составляющими, вместе с пермяка-

ми и вотьяками, так называемую пермскую (биармскую) ветвь финских народов. Родина финнов — Северная Азия, отроги Алтая, откуда в глубокой древности пришли они дикими кочевниками в Европу, заняли всю северную и северо-восточную часть нынешней Европейской России и здесь должны были столкнуться со славянами, которые с берегов Дуная принесли уже зачатки цивилизации. В IX веке эти две народности живут уже бок о бок; финские племена — чудь, весь, меря, мурома, пермь и печора, по свидетельству Нестора, платят дань Руси. Предками нынешних зырян некоторые ученые считают Несторову пермь и печору, другие признают их потомками чуди. Во всяком случае, название «сырьяне» или «зыряне», совершенно неизвестное Нестору, встречается в актах лишь с 1570 года. Филологически это слово остается невыясненным до сих пор, хотя исследователями зырян не раз делались попытки в этом направлении. Сами зыряне называют себя «коми», причем говорят «коми войтыр», когда речь идет о целом народе, и «коми морт» — если говорится об одном человеке.

Древнейшие известия о нашем Севере начинаются рассказами о Биармии, часто упоминаемой в скандинавских сагах. Скальды рассказывают о женитьбах датских и норвежских конунгов на царевнах Биармии, о битвах скандинавских и биармийских витязей и о мирных торговых связях этих северных стран. Все эти поэтические сказания полны, конечно, вымысла и преувеличений, но из них все-таки очевидно то, что в первые века нашей истории и даже до начала ее Север нынешней России, известный скандинавам под именем Биармии, был населен и слыл страной богатой и торговой. Многие археологические находки — древние западно-европейские и восточные монеты, находимые кое-где на Севере, — также указывают на торговлю Биармии, служившей, вместе с тем, перепутьем в торговых сношениях Запада Европы с камскими болгарами и азиатским Востоком. Все эти сведения, впрочем, так скудны и сбивчивы, что не дают даже возможности определить, что именно называлось Биармией, под именем которой, вероятно, известен был весь Север России. Географические и этнографические данные, и то лишь отчасти, могут быть почерпну-

ты в летописях, которые проливают уже некоторый свет на историю нашего Севера.

Середину северного края занимало Заволочье, которое составляли земли между реками Онегою и Мезенью, северо-восток — Пермь, Печора, Югра и Самояд, и северо-запад — Терь, нынешний Терский берег, и Коло — ныне Мурман. Все это были волости, которых новгородцы «держали своими мужами» (договор новгородцев с великим князем Ярославом 1264 г.).

В XV веке, с падением Новгорода, весь край сделался достоянием Москвы. Летописное сказание о походе 1471 года при Иоанне III сохранило сведения о том пути, каким пробирались русские на Печору. Из Вологды они отправились вниз по Двине до реки Пинеги, затем вверх по рекам Пинеге и Кулою до реки Мезени и далее по Пезе и Цыльме в реку Печору. Таким образом, очевидно, что нынешний путь на Печору был уже известен в XV веке.

По рекам, служившим главными и почти единственными путями сообщения в древней Руси, селились славянские племена, ими пользовались отряды удалой новгородской вольницы, «ушкуйников», по ним, наконец, начинается и колонизация финских земель. Обширная территория, первоначально занятая финскими племенами, мало-помалу суживается, и уже с первых лет существования Русского государства начинается прибой на северо-восток славянской волны. Финны уступают под напором сильных соседей и частью отодвигаются далее на север, частью ассимилируются с русскою, более культурною народностью. Эта колонизация далеко не всегда была мирною, и в народных преданиях сохранились сказания об упорной борьбе. Несомненно, и предки нынешних зырян разделяли ту же судьбу, но проследить ее по скудным летописным данным представляется невозможным. Более или менее достоверным является лишь то, что во времена святого Стефана, следовательно, в XIV веке, зыряне жили еще при впадении Вычегды в Северную Двину; в наше время их деревни начинаются на двести верст выше по реке Вычегде, в Яренском уезде Вологодской губернии.

Крещение зырян святым Стефаном — важнейший и, можно сказать, один из немногих вполне достоверных фак-

тов их истории. Святой Стефан родился в Устюге, где и мог в детстве еще познакомиться с зырянами и их языком; быть может, как некоторые предполагают, он и сам был зырянин по происхождению. Сын причетника, он с детства готовился к духовному званию. Решившись посвятить себя проповедничеству веры Христовой на своей родине, святой Стефан перевел священные книги на зырянский язык, для чего им была составлена зырянская азбука, и с благословения коломенского епископа Герасима, заведывавшего тогда московскою митрополиею, в 1376 году из Москвы отправился в Устюг на свой великий подвиг. Свою проповедь он начал в селе Котласе (при впадении Вычегды в Двину), и на первых же порах труды его увенчались полным успехом. Этому немало способствовало и то обстоятельство, что славянское миросозерцание и обычаи были уже отчасти усвоены зырянами и ранее, а их нравственные качества способствовали восприятию христианства, которому не могли оказать никакого противодействия языческие верования. Только в глубине Пермской земли св. Стефану пришлось бороться с влиянием шаманов, но «пермяне не смеяху убить Стефана, яко с Москвы к ним пришедшаго и грамоты имущаго». В конце концов, несмотря на противодействие шаманов, после семилетней проповеди, св. Стефан распространил христианство среди зырян по всей Вычегде и ее притокам и затем был посвящен во епископа всей этой области, с местопребыванием в Усть-Выми. И в сане епископа, в течение 13 лет, св. Стефан не оставлял своей просветительской деятельности и всегда был горячим поборником интересов зырян и ходатаем пред московским правительством за свою паству; он скончался в Москве в 1396 году, оставив по себе в зырянском народе самые светлые воспоминания. При преемнике его, Исаакии, христианство проникло и на Печору. Когда оно распространилось среди зырян, живущих по реке Ижме, — неизвестно, как неизвестно и время появления зырян на этой реке. Костомаров полагает, что последнее произошло еще в глубокой древности, когда зыряне двигались с берегов реки Камы на север. Хотя в грамоте, данной Иоанном Грозным Ластке, основателю села Усть-Цыльмы, в 1542 году, указывается — правда, со слов Ластки, — что Запечорский

край в то время был почти необитаем и что там существовали лишь Пустозерск да кочевья самоедов в тундре, но, между тем, из грамоты, данной тем же царем в 1545 году канинским и тиманским самоедам, видно, что тогда еще зыряне начали вторгаться в тундру, где и занимались звериным и рыбным промыслами. Таким образом, вопрос о времени появления зырянских поселений на средней Печоре и на реке Ижме остается пока невыясненным.

О быте древних зырян-язычников до их крещения известно также очень мало. Немногие летописные сказания позволяют восстановить его лишь в общих чертах и притом более или менее гадательно. Во всяком случае, их первоначальный образ жизни был кочевой или полукочевой, как и всех народов алтайской группы, а первоначальные жилища были землянки — общий тип жилищ чуди, развалины которых теперь известны под именем «Чудских могил». Устройство зырянских изб заимствовано ими впоследствии у русских. Несомненно, от русских зыряне научились и земледелию. Средства к жизни им давали охота и рыболовство. Рыба и мясо являлись главными, если не единственными, пищевыми продуктами, причем они употребляли в пищу даже лошадиное и беличье мясо, отчего зырян иногда и называют, в насмешку, «векшеедами».

Древнезырянская религия — язычество, в форме шаманства, общего для всей чуди, волхвы и знахари которой нередко пользовались большим авторитетом даже в глазах русских. В жертву своим богам, из которых особенно известны Войпель («вой» — север, «пель» — ухо) и жена его, Золотая баба (отождествляемая некоторыми исследователями с финскою Иомалою), зыряне приносили продукты промыслов, зверей и их шкуры. Зырянские шаманы пользовались и светскою властью. Впрочем, наряду с ними в летописях упоминаются какие-то князья, старшины, старосты и сотники, хотя власть и значение последних остаются совершенно неясными. При заключении брачных союзов практиковалось, как и у славян, умыкание — общая черта родового быта, не исключавшая, впрочем, случаев покупки невесты. О них можно сказать в этом случае то же, что Нестор говорит о славянах: «И Радимичи, и Вятичи, и Север одинъ обы-

чай имеаху, живяху въ лесе, яко же всякий зверь, ядуше вся нечисто, браци не бываху въ них, схожахусь на игрища, и ту умыкаху жены себе». Но и впоследствии, по принятии христианства, зыряне отличались довольно свободными нравами.

Позднейшие века, со времени деятельности св. Стефана, не дают ни одного крупного факта в жизни зырянского племени. Пермь Вычегодская и ее древняя столица Усть-Вымь к концу XVI века, с проложением нового сибирского пути через Пермь Великую и с переводом епископской кафедры в Вологду, теряет даже свое прежнее значение, и зыряне, смешиваясь с русскими, мало-помалу утрачивают свои племенные черты. Девятнадцатый век застает их поселения лишь по среднему и верхнему течению Вычегды и по Печоре, приблизительно в тех пределах, в которых зыряне живут ныне.

В Архангельской губернии зыряне живут в настоящее время в четырех волостях Печорского уезда. По последним сведениям, к 1 января 1896 года их числилось:

в Красноборской волости	5590
в Мохченской волости	12 020
в Кедвавомской волости	1830
в Усть-Кожвенской волости	1880
<i>Всего</i>	<i>21 320 душ обоего пола.</i>

Это составляет почти 60% всего населения Печорского уезда, в котором зыряне являются, таким образом, преобладающим элементом; в четырех же перечисленных волостях население почти исключительно зырянское. Архангельские зыряне значительно отличаются от своих вологодских соседей. В Печорском уезде создан особый зырянский тип — живой, чисто коммерческий; наиболее резко выразился он в крестьянах Мохченской волости, получивших название «ижемцев», давно прославившихся своею оборотливостью и сутяжничеством. В то время как главная масса зырянского населения отличается чрезвычайною ленью и косностью, ижемцы предприимчивы и в своей промысловой деятельности и торговых приемах далеко не всегда являются косными;

напротив, многие из них не прочь заимствовать что-нибудь новое, если оно может быть полезно для них, всячески стараются поднять доходность промыслов, отыскивают новые рынки для сбыта своих продуктов и т. д.

Среди зырян Мохченской волости вовсе не встречается раскольников; притом они очень набожны, по крайней мере с внешней стороны. Почти в каждой наиболее многочисленной деревне есть благоустроенная церковь. Благодаря щедрым пожертвованиям, церкви ижемцев своим внешним видом, богатыми украшениями и дорогими иконостасами превосходят церкви многих уездных городов.

Гостеприимство среди зырян развито в высшей степени. Не говоря уже о сравнительно зажиточных домах, самый бедный зырянин всегда готов угостить своего гостя всем, что у него есть; но в то же время, когда он загуляет, то назойливо врывается в чужой дом и требует себе угощения. Самым главным угощением считается чай и водка, которую зыряне пьют в большом количестве; вообще пьянство сильно распространено между ними.

Зыряне живут ныне в избах (керках), построенных по типу жилых помещений русского крестьянина Архангельской губернии. Керка состоит из двух комнат: одна, содержащая обыкновенно крайне неопрятно, с русской печкою и лавками вдоль стен, служит кухнею, где летом и зимою живут сами хозяева и помещается иногда мелкий домашний скот; другая, сравнительно чистая, нередко с голландскою печью, предназначается преимущественно для приема гостей. Между этими комнатами — сени, в которые ведет крыльцо, устраиваемое с лицевой стороны избы; из сеней ход на «поветь», пристройку к избе с наклонным бревенчатым въездом с улицы. Поветь служит для хранения сена, промысловых и земледельческих орудий и вообще хозяйственного инвентаря. Баня — черная, с каменкой, строится чаще всего на берегу реки, в которой летом зыряне купаются сейчас же по выходе из бани. В бане зыряне парятся по несколько раз в неделю и лечатся от всех своих недугов.

В богатых зырянских селах, Ижме и Мохче, есть дома двухэтажные. Нижний этаж таких керок представляет обыкновенную крестьянскую избу, с русской печкою и лавками

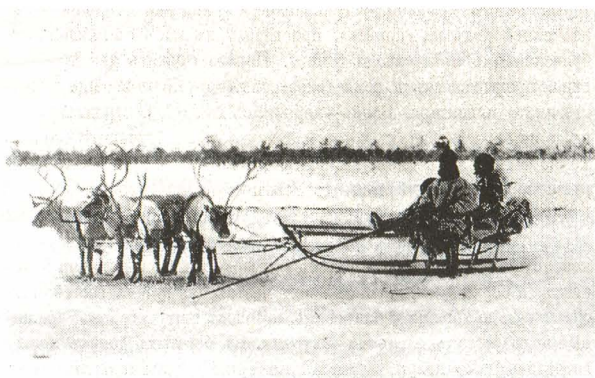
вдоль стен, а верхний служит большею частью для приема гостей; он сравнительно хорошо меблирован, потолок оштукатурен, крашенный пол устлан оленьими шкурами. В богатых домах можно встретить даже ковры, зеркала; ломберные столы и очень часто механические музыкальные инструменты.

Из памятной книжки ижемской церкви видно, что село Ижма основано в 1567 году. Оно растянуто больше чем на версту вдоль реки. Местность довольно живописна; ее оживляют каменные церкви и колокольни самого селения и ближайших сел — Мохчи и Сизябского. Ижемцы вправе гордиться своими церквями — две их церкви обширны и богато украшены. В заботах о благолепии своих храмов Ижма, Мохча и Сизябское постоянно конкурируют между собою, и стоит только одному селу устроить что-нибудь новое, тотчас другие села стараются перешеголять его.

По наружности зыряне не отличаются от русских крестьян Архангельской губернии. Обыкновенно это блондины, среднего роста, хорошо сложенные.

Верхний зимний костюм, мужской и женский, составляет обычная на севере «малица» или «совик» и «пимы» на ногах с «люптами» (чулками) из «неблюя», т. е. молодой оленьей шкуры. Малицы шьются часто вместе с шапкою, причем околыш последней обшивается шкурою белого оленя. Летом шапок не носят, но употребляют накомарник — род капюшона из бумажной ткани, с сеткою, волосною или проволочною. Впрочем, некоторых ижемцев можно видеть и в общеевропейском костюме. Принадлежность всякого щеголя — сапоги бутылками, гармония и большой зонтик под мышками («парасоль», как они его называют).

Женщины и девушки носят исключительно сарафаны. Их будничным головным убором служит платок, а в праздники молодые женщины носят так называемые «рогули» — из парчи и штофа, поверх чего одевается платок с завязанными назад концами; девушки носят «юрны», вышитые разноцветным бисером. Нередко также можно встретить бархатные накидки на черно-буrom лисьем меху. Само собою разумеется, эти уборы, сравнительно дорогие, встречаются лишь у более богатых, главным образом — в Ижме и Мохче.

Оленья запряжка

Песни поются только русские, заимствованные часто без понимания смысла и потому сильно искажаемые; репертуар их очень небогат. Вообще надо заметить, что в зырянский язык вошло много русских слов; таковы все слова, выражающие отвлеченные понятия или понятия, предполагающие известную степень культурности. У самоедов же зыряне вместе с оленеводством заимствовали и слова, относящиеся к последнему, например: «пуйня» — ремень в оленьей упряжи, «няртала» — аркан, «харей» — шест, которым погоняют оленей, и т. д.

В Масленицу любимым развлечением является бешеная езда на оленях и на лошадях или катанье с гор, как и у русских. В праздники, разумеется, больше, чем когда-либо, истребляется зырянами водка и чай — их любимый напиток, который в тундре они пьют с приправою лука, перца и аниса; кроме того, зыряне варят из ячменного солода «ырош» и «сур» — род кваса и пива.

Пищу зырян составляют главным образом мясо, рыба и молоко. Хлеб и овощи являются уже второстепенными пищевыми продуктами. Пища готовится крайне неряшливо: рыба и мясо не моются. Так как эти продукты свежими могут сохраняться только зимою, то летом их употребляют в пищу посоленными; но при этом, вследствие недостаточного посола, они часто бывают уже несколько попорчены. Мясные щи, заправленные мукою, неред-

Оленья почта

ко без хлеба, молоко, соленая рыба — обычная пища зырян летом. Зимой их стол разнообразится, когда из тундры и с промыслов привозится свежее оленье мясо, рыба и птица. Самым главным источником благосостояния и даже известного богатства зырян Мохченской волости составляет оленеводство, широко развившееся на Печоре в руках, главным образом, зырян-ижемцев. Тундра располагает всеми необходимыми для этого условиями. Олени летом и зимой питаются подножным кормом, преимущественно оленьим белым мхом (ягелем), в изобилии растущим в тундре, и не требуют за собою особенного ухода, кроме защиты от хищных зверей. Пастьба оленей в большинстве случаев за сравнительно скромное вознаграждение поручается зырянами пастухам-самоедам, а последним помогают печорские лайки. Сами владельцы, полагаясь на пастуха, часто не знают даже в точности количества голов в своем стаде; вследствие этого представляется крайне затруднительным определить количество оленей в тундрах, тем более что хозяева намеренно скрывают число голов в своем стаде. По последним сведениям, собранным к 1 января 1896 года, всех оленей в Печорском уезде было 276 315 голов. Доходность от оленеводства можно вывести из следующих соображений. Ежегодно из стада может быть убита приблизительно пятая часть его, отчего, вследствие приплода, общая цифра голов не уменьшится. Таким образом, из стада в 500 штук оленей ежегодно мож-

но убить 100 штук. За убитого взрослого оленя — его мясо, шкура и проч. — выручается до 6 руб.; следовательно, за 100 штук — 600 руб.; если на расход по пастбищу 500 оленей положить 100 руб., то получается чистой прибылью 500 руб., т. е. 1 рубль на каждого оленя. Олень доставляет своему владельцу все: шкура идет на одежду и постель, мясо в пищу; кроме того, продукты оленеводства — шкуры, в необделанном виде или в виде замши, рога, шерсть — составляют видную статью печорской торговли. Из общего числа оленей в Печорском уезде, в количестве 276 315 голов, самоедам принадлежит 46 950 оленей и зырянам Мохченской волости — 194 120; следовательно, на долю русских и зырян прочих волостей приходится всего 35 245 оленей.

Часто раздаются упреки по отношению к зырянам, что они будто бы спаивают самоедов, вследствие чего значительная часть стад, принадлежавших когда-то последним, перешла ныне в руки ижемцев; при ближайшем знакомстве, как мы увидим ниже, при описании быта самоедов, это едва ли может считаться верным. Нельзя не отдать справедливости зырянам в том, что они сумели развить оленеводство и сделать его производительным. Самоед требует от оленя только одного: чтобы он давал ему самое необходимое в его неприхотливой жизни, т. е. пищу и одежду, нисколько не заботясь об увеличении числа оленей и извлечении из своего стада денежных выгод; зырянин же старается увеличить число принадлежащих ему оленей, извлечь из них возможные выгоды и разумно воспользоваться продуктами, получаемыми от этих животных. Вековой спор зырян и русских с самоедами о праве пользоваться тундрами — спор, в котором обе стороны, с их точки зрения, действительно, правы, — в конце концов должен быть разрешен так, как того требуют интересы государства и населения всего края, а не преувеличенные требования сравнительно небольшой группы самоедского населения. Никто, конечно, не станет отрицать известных прав самоедов на тундру, которая должна обеспечивать их жизненные потребности; но из этого вовсе еще не следует, что должно лишить права пользоваться тундрою остальное население и этим разорить его, тем более что тундровые пространства столь обширны, что их хватит на всех. Между тем,

по климатическим и этнографическим условиям края, оленеводство представляется здесь столь же существенно необходимым, как, например, в земледельческих местностях разведение скота. Без оленя житель Печорского края — тот же безлошадный и не имеющий скота хозяин в земледельческой полосе. Во всяком случае, если и есть доля правды в тех, отчасти сентиментальных, жалобах на судьбу самоедов, как обездоленного племени, которые так часто у нас слышатся, то улучшения их быта едва ли можно ожидать от той правительственной опеки, предлагаемой некоторыми радетелями за них, которая должна, по их мнению, ограждать самоедов от всяких сношений с соседями и преградить доступ в тундру зырянам и русским. Наоборот, мне кажется, улучшение их быта и благосостояния будет достигнуто только тогда, когда они войдут в более тесную связь с остальным населением и, вследствие этого, их умственный кругозор получит более широкий простор. Совершенно закрыть доступ в тундру русским и зырянам едва ли возможно и выполнимо; можно, наверное, сказать, что такая мера вконец разорила бы край и отняла бы у него главные его экономические силы, так как оленеводство, важнейшая статья народного хозяйства на Севере, в руках одних самоедов не получила бы никакого производительного значения. Основывать права самоедов на давностном пользовании их тундрами и на некоторых старинных актах и грамотах, предоставляющих им, будто бы, все тундры в исключительное владение, едва ли верно и целесообразно; экономические условия жизни меняются, и подобные грамоты теряют свое значение, а давность пользования тундрами одинаково относится как к самоедам, так и к зырянам и русским, а потому тундры, как целое, могут быть рассматриваемы не иначе как государственная собственность, так как они никогда не состояли в частном владении того или другого лица и предоставлялись лишь в пользование самоедам, в мере надобности.

В прежнее время эпизоотии в тундре бывали довольно часты и уносили тысячи жертв; но в последнее время, по-видимому при лучшем надзоре и уходе за оленями, повальные болезни почти прекратились, и с каждым годом оленеводство все более развивается. Если проследить дан-

ные о числе оленей в Печорском уезде за последние шесть лет, то окажется, что число их увеличилось почти на 50 000, причем бóльшая часть этого увеличения приходится на Мохченскую волость.

Не считая оленей, принадлежащих самоедам, всего оленей состояло:

В Печорском уезде:	Из них в Мохченской волости:	
в 1890 г.	180 025	149 367
в 1891 г.	191 576	164 814
в 1892 г.	211 121	185 434
в 1893 г.	218 825	187 667
в 1894 г.	225 195	194 440
в 1895 г.	229 365	194 128

Таким образом, количество оленей в Мохченской волости к 1 января 1896 года составляет более 84% общего числа всех оленей в уезде. Убыль, хотя и незначительная, 312 штук в этой волости в 1895 году, сравнительно с предшествующим годом, объясняется бóльшим числом оленей, убитых и проданных в этом году.

По запискам В. Н. Латкина, ездившего в Печору в 1843 году, уже тогда самыми большими стадами владели ижемцы, всего до 120 тысяч голов.

О будущности зырянского племени можно почти с уверенностью сказать, что оно совершенно сольется с русскою народностью, что уже произошло со многими другими финскими племенами, оказавшимися способными к восприятию культуры. Нет сомнения, что таковыми являются и зыряне; они уже на полпути к обрусению, в чем легко может убедиться всякий, кто ближе познакомится с ними; по своему домашнему быту они мало отличаются от русских, религиозные их верования и управление — общие, с оседлою жизнью они уже вполне освоились и прежние кочевые наклонности совсем оставили. Они сохранили пока только свой язык; но так как у них нет своей литературы и своих письменных памятников, то расстаться с этим языком им будет нетрудно. С устройством школ, с развитием русской

грамотности, с расширением торговых сношений все зыряне будут говорить по-русски, и тогда исчезнет всякое различие с русскими — исчезнет всякая память об этом племени. Где сходятся два племени, менее культурное всегда подчиняется влиянию другого и ассимилируется с ним, — это общий исторический закон, вполне подтверждаемый, между прочим, историею колонизации наших инородческих земель. Такая ассимиляция спасает, может быть, менее культурное племя от вымирания, и, во всяком случае, нет надобности искусственно ее задерживать.

IV

Самоеды⁹

Исторические сведения. — Образ жизни. — Вера. — Семейная жизнь. — Нравы. — Промыслы. — Самоедское управление.

Совсем другим типом представляются самоеды. Некоторые этнографы полагают, что самоеды принадлежат к монгольскому племени и что настоящее отечество их находится около верховьев реки Енисея, откуда они, теснимые другими народами, подвинулись на север, а затем часть их перешла на западную сторону Урала, привлекаемая сюда хорошими оленьими пастбищами, где и образовала группу архангельских самоедов Печорского и Мезенского уездов. Когда совершилось это передвижение — неизвестно. Вообще

⁹ Источники: 1) приложения к «Всепоподданнейшим отчетам архангельского губернатора»; 2) отчеты Архангельского губернского статистического комитета; 3) Мезенские самоеды // Вестник Императорского Русского Географического общества». 1855 г.; 4) *Фишер*. Сибирская история; 5) *Ядринцев*. Сибирские инородцы; 6) *Ефименко*. Народные юридические обычаи; 7) *Снегирев*. Отчет о поездке в Мезенскую тундру 1892—1893 гг.; 8) *Танфильев*. В тундрах тиманских самоедов. 1892 г.; 9) *Латкин*. Самоеды // Журнал Министерства внутренних дел. 1844 г.

исторические сведения об архангельских самоедах крайне скудны. Известно лишь, что племя это еще в XI веке платило дань новгородцам. Упомянутый в летописи целый ряд походов новгородских дружин на Печору и Югру дает основание предполагать, что эти инородцы были в то время народом воинственным. Летописец приводит несколько таких походов, не всегда удачных для новгородцев. В XV веке, с утратою независимости Новгорода, Печорский край вместе с Двинскою землею перешел под власть Москвы, данниками которой сделались и самоеды. На первых порах они, вместе с зауральскими инородцами, пытались было также отстоять свою свободу, но основание Пустозерского острога в 1499 году положило конец их самостоятельности.

Название «самоеды» или «самоядь» еще в XI веке было известно русским. Существует несколько толкований слова «самоед»; некоторые производят его от «сам един» — дословный перевод самоедского «хасово», т.е. человек, живущий уединенно; другие видят корень этого слова в лапландском слове «саме». Лапландцы называют себя «саме» или «сам-бе», а землю свою «Самеядна».

В древние времена лапландцев и самоядь, живших по соседству между собою, считали за один народ. Большинство исследователей быта самоедов это последнее толкование признается наиболее правдоподобным. Во всяком случае, каков бы ни был корень этого слова, нет оснований самоедов принимать за людоедов; сами самоеды в одних местностях называют себя словом «ненец» (человек), а в других — «хасово» (муж), и в ряду тех названий, которые они получили от соседних народов, нет ни одного, хотя сколько-нибудь соответствующего русскому слову «самоед».

По лингвистическим особенностям самоедского языка и по антропологическим признакам — жестким, прямым, черным и глянцевитым волосам, желтоватой коже, узким и косым глазам, выдающимся скулам и плоскому носу — племя самоедов большинством этнографов (Кастрен, Мюллер, Гоард и др.) выделяется в особую группу, занимающую среднее место между монголами и финнами. Исследователь быта инородцев Сибири М. Н. Ядринцев, относя самоедов, вместе с енисейскими остяками и другими родственными

Стан самоедов

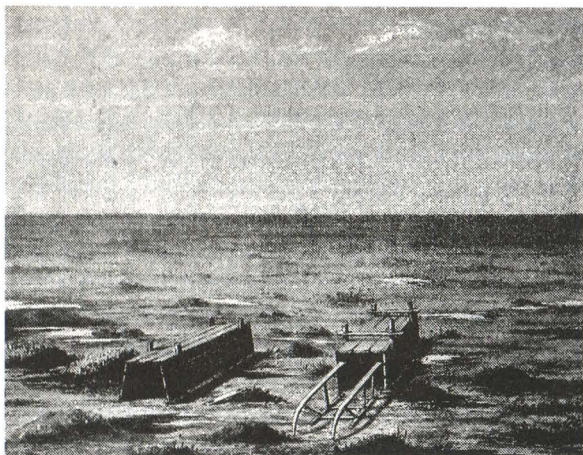
им племенами, в особую семью «саянцев», говорит между прочим: «В этих племенах, по нашему мнению, лежат переходные степени от чистых монголов к финнам».

Область, занятая ныне самоедами в Архангельской губернии, делится на три земли или тундры: Большую землю — по-самоедски *Aarka ja*, Тиманскую или Малую землю — *Nuda ja*, т. е. средняя земля, и Канинскую — *Sale ja*, т. е. нос-земля, а по местам приписки для взноса ясака самоеды разделяются на пустозерских, усть-цыльменских, ижемских и мезенских.

Из всех инородцев Архангельской губернии самоеды, до сих пор еще не оставляющие кочевого образа жизни, более других сохраняли следы родового быта — особенно более удаленные самоеды Большеземельской тундры. У канинцев и тиманцев родовое начало уже заметно сгладилось и выдвинулось значение семьи, хотя они еще сохраняют в памяти происхождение отдельных семейств от того или другого рода, но эти семейства ныне уже не связываются в самостоятельные родовые единицы. На сколько родов подразделялось самоедское племя — в точности неизвестно. Иславин, архимандрит Вениамин и другие называют, между прочим, следующие роды архангельских самоедов: тызии, логаи, тарбарей, выучей, хатанзеи, валеи, пирирки, апичины и ванюта.

До принятия христианства, т. е. до начала нынешнего столетия, самоеды были последователями шаманства: они веровали в верховное существо (Нум), дьявола (Аа), духов (тадебциев) и домашних богов (хегов). Высший дух, все сотворивший и господствующий над миром, есть Нум, который находится в пространстве и посылает гром, молнию, дождь, снег и бурю. Самоеды олицетворяют его в солнце, звездах, в море и во всех вообще явлениях природы.

Общий мрачный взгляд самоеда на жизнь и на человека перенесен им и на высшее божество. Земля и весь род человеческий, по его понятиям, настолько нечисты, что Нум никогда не смотрит на них. Тем не менее человек за хорошую жизнь получает от Нума оленей, лисиц и всякого рода богатства, а за дурную, напротив, терпит нищету. О будущей жизни самоеды, по-видимому, не имели никакого представления. Дьявола Аа они считали злым духом, которого надлежало постоянно умиловать, принося ему в жертву оленя или собаку. Кроме дьявола, в мифологии самоедов существовал еще целый ряд других богов, подвластных Нуму: это хитрые и злые духи — «тадебции»; число их неопределенное, и они постоянно вредят людям, несмотря на запрещение Нума. Эти духи несколько сходны с «хегами» — домашними богами, которым самоеды открывают свои желания и к которым обращаются за помощью во всех предприятиях, особенно на охоте. Но между хегами и тадебциями то различие, что с первыми может беседовать всякий, тогда как вторые доступны лишь особым жрецам — тадебеям. Хеги бывают двух родов: искусственные и естественные; первых делали сами самоеды в виде грубых подобий человека, а вторыми служили куски камня, дерева или другие предметы природы, находимые самоедами в тундре и почему-либо годные, по их богословским понятиям, служить богами. Найдя такую редкость, самоеды окутывали ее разными пестрыми лоскутками и на особых небольших санках возили с собою всюду, куда бы только ни отправлялись. Но были и другие хеги, которые принадлежали целому народу и ставились при таких урочищах, где самоеды собирались в большом количестве для промысла зверей, для рыбной ловли и пастьбы оленей; они обыкновенно состояли из скал и камней, похо-

Вид тундры близ села Семжи с могилами самоедов

жих фигурой на человека. По образцу уже этих кумиров самоеды ставили деревянных, больших и малых, богов, которых называли «сядеями». Группа таких деревянных «сяде-ев» была найдена в 1856 году в южной части острова Вайгача, а с ними вместе и фигуры двух главных самоедских идолов — Весако (старик) и Хадако (бабушка). На местах охоты мелкие «сядеи» ставились преимущественно у песчовых и лисьих нор. Обращаясь с просьбой к своим богам, самоед должен непременно принести им жертву. Когда просят о счастливой охоте, то жертву может приносить всякий; при более же важных обстоятельствах жертвоприношение должно быть совершено тадебеем. Тадебей у самоедов играл роль фокусника и сам по себе или ничего не значил, или значил очень мало. Все его значение сводилось к тому, что он мог вступать в общение с хитрыми и лукавыми тадебциями, которые только над стариком-тадебеем могут посмеяться и запутать его ложными изречениями. Поэтому главными достоинствами тадебей признавались сила, здоровье и ловкость, особенно необходимые в тех случаях, когда ему приходилось во время вызывания духов и переговоров с ними колоть себя ножом или другим острым орудием. На практике, однако, наибольшую ловкость тадебей старались проявить на жертвах, которых они потребляли с поразительной

быстротою, уделяя в то же время божеству самую скудную частицу. О происхождении тадебеев известно очень мало. Звание это передавалось по наследству, почему уже с молодых лет, под руководством отца, тадебей посвящался в ту область таинственного, которая делалась впоследствии его ремеслом. Посвященный в свое искусство, тадебей всегда ходил в особой замшевой рубашке, с украшениями из красного сукна и металлическими привесками, и носил при себе бубен из оленьей кожи с побрякушками. Резкие звуки, издаваемые этим инструментом, постепенно возбуждали тадебей и привлекали к нему внимание тадебциев, постоянно погруженных в сон.

Желая начать разговор с ними, тадебей начинал тихо ударять деревянною палочкою в свой бубен и затем, подогрев кожу на огне, отчего она сильнее натягивалась и звучала более резко, постепенно усиливал удары, производя сильные, резкие звуки и сопровождая их тихой протяжною песнею. Когда, по его расчету, тадебции должны были уже явиться, он умолкал и начинал мнимый разговор с ними, а затем сообщал слушателям решение духов, состоявшее обыкновенно в приказании принести жертву Нуму, или дьяволу, или же самим тадебциям. Нуму обыкновенно на высокой горе приносился в жертву белый олень, а остальным духам можно было жертвовать и собаку. Самый обряд жертвоприношения состоял в том, что животное давили или закалывали, отрубленную его голову вешали на кол, а мясо сырое съедали тут же.

Ни храмов, ни кумирен для постоянного совершения своих обрядов самоеды не имели; у них существовали для этого избранные места — горы или урочища, изобиловавшие зверями или оленями, как, например, остров Вайгач, роща Кузьмин перелесок близ города Мезени и т. д.

Кодекс нравственных правил самоедов-язычников, по свидетельству лиц, знакомых с прежним их бытом, contained в себе немало согласного и с христианством. Воровство, обиды, убийство, гордость, излишество считались предосудительными, и строго предписывалось почитать богов, родителей и старших, заботиться о своем семействе, помогать нуждающимся и т. д.

Вследствие постоянных сношений с русскими самоеды еще до принятия христианства усвоили себе некоторые христианские верования. Архимандрит Вениамин между прочим замечает, что особенным почитанием у самоедов издавна пользовался Николай Чудотворец. «Почитай великого Николу и выполняй обет, какой дал слуге Божию Николе» — было у них давно уже общим правилом.

Первые серьезные меры к искоренению язычества среди самоедов были приняты в первой половине нынешнего столетия. В 1822 году, когда некоторые самоеды Канинской тундры сами изъявили желание креститься, особой духовной миссии, под руководством сийского архимандрита Вениамина, было поручено обращение самоедов в христианство. Архимандрит Вениамин начал свои миссионерские труды с Пустозерского прихода при устьях Печоры, куда стекались старшины и более влиятельные самоеды из большеземельцев для торговли и по другим делам. В течение шести лет миссионерам, несмотря на небольшое их число и тяжелые климатические условия, удалось обратить в православие во всех тундрах до 3000 человек. Наибольшее число новообращенных принадлежало к самоедам Канинской и Тиманской тундр, как лучше знакомых с русским языком и вообще чаще сталкивавшихся до этого с русскими. Большеземельцы, не зная по-русски и живя далеко в своей тундре, трудно отстают от своих старых верований. В настоящее время, хотя официально в Архангельской губернии среди самоедов не считаются язычников, некоторые из них, как говорит наш известный писатель-этнограф С. В. Максимов, «до сих пор носят крест, чтобы показывать начальству, а за пазухой, на всякий случай, держат деревянные чурочки богов». Причины того, что языческие традиции, видоизмененные несколько под влиянием христианства, сохраняются еще до сих пор между самоедами заключаются, главным образом, в условиях кочевой жизни в безлюдных тундрах и в характере и административной обособленности их от остального населения края. В характере самоедов есть много общего с финнами. Подобно последним, они подозрительны, скрытны, упрямы, тяжелы на подъем и настойчивы в исполнении задуманного. С другой стороны, постоянная готовность услужить и помочь чем-

нибудь ближнему и верность данному слову составляют всеми признанные, хорошие их качества. Кочевой образ жизни самоедов обусловлен главным образом оленеводством. Есть у самоеда стадо оленей в 40—50 голов, он бродит с ним по тундре и ни за что не согласится поселиться на определенном месте; даже с десятком оленей или вовсе их не имея, он скорее идет к богатому родственнику или к зырянину в качестве работника и пасет его стада. Только полная невозможность пристроиться к какому-нибудь оленеводу вынуждает самоеда переменять бродячую жизнь на оседлую. Несмотря на такой взгляд на оседлость, оседлых или, вернее, полuosедлых, самоедов в настоящее время насчитывается уже около 1500 человек.

Из самоедских поселений самое крупное — Кожвенское, при устье реки Кожвы, основанное при содействии миссионеров в тридцатых годах этого столетия. Иславин, посетивший колонию в 1842 году, нашел в ней всего 12 изб, а в 1892 году, по словам Снегирева, она состояла уже из 38 вполне благоустроенных домов, с населением в 230 человек. Жители занимаются промыслом рыбы в р. Кожве, отчасти земледелием (сеют ячмень) и скотоводством. Внешний вид селения весьма удовлетворительный и своею опрятностью даже отличается от местных русских и зырянских поселков. В Усть-Кожве есть церковь и школа. Другие поселения самоедов разбросаны в различных местах тундр и представляют, по большей части, или отдельные избы, или группы их в 2—3 двора. В таких избах проживало в 1892 году 376 человек; 30 семейств занималось хлебопашеством, скотоводством и промыслами, а 20 только промыслами. Первые 30 семей имели по 1—2 лошади, 1—3 коровы и 1—10 овец на двор, высевали хлеба по 3—18 пудов на хозяйство и вообще жили гораздо зажиточнее, чем семьи, существовавшие только на счет промысла. Что же касается остальных оседлых самоедов, то они живут без определенных занятий в русских и зырянских селениях; большинство их народ праздный, не привыкший к постоянному труду и кормящийся собиранием милостыни. Остальные самоеды Архангельской губернии до сих пор ведут кочевой образ жизни, постоянно переходя по тундрам из одного

Самоеды становища Хабарово, у Югорского Шара

места в другое, со своими или чужими оленями и с походными жилищами — чумами.

Самоедский чум устраивается в виде шатра, из нескольких длинных шестов, конусообразно втыкаемых в землю и покрытых летом берестой и хворостом, а зимою — оленьими шкурами; два отверстия, сбоку и сверху, служат: первое — для входа в чум, а второе — для дыма. Посредине чума находится железный лист, на котором разводится огонь для согревания шатра и для приготовления пищи, состоящей главным образом из рыбы, мяса и жира оленей и морских зверей. Хлеба самоеды употребляют самое незначительное количество. Хлеб, замешанный на воде, печется или, скорее, жарится на огне, наподобие лапландской «рески», а иногда мукою заправляется и похлебка из рыбы или мяса. Вообще самоед неразборчив в еде и смотрит более на ее количество, чем на качество, набивая свой желудок нередко даже полусгнившим мясом. Если у самоеда есть достаточный запас пищи, он ест много и с жадностью, а в случае недостатка в ней способен голодать по несколько дней.

Одежда самоедов состоит из «малицы», сшитой из оленьих шкур шерстью к телу, или «совика» — из таких же шкур шерстью вверх; такой костюм имеет форму мешка с рукавами и облегает самоеда всего, с головы до ног. Обувью служат «люпты» и «пимы» — род чулков и сапогов из оленьей

же шкуры. Женская одежда почти не разнится от мужской в покрое, и только многочисленные нашивки и выпушки из разноцветного сукна придают ей особенную пестроту. Украшением мужской одежды служат пояса из ремней, унизанные металлическими пуговицами.

Все заведывание домашним имуществом самоедской семьи лежит на женщине (инька). В то время как самоед уезжает на промыслы, пасет оленей, женщина проводит большую часть времени в чуме и заботится о нем. При постоянных перекочевках она должна убрать и расставить чум на новом месте, разостлать внутри оленьи шкуры и т. д. Она же должна приготовить пищу, заготовить дрова, развести огонь, запастись водою, а в свободное время обдирать шкуры и шить из них одежду и полости для чума. Но, несмотря на такую важную роль в хозяйстве, женщина в глазах самоеда не пользуется никаким уважением: она считается существом низменным, нечистым. Поэтому в прежнее время самоедка не могла, например, присутствовать при жертвоприношениях, есть жертвенного мяса и прикасаться к божку; дозволялось только есть мясо медведя — священного, по понятиям самоедов, животного — и переступить через огонь. Женщина не может принимать участие в пиршестве мужчин, ей разрешают только пользоваться обедами. Вообще положение женщины в самоедской семье крайне тягостно и унижительно. Но самоедка так свыклась со своею судьбою, что всякое понятие о лучшей жизни ей чуждо. Деспотичный склад семьи, однако, не распространяется у самоедов в сферу их общественных сношений; между собою и со своими соседями они довольно общительны, дружелюбны и честны. Только под влиянием сильно распространенного среди них пьянства стали прививаться самоедам некоторые дурные качества, как, например, плутоватость, склонность к обману и т. п. Из преступлений наиболее развита кража оленей, причем чаще всего крадут пастухи у своих же хозяев.

В литературе, а вслед за нею и в административных сферах, сложилось почему-то убеждение, что самоеды не способны к восприятию культуры и, по мере проникновения русских и зырян в тундры, племя это будто бы постепенно вымирает. Мне кажется, предположение это установилось

из тех теоретических соображений, что самоед, неохотно и только в крайнем случае переходя к оседлой жизни, принужден влечать свое существование при условиях жалкой в глазах культурного человека обстановки его экономического быта, гигиенических условий жизни, питания и нередко значительной смертности от повальных болезней. Верное заключение по этому вопросу может быть сделано только на основании более или менее положительных статистических данных. К сожалению, имеющиеся в настоящее время официальные статистические сведения о количестве самоедов охватывают слишком незначительный период времени и притом за прежние годы не отличаются абсолютною верностью, так как посемейные списки самоедов начали вести лишь в недавнее время.

В отчетах Архангельского губернского статистического комитета имеются следующие сведения о числе самоедов с 1844 года.

В 1844 г. по Штукенбергу «Опис. Арх. губернии»	5540 человек	
В 1847 г. Справочная книга Арх. губ. на 1850 г., с. 46	5557	
В 1848 г. там же	5752	
В 1850 г. Справочная книга Арх. губ. на 1852 г., с. 62	5746	
В 1857 г. по Штукенбергу	5893	
В 1857 г. Архангельский сборник	5938	
В 1863 г. Памятная книга на 1864 г., с. 4, прим.	6701	
В 1864 г. Памятная книга	5668	
В 1873 г. Справ. кн. на 1875 г., с. 19	6050	
В 1879 г. Отчет статистического комитета	5598	
В 1880 г. то же	5598	
В 1882 г. то же	5994	
В 1885 г. то же	5555	
В 1886 г. то же	6267	
В 1889 г. то же	5424	
В 1890 г. то же	5400	
В 1891 г. то же	} проверено г-ном Снегиревым	5380
В 1892 г. то же		5380
В 1893 г. Отчет статистического комитета	5466	
В 1894 г. то же	7049	
В 1895 г. то же	6858	

Нет сомнения, что цифры эти, как показывают значительные, ничем не оправдываемые колебания их, не определяют точно действительного числа самоедов за каждый год; тем не менее из них все-таки можно сделать более или менее правдоподобный вывод о движении самоедского населения за последние пятьдесят лет.

К 1895 году число самоедов в Архангельской губернии считалось 7049 человек обоего пола; цифра эта губернским статистическим комитетом была определена на основании посемейных списков, составленных самоедскими старшинами по каждой тундре отдельно, и проверена местными чиновниками по крестьянским делам, а потому заслуживает доверия. Пятьдесят лет назад, по официальному отчету за 1844 год, самоедов насчитывалось 5540 человек. Если допустить, что при определении численности самоедов в 1844 году, часть их не была зарегистрирована, то, во всяком случае, число самоедов в течение последних пятидесяти лет не уменьшилось. Но при этом необходимо принять еще в расчет, что самоеды хотя и медленно, но все-таки сливаются со своими соседями, русскими и зырянами, и, следовательно, часть их, перешедшая в зырянские и русские селенья и приписанная уже к русским волостям, за этот период времени не вошла в общую сумму самоедского населения.

Если бы самоеды действительно вымирали, то факт этот в течение 60 лет, во всяком случае, выяснился бы более рельефно. Но если изложенные данные не устанавливают точно факта прироста самоедского населения, то, с другой стороны, они не подтверждают предположений о его вымирании под влиянием экономических и социальных условий, будто бы неблагоприятно отзывающихся на существовании этого племени.

Главную основу экономического благосостояния самоедов составляют оленеводство, лесная охота, ловля речной и озерной рыбы и промысел морского зверя — словом, все важнейшие отрасли промышленности Севера. Обилие естественных богатств в тундре и у моря, даже при самой незначительной энергии промышленника, само по себе должно давать ему громадные доходы, тем более что коренные обитатели тундры как нельзя лучше ознакомлены с местными

промыслами и условиями их производства — знают, в какое время года, что и где лучше можно промыслить. Отсутствие каких-либо путей сообщения здесь не имеет того рокового значения, как в других безлюдных местностях, так как под рукою есть прекрасное перевозочное средство — олень, для которого не надо ни хорошо устроенных дорог, ни станций, ни даже запасов корма; он круглый год сам себе находит пищу и не требует никакого ухода, кроме защиты от хищных зверей. Несмотря, однако, на такие благоприятные условия, экономическое положение самоедов далеко не завидно. Факт этот замечается всеми наблюдавшими быт самоедов. Причину этого явления объясняют многие «вторжением» будто бы в тундру зырян и русских. На все лады повторяется, что у самоедов были когда-то огромные стада оленей, что эти олени перешли в руки зырян и русских, которые захватили их частью обманом, частью явным насилием; что те же зыряне и русские отбили у самоедов все промысловые места, обзавелись нужными снастями и снарядами, которых негде взять бедному самоеду; что, пользуясь пристрастием самоедов к пьянству, они ввозили в тундры вино и эксплуатировали пьяных самоедов. На самом же деле данных, которые свидетельствовали бы, насколько велико было оленеводство у самоедов до поселения в тундрах русских и зырян, нет никаких. Всем бросалось лишь в глаза, что недавние сравнительно пришельцы завели себе значительные стада и оленеводство зырян и русских растет, тогда как у самоедов оно не увеличивается. Быстрый успех дела у одних и застой у других, а также отдельные случаи обмана самоедов новыми поселенцами, вероятно, и подали повод к предположению, что самоеды беспощадным образом эксплуатируются зырянами и русскими. Дело, как мне кажется, совсем не в зырянах и русских. Самоед смотрит на своих оленей не как на капитал, из которого он мог бы извлекать определенные выгоды и составлять известные денежные сбережения, а как на предмет, необходимый для удовлетворения его вседневных потребностей. Олень перевозит его с семьею и жилищем с места на место, из его шкуры он шьет себе платье и строит свой чум, его же мясом он питается. О сбережениях, о завтрашнем дне самоед не заботится; поэтому он и не особенно хлопочет о постоян-

ном увеличении своего стада. Если у него есть 50—100 оленей — с него и довольно, а чем меньше стадо, тем медленнее оно может увеличиваться, так как весь приплод уходит на пищу и одежду. Владельцу стада менее 50 голов редко удастся его увеличить, несмотря на быстрое размножение оленей, тем более что об уходе за оленями, об улучшении породы самоед заботится мало; впряжку употребляются молодые олени вместе со взрослыми, вследствие чего порода мельчает, олени делаются слабосильными и скорее гибнут — особенно в молодом возрасте и в случае эпизоотии. Между тем, при беспечности самоеда и по неимению сбережений, как только он лишится своего стада, ему трудно сразу подняться на ноги и завести новых оленей; а безоленный самоед — это нищий, который ни за что взяться не умеет и в лучшем случае нанимается в пастухи к зырянину или русскому. Для него, в сущности, безразлично, пасет ли он свое или чужое стадо; он — в своей сфере, кочует по тундрам, может заниматься всяким промыслом, сыт, благо о нем заботится хозяин. Хорошими пастухами, понятно, дорожат, потому что лучшего пастуха, чем самоед, найти трудно — это его профессия по традициям и по вековой привычке.

Совсем иначе смотрит на оленя зырянин; для него оленеводство представляет предприятие, которое дает ему хороший, определенный доход. Выше мы уже говорили, что зырянин получает по меньшей мере по одному рублю дохода с каждого оленя и старается по возможности увеличить свое стадо и вести дело на рациональных началах. Баснословно больших стад в 10 000 и более голов, которыми будто бы владели когда-то самоеды, нет ни у них самих, ни у зырян. Во всем Печорском крае только у одного самоеда есть стадо в 6000 голов и у одного зырянина 4000 голов. Даже стад свыше 1000 голов очень немного. Оно и понятно: с большим стадом кочевать очень трудно, и для него не везде найдешь в одном месте достаточно корма, да и надзор за ним надо большой, а в случае эпизоотий соответственно увеличиваются и потери. Чтобы составить себе более или менее верное представление о том, в каком положении находится оленеводство у самоедов и у зырян, обратимся к имеющимся, хотя и неполным, цифровым данным.

В 1847 году, по исследованиям Штукенберга, у самоедов имелось 95 000 оленей. Затем, в 1892 году, после целого ряда падежей 1880-х годов, по подробным расследованиям Снегирева, оленей у самоедов насчитывалось 79 677 штук. Из этих цифр видно, что общее количество оленей у самоедов за последние пятьдесят лет изменилось сравнительно незначительно. Если мы затем примем во внимание, что все самоедское население состоит из 1750 семейств, в числе около 7000 душ, и что для безбедного существования самоедской семьи нужно по крайней мере 50 оленей, т. е. 87 500 штук, то окажется, что число оленей, которыми ныне владеют самоеды, было бы нормальным, будь оно только распределено между ними более или менее равномерно. В действительности же число оленей между самоедским населением распределяется таким образом:

у 439 семейств	по	1—50	оленей;	всего	11 300 голов
125		51—100			8300
53		101—200	}	60 077
41		201—500			
19		501—1000			
8		1001—2000			
1	до	6000			
<hr/> 686 семей			Итого	<hr/> 79 677 голов	

Из этой таблицы мы видим, что бóльшая часть оленей сосредоточена в руках 122 более крупных хозяев, которые владеют с лишком 60 000 оленей, тогда как остальные владельцы, в числе 564 семейств, имеют всего около 20 000 голов, т. е., в среднем, около 35 штук на семью. Каждый год из этих 564 семейств некоторая часть утрачивает, по разным случайностям, последний десяток своих оленей и переходит, таким образом, в разряд безоленных. Отдельно такие семьи кочевать не могут; они обыкновенно соединяются группами в 2—3 семьи и кочуют в тундрах сообща, пока не съедят последних оленей.

Совсем не так распределены олени между оленеводами-зырянами. Еще в 1842 году, по свидетельству Иславина, среди зырян Мохченской волости было 244 оленевода, вла-

девших 120 470 оленями, а в 1892 году Снегирев в трех зырянских волостях — Мохченской, Красноборской и Усть-Кожвенской — насчитывал уже 739 оленеводов, владевших 207 115 оленями.

Общее число принадлежащих ныне зырянам оленей распределяется между ними следующим образом:

по	1 — 50	оленей	246	семейств
	51 — 100	129	
	101 — 500	245	
	501 — 1000	82	
	1001 — 2000	36	
	до 4000	1	
<hr/>	<hr/>	<hr/>	<hr/>	<hr/>
Всего	207 115	оленей	на 739	семейств

Из этих данных видно, что зыряне уже издавна занимались оленеводством. О движении русских и зырян в тундры имеются сведения уже в XVI веке; тогда еще самоеды жаловались московским царям на обиды со стороны зырян. Так, грамотою Иоанна IV от 15 апреля 1545 года канинским и тиманским самоедам предоставлены рыбные ловли и звериные урожаи «по старине». Грамота эта не возбраняла доступа в тундры зырянам и русским, но запрещала только отнимать у самоедов занятые ими промысловые пункты. Таким образом, русские и зыряне издавна фактически пользовались тундрами для промыслов и для пастьбы оленей, а потому едва ли представляется достаточно оснований признавать за самоедами право исключительного пользования ими, как это предлагают защитники самоедской самобытности. Нельзя же, в самом деле, выселить из тундры с лишком 20 000 человек зырян с более чем 200 000 оленей, живущих здесь уже несколько веков и составляющих главную экономическую силу края, для того только, чтобы дать возможность небольшой кучке самоедов беспечно гулять по тундрам и охранить их от вредного на них влияния.

Многие, между прочим, утверждали, что тундры должны быть предоставлены исключительно самоедам и потому, что с увеличением числа оленей в тундре будто бы истощаются пастбища, с лишением коих самоеды должны будут

окончательно погибнуть. В действительности, по исследованиям Снегирева, оказывается, что на одной квадратной версте среднего качества тундрового пространства, без его истощения, в течение одного года могут прокормиться от 4 до 5 оленей, а так как архангельские тундры занимают площадь около 260 000 квадратных верст, то они, следовательно, вполне могут прокормить до одного миллиона оленей; такого числа оленей с избытком хватит на всех — на самоедов, зырян и русских.

За стадом до 500 голов присматривает обыкновенно сам владелец. Стада свыше 500 штук разбиваются на несколько отдельных стад, и для их пастбы нанимается пастух, обыкновенно из самоедов.

Вероятно, под влиянием установившегося мнения о необходимости оградить самоедов от нанимателей были изданы особые правила, которые вошли в высочайше утвержденный 18 апреля 1835 года. Устав об управлении самоедами. По этому положению, самоедам предоставлено право заключать условия найма на срок не более одного года. Если условие заключено словесно, на одном лишь личном доверии, то оно не подлежит судебному разбирательству ни у самоедских старост, ни в волостных правлениях или других присутственных местах; в таких случаях сторонам предоставляется право разбираться полюбовно через посредников, и разбор этот считается окончательным. При найме на основании письменных условий между хозяином и работником каждый год должны производиться расчеты для выяснения того, кто кому остается должен, причем если окажется, что работник остался должным хозяину более 5 рублей, то долг его считается возникшим «без дозволения начальства» и не подлежит никакому иску.

Упомянутый устав 1835 года предоставляет самоедам самые широкие права по самоуправлению. Во внутренних своих делах самоеды управляются по обычаям своего племени собственными старшинами, избираемыми по одному на каждую тундру. Старшины являются единственными посредниками между самоедами и местною администрацией. Для удобства самоедов в более удобное для них время назначаются общественные собрания (сугланы), на кото-

рых чинится разбор дел между ними. По общим законам самоеды судятся только за самые тяжкие преступления; все менее важные проступки, не исключая краж, разбираются по их обычаям.

Несмотря, однако, на такие значительные привилегии, самоеды не сумели упрочить своей самостоятельности и своего экономического положения. Это неумение самоеда видно не только в положении оленеводства, но и во всех остальных отраслях промышленности, какими бы он ни занимался. Так, например, морской звериный промысел производится по всему побережью океана от устьев реки Мезени до реки Кары и на островах Вайгаче, Колгуеве, Матвееве, Долгом, Варандее; здесь бьют моржей, нерп, морских зайцев, белух и белых медведей. Промысел этот находится почти исключительно в руках самоедов, которые на лето перекочевывают сюда со своими стадами, и от них самих зависело бы извлекать из него всевозможные выгоды. Но неумение обеспечить себе сбыт добычи ведет к тому, что они вынуждены бывают отдавать ее скупщикам по произвольной цене. Самоеды в большинстве случаев не имеют своей собственной обстановки для промысла — судна, снастей, ружей и т. д. Русские скупщики разъезжают по всему берегу, сами обыкновенно не промышляют, а составляют из самоедов артели в 5—8 человек, дают им судно, невода, ружья, провизию — словом, берут на себя всю организацию промысла, получая, конечно, за это львиную долю добычи. Едет же скупщик от места промысла зачастую на оленях того же самоеда в Мезень, Пинегу или в Пустозерск и продает там самоедскую добычу по настоящей цене. Отчего бы, кажется, самому промышленнику не везти ее туда лично или не послать доверенного от себя и от нескольких своих товарищей по промыслу?

Бездеятельность самоедов, отсутствие какой-либо более или менее правильной хозяйственной организации в их быту и непонимание ими собственных интересов — вот единственные причины их бедности. Никакая опека правительства, в лице, например, проектированных самоедских приставов, открытия казенных складов для снабжения их хозяйственными промысловыми припасами, ни запрещение

доступа в тундры зырянам и русским не избавят их от косности, а скорее приучат к мысли, что казна будет их кормить на свой счет. Удачная по результатам опека над самоедами, поселенными на Новой Земле, не может служить примером, потому что там вмешательство администрации в экономический быт поселенцев вызвано географическим положением Новой Земли, отсутствием частной конкуренции и необходимостью снабжать поселенцев продовольствием и орудиями промысла. В громадной же тундре никакая охрана немыслима; невозможно также никакими искусственными мерами прервать между ее обитателями сложившихся веками сношений.

Пока самоеды не оставят своего кочевого быта, они никогда не упрочат своего экономического положения. Нигде и никогда кочевники не пользовались благосостоянием, если не считать тех случаев, когда им попадало чужое добро, захваченное грабежом, но и такого добра хватало ненадолго. Когда самоеды сделаются до некоторой степени оседлыми, когда они войдут в более тесное общение и торговые связи с соседями и будут иметь общее с ними административное и общественное управление, тогда, без всякой опеки, они сумеют отстаивать свои интересы, сумеют воспользоваться дарами природы, причем им вовсе нет надобности бросать оленеводства. Живым примером тому служат зыряне и лопари.

V

Оленеводство. — Производство замши. — Звериный и рыбный промыслы. — Пароходство по р. Печоре. — Село Куя. — Пароход «Норденшильд». — Печорский бар. — От Печоры до Архангельска. — Пароходство от Архангельска к Печоре.

Я остановился несколько подробнее на описании экономического быта, нравов и обычаев зырян и самоедов как главных обитателей Печорского уезда, представляющих характерные племенные особенности от остального населения края, русских, — особенности, которые должны будут сгладиться

с течением времени, по мере развития торговли и промыслов, улучшения путей сообщения, устройства школ и развития грамотности, — вообще, когда край выйдет из того обособленного состояния, в котором он до сих пор находился, и когда сюда проникнет более культурная жизнь.

Природные богатства края дают полную возможность в значительной мере расширить его производительные силы: минеральные богатства и лесной промысел еще не тронуты, а морской звериный промысел, лесная охота, рыболовство, скотоводство и даже хлебопашество в южной части уезда могли бы принять более широкие размеры. Мы видели, что оленеводство в Печорском уезде получило уже значительное развитие: к 1 января 1896 года в уезде насчитывалось с лишком 276 000 оленей; в то же время огромные луговые пространства по Печоре и ее притокам дают возможность содержать значительное количество скота: у оседлого населения в редком дворе не найдутся теперь 3—4 коровы, 2—3 лошади и 5—7 овец. Всего в уезде к 1 января 1896 года считалось: рогатого скота 11 976 голов, 7600 лошадей и 12 600 овец. Ячменя было посеяно в 1896 году 4400 четвертей и собрано 13 900 четвертей.

В связи с увеличением количества оленей значительное развитие в уезде получило также и замшевое производство; всех замшевых заводов к 1 января 1896 года состояло 64, которые выработали замши на сумму 127 400 руб. Самая выделка замши крайне проста и требует самых ничтожных приспособлений; она заключается в следующем: прежде всего с оленьих шкур острыми ножами сбивают шерсть и затем помещают их на некоторое время в раствор извести; после этого, чтобы удалить известь, шкуры выскабливают двуручными ножами. Очищенную таким образом шкуру пропитывают ворванью, мнут на мялках, опять пропитывают ворванью, повторяя это до тех пор, пока замша не получит требуемой мягкости. Наконец, замша высушивается, тщательно вымывается щелоком, выветривается и снова сушится. Иногда ее развешивают на солнце, отчего она делается белою. Обработка замши производится в виде кустарного промысла в небольших заводах, обыкновенно силами одной семьи; необходимые для ее производства материа-

лы: известь, ворвань, зола и дрова — находятся под рукою и стоят недорого, так что на выделку одной шкурки выходит в среднем 7 коп., а вся выделка оценивается в 25—30 коп. Выделанная замша поступает в продажу по цене приблизительно около 2 руб. за шкуру.

Остальные промыслы дали в 1895 году следующие результаты. Морским звериным промыслом занимались 960 человек, которые добыли:

3550 зверей на сумму	11 600 р.
Рыбы добыто: семги 4100 пудов на сумму	30 600 р.
наваги 15 600	23 400 р.
речной и озерной,	
главным образом нельма,	
чирь, омуль, пелядь и сиг 19 300	37 000 р.
<i>Всего . . 39 000 пудов насумму</i>	<i>102 000 р.</i>

Лесною охотою занимались 2500 человек, которые добыли 35 500 зверей (главным образом белок) и 70 000 пар птиц (белых куропаток и рябчиков), всего на сумму 22 500 руб.

Рыба скупается на месте преимущественно чердынскими купцами, которые сбывают ее в Перми и далее по Каме, а дичь свозят обыкновенно на ярмарку в Пинегу, откуда она идет дальше — в Петербург, Москву и Нижний. Само собою разумеется, что при отсутствии путей сообщения и конкуренции промышленники вынуждены сбывать продукты своих промыслов за сравнительно дешевую цену скупщикам, которые в то же время снабжают их в кредит хлебом и всякими другими предметами, вследствие чего промышленники должны неизбежно находиться в постоянной кабале у купцов.

Все эти данные как нельзя лучше показывают, каким богатством обладает этот обширный край и насколько представлялось необходимым связать его соответствующими путями сообщения с архангельским и другими рынками для сбыта его произведений и для развития промышленной деятельности. Осуществить, по возможности, эту задачу и было моею главною целью при поездке на Печору.

В Усть-Цыльме меня ожидал пароход чердынского купца Черных. У Черных плавают по Печоре два парохода; они приспособлены для буксировки баржей, имеют довольно сильную машину и сидят неглубоко в воде — до пяти четвертей. На этих пароходах Черных привозит весной с Якшинской пристани Пермской губернии все необходимые для Печорского края товары, главным образом муку, вино, соль, сахар и т. д. Между прочим, в ренском погребе в Усть-Цыльме мы нашли сносное красное вино, херес — вероятно, пермского приготовления — и даже очень хорошую сельтерскую воду от Грахе из Казани. Что в ренском погребе оказался херес и другие крепкие напитки — это несколько не удивительно. Зыряне вообще очень много пьют водки и вина, причем зажиточные предпочитают больше вино. Здесь настолько все приноровлено к оленям, что зыряне и напитки употребляют, сообразуясь с тем, сколько у кого оленей; так, у кого их менее тысячи голов, тот удовлетворяется водкою, у кого больше тысячи, тот уже пьет коньяк чердынского приготовления, а у кого две тысячи оленей, тот считает своим долгом пить херес. Разумеется, коньяк и херес такого сорта, что без сельтерской воды обойтись бывает трудно.

К осени баржи нагружаются местными товарами: семгою и другою рыбою, мехами, тюленьим салом, дичью — и буксируются вверх по Печоре до Якшинской пристани, где пароходы остаются на зимовку, а привезенный товар сухим путем перевозится на Каму.

От Усть-Цыльмы мы проплыли вниз по Печере до села Куи — расстояние в 280 верст — не более 20 часов. Печора поражает своею шириною и массою воды, но берега ее очень неприглядны: корявая растительность, песчаные отмели и бесконечные, насколько видит глаз, не то луга, не то тундры и болота, крайне однообразные и унылые, точно пустыня.

Со временем, когда установятся правильные пароходные сообщения как между Архангельском и Печорою, так и вверх по этой реке, с. Куя обещает сделаться значительным торговым центром края. Хотя Куя расположена в 120 верстах от устья Печоры, но морские пароходы свободно дохо-

дят до этого места. Верстах в 60 от Куи Печора начинает уже делиться на несколько рукавов, которые дробятся все больше и больше, образуют множество островов и вливаются, наконец, в океан, в числе с лишком 20 протоков, которые все вместе составляют огромную дельту этой реки. Главный фарватер имеет от 20 до 30 футов глубины, и лишь в немногих местах находятся в нем мели, которые довольно трудно обходить, тем более что никаких знаков на фарватере не поставлено.

Подходя к Куе, мы увидели большой пароход «Норденшильд» купца Сибирякова. Сам хозяин, поручив капитану ожидать меня и предоставив пароход в мое полное распоряжение, отправился на лодке по притокам Печоры к Уралу, а затем через Урал к Оби и далее в Сибирь, где у него были дела. Сибиряков не в первый раз проходил этим путем; заботясь в интересах торговли соединить бассейны Оби и Печоры, он устроил конный путь между ближайшими притоками этих рек и доставлял этим путем некоторые товары из Сибири к Печоре. В будущем, когда край этот заселится, будет учреждено постоянное пароходство и разовьются торговля и промыслы, тогда, быть может, и этот путь получит известное значение, в настоящее же время все заботы должны быть направлены к тому, чтобы соединить по крайней мере Печору с Архангельском.

Я приехал в Кую около 12 часов ночи; конечно, было совсем светло. Пока «Норденшильд» оканчивал выгрузку, я обошел село и зашел в церковь. Она произвела на меня очень хорошее впечатление; иконостас уставлен сравнительно богатыми образами в серебряных ризах. Я спросил священника, как ему живется, как он переносит суровый климат, доволен ли своею паствою или думает перейти в другой приход, поближе к Архангельску. «Нет, — отвечал он, — я доволен своими прихожанами; устроил школу, у меня человек 20 учеников, между ними несколько человек самоедов. Было бы жаль с ними расстаться».

Нельзя не преклониться перед этими достойными служителями православной церкви на далеком Севере. Призванные внести свет христианского учения среди полудиких еще инородцев, они безропотно переносят всякие

лишения. Стоит только вспомнить подвиги отца Ионы на Новой Земле, окруженного самоедами, о. Щеколдина на границе Норвегии, среди лопарей, о. Кулакова в с. Куде на Печоре и многих других священников, которых я встречал в делях Архангельской губернии во время моих путешествий.

Обходя церковь в с. Куде, я между прочим обратил внимание на изящный белый мраморный памятник, какой редко можно встретить на деревенском кладбище. Этот памятник, сделанный в Екатеринбурге, поставлен на могиле самоедки Хотанзей ее мужем.

Затем, взяв с собою мальчика из деревни, я отправился поблизости в тундру, чтобы настрелять на дорогу белых куропаток, которых, по словам моего проводника, можно было найти в каких-нибудь 100—200 саженьях от деревни. Действительно, куропатки вырывались на каждом шагу из-под ног, и не прошло получаса, как я уже убил их с десятков. Мальчик принес мне еще штук десять, которых он наловил накануне, причем у всех его куропаток были отрезаны крылья.

— Что же тебе дать за них?

— Да копейки по две за пару надо.

— Зачем же ты им обрезал крылья?

— А с крыльями дороже: крылья больше стоят, чем куропатки; за крылья дают по три копейки за пару.

Оказывается, что куропаток летом девать некуда, а крылья можно продать. На «Норденшильде» мы везли груз этих крыльев в Архангельску в количестве 600 пудов. Можно себе представить, какая бездна их заключалась в этих 600 пудах. Из Архангельска крылья отправляют за границу, где ими украшают дамские шляпки. Белые перья крыльев куропатки представляют между прочим то удобство, что их легко окрасить в любой цвет и, таким образом, превратить их в перья попугая и какой угодно другой птицы.

На другой день, 5 августа, мы прибыли на Печорский бар и застали там транспорт «Бакан». Недалеко от него лейтенант Жданко и другие офицеры на шлюпках производили промер фарватера, а вдали, в Болванской губе, виднелся крейсер «Вестник» и поморская шкуна Антупьева.

Таким образом, в устьях Печоры впервые собралась значительная флотилия: военные суда — крейсер «Вестник» и транспорт «Бакан», коммерческий пароход купца Сибирякова «Норденшильд» и поморская парусная шкуна Антупьева. После взаимных приветствий и поздравлений с благополучным прибытием к главной цели наших странствований я отдохнул некоторое время на крейсере, ознакомился с произведенными офицерами работами по исследованию окрестностей Печорского устья и затем, 6 августа, простившись с любезными хозяевами, которым предстояло еще закончить некоторые гидрографические работы, пошел на «Норденшильде» сперва на восток, мимо острова Варандей, в обход целого ряда кошек, окружающих Печорскую губу, а потом открытым океаном, прямо на северную оконечность острова Колгуева, мимо Канина Носа, в Архангельск.

Пароход «Норденшильд» — небольшое, но превосходное судно, приспособленное для плавания в северных морях; оно построено прочно и не раз попадало в полярные льды, оставаясь невредимым; ход его небыстрый, около 8 узлов, обыкновенно идет под парусами. Капитан парохода, г-н Киш, опытный моряк, в течение десяти лет плавал к устьям Печоры, к Югорскому Шару и к Енисею.

Нам предстоял довольно продолжительный переход открытым океаном. Смотреть было не на что — кругом небо и вода, а потому, пользуясь свободным временем, я занялся просмотром судовых журналов, любезно предоставленных мне капитаном. Эти журналы представляли тот интерес, что в значительной степени уясняли условия плавания из Архангельска на Печору, так как пароход «Норденшильд», как я уже упомянул выше, неоднократно совершал переходы на Печору. Вот подробная выписка его плаваний к Печоре за 10 лет, с 1885 по 1895 год.

В 1885 году «Норденшильд» сделал один рейс из Архангельска к Югорскому Шару и на Печору; в 1886 году два рейса — один из Архангельска к Печоре, другой из Варде на Печору; в 1888 году один рейс из Архангельска на Печору; в 1888 году из Архангельска в Югорский Шар и на Печору; в 1889 году из Соловецка на Печору; в 1890 году из Шотландии к Печоре; в 1891 году из Соловецка в Югорский Шар и на

Печору; в 1892 году из Архангельска в Югорский Шар и на Печору; в 1893 году два рейса из Архангельска на Печору и в 1894 году два рейса из Архангельска на Печору. При подробном рассмотрении всех данных об этих плаваниях выяснилось, что навигацию к Печоре можно определить в два месяца, приблизительно с 10—15 июля по 10—15 сентября; один и тот же пароход в течение этого времени свободно может сделать три рейса, и пароходы могут проходить Печорский бар до с. Куи с осадкою не более 11 футов, так как в полную воду глубина воды на баре достигает только 12 футов.

Самый ранний срок, в какой «Норденшильд» приходил на Печору, был в 1885 году — 12 июля, в 1892 году — 13 июля и в 1893 году — 15 июля, выйдя притом из Архангельска в 1885 году — 5 июля, в 1892 году — 9 июля и в 1893 году — 11 июля. Ранее 10—15 июля почти всякий год можно встретить значительные скопления льдов, которые едва ли представится возможным обойти. Самые поздние рейсы «Норденшильд» совершил в 1891 году, выйдя из Печоры 20 августа, в 1893 году — 23 августа, в 1894 году — 4 сентября. Позднее хотя и нет еще льдов, но плавание затрудняется темнотою ночей и туманами. Переход из Архангельска до Печоры «Норденшильд» совершал обыкновенно в 5—6 дней, делая от 7—9 узлов, а потому, полагая на переход из Архангельска до Печоры и обратно 10—12 дней и на стоянке 5—6 дней, можно прийти к заключению, что один и тот же пароход во всяком случае будет в состоянии делать ежегодно по три рейса из Архангельска на Печору.

Для полноты сведений о плавании всех судов, которые в 1894 году ходили на Печору, приведу следующие сведения о плавании транспорта «Бакан», крейсера «Вестник» и поморской шкуны Антуфьева. «Бакан» вышел из Архангельска 1 июля, 8-го обошел Канин Нос и взял курс на северную оконечность Колгуева, где встретил льды; пройдя 4 июля льдами 15 миль к востоку, вынужден был вернуться обратно и остановился на якоре у Канина Носа 6 июля, где встретился с нами, когда я шел на «Ломоносове» на Новую Землю. 8 июля «Бакан» снялся с якоря и направился к южной оконечности Колгуева, но и там встретил льды. 9-го пошел к югу вдоль Тиманского берега, 11-го прошел Русский Заворот, а 12-го стал на якорь у острова Варандея, где поджи-

дал крейсера «Вестник», который должен был прибыть сюда со мною с Новой Земли. Обратно с Печоры «Бакан» вышел 14 августа, 15-го миновал Колгуев и Канин Нос, 16-го выдержал в Белом море сильный шторм и 17-го стал на якорь у Соловецка. Крейсер «Вестник», выйдя 24 июля из Архангельска, беспрепятственно, не встретив льдов, прибыл 26-го к Варандею и, пройдя в Болванскую губу, остановился там на якоре. 14 августа крейсер вышел с Печоры, зашел на Мурман, в Екатерининскую гавань, и оттуда пошел прямо в Кронштадт. Поморская шкуна Антуфьева вышла с запасом угля для судов, отправленных к Печоре, 1 июля, 4 июля пришла к Канину Носу, 5-го встретилась с транспортом «Бакан» и, получив сведения от командира, что на север от Колгуева лед, пошла к югу к Чешской губе и далее вдоль Тиманского берега. Постоянно встречая льды, она шла между ними и берегом, 11-го пришла к Русскому Завороту, 12-го и 13-го, вследствие тумана и льдов, медленно подвигалась вдоль Гуляевских кошек, 14-го достигла острова Варандея и 15-го пошла в Печорскую губу.

Офицерами транспорта «Бакан» во время пребывания их в устьях Печоры, с 12 июля по 14 августа, были произведены следующие работы: пройден несколько раз промером путь от острова Варандея до Болванской губы; произведены наблюдения над высотой прилива, а также над направлением и скоростью течения у острова Варандея; сделана съемка Болванской губы, определены наименьшая вода и высота прилива на Печорском баре, произведены съемка и промеры реки Печоры до с. Куй, поставлены вехи у Черной Лопатки, на мели у Константинова мыса, на отмелях у Гуляевских кошек. Лейтенантом Жданко сделаны магнитные наблюдения и определены астрономические пункты на острове Варандее, на Болванском мысе и на мысе Двойничном, произведены наблюдения над температурой и удельным весом воды в океане на разных глубинах. На основании всех этих работ гидрографическим департаментом исправлены карты устьев реки Печоры, которые ныне уже отпечатаны.

Самое плавание наше на «Норденшильде» с Печоры до Архангельска было вполне удачное; погода была хорошая, море по большей части спокойное, нигде мы не встречали

никаких признаков льда. 11 августа мы благополучно прибыли в Архангельск.

Таким образом, цель была достигнута и возможность плавания к Печоре вполне выяснилась. Поэтому я считал себя вправе тотчас же войти с ходатайством к министру финансов об учреждении правильных пароходных сообщений между Архангельском и Печорою и по самой Печоре.

Благодаря живому участию и содействию министра финансов С. Ю. Витте, вслед за сим были внесены в Государственный совет предложения об учреждении этого пароходства, а 8 мая 1895 года Государю Императору благоугодно было утвердить положение Государственного совета об учреждении пароходства по Печоре и пароходства из Архангельска к Печоре, с ежегодною субсидиею от правительства. Мне было предоставлено войти в соглашение с лицами, выразившими готовность принять на себя содержание пароходства, и заключить соответствующие контракты на 1895 год. На содержание пароходства между Архангельском и Печорою мною заключен контракт с купцом Сибиряковым, а на содержание пароходства по Печоре с купцом Черных.

Опыт увенчался полным успехом: пароход Сибирякова «Норденшильд» благополучно совершил с 8 июля по 2 сентября 1895 г. три рейса между Архангельском и с. Куей на Печоре, причем собственно на плавание употреблено 34 суток и 22 суток на стоянки, для нагрузки и выгрузки товаров и балласта в Архангельске и Куе. Плавание как по океану, так и по Печорскому бару совершалось беспрепятственно; перевезено из Архангельска на Печору 30 000 пудов груза и 35 пассажиров. Такое сравнительно небольшое количество грузов и пассажиров объясняется тем, что торговые сношения между Архангельском и Печорою не успели еще установиться вполне.

Пароход купца Черных начал плавание по Печоре 17 мая и окончил плавание 22 сентября, причем им было совершено семь рейсов от с. Шугорь Вологодской губернии до с. Куй и обратно. Перевезено груза 24 000 пудов и 157 пассажиров.

Открытие пароходных сообщений принесло уже видимую пользу краю. Почти все предметы первой необходимо-

сти, которые до сего времени привозились в Печорский уезд чердынскими купцами, устанавливавшими на них, вследствие отсутствия конкуренции, произвольные цены, стали значительно дешевле, а некоторые местные произведения, которые прежде вовсе не находили сбыта, были отправлены в Архангельск.

Таким образом, богатая восточная окраина Архангельской губернии соединена ныне телеграфом и почтовою дорогою до с. Усть-Цыльмы и пользуется пароходными сообщениями по реке Печоре и от реки Печоры до Архангельска. Нет сомнения, что эти пути сообщения в недалеком будущем послужат к еще большему развитию экономической жизни, торговли и промыслов обширного Печорского края.

Научно-популярное издание

ЭНГЕЛЬГАРДТ Александр Платонович

РУССКИЙ СЕВЕР: ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ

Ответственный редактор *О. Старикова*

Компьютерная верстка: *С. Валишин*

А. П. Энгельгардт

РУССКИЙ СЕВЕР: ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ

В 1893–1901 гг. выдающийся государственный деятель и ученый-практик Александр Платонович Энгельгардт был Архангельским губернатором. Почетный гражданин Архангельска, он очень много сделал для развития города и всего северного региона. По следам своих многочисленных поездок по губернии он написал книгу путевых записок, в которой изложил свое видение возможностей развития Севера России.

ISBN 978-5-94282-558-4

9 785942 825584

ОГИ

ПУТЕШЕСТВИЯ